

Ю. С. БУЛЫГИН

ПЕРВЫЕ
КРЕСТЬЯНЕ
НА АЛТАЕ

Эгсгдн

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БАЙНАУЛ 1974

Б 90 Булыгин Ю. С.
Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, Алт. кн.
изд. 1974.
144 с.

В книге изложена история вхождения Алтая в состав Российского государства, заселения и освоения верхнего Приобья первыми русскими крестьянами в XVIII веке. Большое внимание уделено основанию сел и деревень, хозяйству русских приписных крестьян, их эксплуатации царской заводской администрацией. Автор называет много фамилий крестьян-первопоселенцев, потомки которых и ныне живут в крае.

В приложении к книге дается хронология возникновения населенных пунктов на Алтае с указанием источников.

Книга рассчитана на историков, краеведов, студентов исторических факультетов, учащихся старших классов, всех, кто интересуется историей Алтая.

0164—022
Б М38 (03) — 74 1 — 74

9 (С 18)

© Алтайское книжное издательство, 1974

ВВЕДЕНИЕ

Подлинное исследование истории Сибири, т. е. исследование с позиций марксизма-ленинизма, стало возможным лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции и окончания гражданской войны. Изменилось само содержание истории. Оно резко расширилось в тематическом и хронологическом отношении. Предметом исследований стала история народных масс Сибири, вопросы социально-экономического, политического и культурного развития этого края.

За последние годы особенно активизировалось изучение истории сибирского крестьянства, его участия в колонизации Сибири, ее освоении, в развитии местного земледелия. Возросло число работ, посвященных приписным крестьянам Алтайского горного округа. Причем характерно, что приписное крестьянство стали изучать не только как рабочую силу при алтайских горных заводах, но и как сельскохозяйственных производителей.

Вместе с тем, в истории сибирского приписного крестьянства есть еще много неисследованных проблем. Наиболее слабо изучены остаются процесс заселения территории горного округа, а без этого трудно исследовать экономические и социальные проблемы истории приписной деревни.

Не ставя перед собой задачи решения всей проблемы в целом, автор исследовал процесс заселения русским крестьянством южной части горного округа — территории верхнего Приобья. Большую часть исследуемой территории занимает ныне Алтайский край, кроме него на севере — небольшая часть юга Новосибирской области, а на юге — часть Восточно-Казахстанской области.

Верхнее Приобье составляло непосредственную окрестность алтайских горных заводов, и влияние горного производства на крестьянскую колонизацию сказывалось

Здесь особенно сильно. История заселения данного района интересна тем, что ее изучение позволяет выявить соотношение правительственной и самостоятельной крестьянской колонизации, определить роль крестьянства в освоении новых земель. Свообразие заселения и хозяйственного развития южной части горного округа не раз отмечалось дореволюционными и советскими исследователями, однако достаточно основательно исследованию этот вопрос до сих пор не подвергался.

В какой-то степени выбор данной территории для изучения процесса крестьянской колонизации Сибири определяется особым интересом автора к истории Алтайского края, его желанием ответить землякам на ряд интересующих их краеведческих вопросов.

Хронологическая работа ограничена в основном XVIII веком, в течение которого Верхнее Приобье было присоединено к России, начатся и интенсивно протекал процесс заселения этой территории русским крестьянством. К концу XVIII века колонизационный процесс ослабевает, приток крестьянства почти прекращается.

В предлагаемой читателю книге кратко излагается история присоединения к России территории Верхнего Приобья, прослеживается процесс ее заселения русскими крестьянами, устанавливается количественная сторона колонизации, хронология возникновения населенных пунктов, дается краткий анализ экономических результатов крестьянской колонизации.

В качестве приложения дана хронология возникновения населенных пунктов на территории Верхнего Приобья. При ее разработке были пересмотрены данные «Списка населенных мест Сибирского края», изданного в Новосибирске в 1928 году по результатам переписи 1926 года. Многие даты возникновения сел и деревень, указанные в этом списке, несправильные, а некоторые совершенно фантастичные. Поскольку эти данные нередко используются краеведами, разработка научной хронологии позволит устранить ошибки в датировке возникновения населенных пунктов края.

Ограниченные размеры книги, естественно, не позволили автору использовать в ней весь документальный материал, найденный в архивах Москвы и Барнаула. Тем не менее автор надеется, что и в таком виде его работа вызовет определенный интерес читателей.

ГЛАВА I ПРИСОЕДИНЕНИЕ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ К РОССИИ

Знакомство русских с Сибирью, с землями, лежащими за Уральскими горами, или, как говорили в старину, «за Камнем», уходит в далекое прошлое. Однако интенсивное освоение русским народом этого обширного края началось лишь с последних десятилетий XVI в. Падение Сибирского ханства открыло широкую дорогу для колонизации земель за Уралом. Уже в 1648 году русский мореплаватель Семен Дежнев обогнул Чукотку и вышел в воды Тихого океана. Огромная территория Сибири и Дальнего Востока в большинстве своем вошла в состав России в короткий срок, в течение одного XVII в.

В отличие от этого освоение русскими юга Сибири, встретив упорное сопротивление кочевников, замедлилось, и поэтому южная часть Сибири, включая и верхнее Приобье, была присоединена к Русскому государству значительно позднее.

Основным препятствием в деле присоединения Верхнего Приобья было сопротивление джунгарской феодальной знати. На протяжении полутора веков (с начала XVII в.) джунгарские феодалы стремились всячески помешать усилению русского влияния в бассейне верхней Оби, сохранить за собой возможность беспрепятственно собирать алман (дань) с местных алтайских племен.

Джунгарское государство не создало на Алтае прочного административного аппарата и держало местное население в подчинении через алтайскую знать и наезжих чиновников. Возмание алмана с алтайских племен происходило во время неперiodических наездов, которые были по сути дела грабительскими военными набегами. На стороне джунгарских феодалов в большинстве слу-

чаев выступала знать телеутов. Князцы этого крупного объединения алтайских племен занимали алман не только в ползвы Джунгарского конгтайши, но и для себя¹. При сборе алмана телеутские князцы были подчас не менее жестокими, чем джунгарские феодалы. Поэтому для алтайцев они были такими же угнетателями, что и Джунгары. Рядовые телеуты в большинстве своем не сочувствовали продолжунгарской ориентации своей знати и не хотели вражды с русскими, особенно с крестьянством.

Иногда и сама телеутская знать, целиком или отдельные ее представители, добровольно признавала себя подданной России. В целом, однако, «Телеутская землица» (так называли русские территории, на которой кочевали телеуты) на протяжении длительного времени была своеобразным буфером между западно-сибирскими владениями России и Джунгарией.

Опорными пунктами для распространения влияния России на территорию верхнего Приобья были в XVII в. Томский и Кузнецкий остроги. Первый был основан в 1604, второй — в 1618 году.

Из Томска русские впервые установили связь с телеутами. В 1609 году телеутский князь Абак согласился принять российское подданство при условии, если им разрешат кочевать vicino Томска, защитят от возможных нападений с юга и освободят от уплаты ясака². Однако под влиянием калмыцких тайшей³ и кучумовичей телеутская знать вскоре разрывает союз с Россией.

В 1617 году Абак вместе с ойратами совершил набег на Томский уезд⁴. В 1624 году в обстановке обострившихся русско-ойратских отношений телеуты неожиданно появились под Томском, перебили застигнутых в поле русских крестьян, угнали лошадей. В 1630 году Абак вместе с чагским мурзой Тарлавом предпринял новый набег на Томский уезд⁵. В ответ на это из Томска был послан про-

тив кочевников отряд Якова Тухачевского. Весной 1631 года этот отряд разбил калмыков, кучумовичей и телеутов близ Чингисского городка, поставленного в верхнем Приобье мурзой Тарлавом¹.

Русская сибирская администрация хорошо понимала, что закрепиться в бассейне верхней Оби нельзя без содействия на этой территории военных опорных пунктов. Наибольшее внимание привлекало место у слияния рек Бии и Катунь. Первая попытка основать такую крепость была предпринята в 1633 году. 20 июня этого года, воплняя указание из Москвы, томский воевода И. Ф. Татев послал вверх по Оби отряд служилых людей и казаков в 60 человек под командованием Федора Пушина, которому было приказано поставить острог на Бии. Этот поход закончился неудачно. 3 сентября 1633 года отряд Ф. Пушина был задержан превосходящими силами кочевников (джунгар и телеутского князца Коки Абакова) несколько выше впадения в Обь реки Чумыш. Малочисленный русский отряд пять дней пытался пробиться, но вынужден был повернуть обратно².

В том же 1633 году отряд казаков из Кузнецка под командой Петра Сабанского добрался до Бии и по ней поднялся до Телецкого озера, где обложил ясаком телеского князца Мандрака. Однако и этому отряду опорного пункта построить не удалось³. Подчинение телесов оказалось непрочным. Зимой 1642 года Петр Сабанский вновь был послан к Телецкому озеру, а в 1646 году после отказа князца телесов Айдара платить ясак против него ходил сын томского воеводы Борис Зубов⁴.

В 1652 году при усиленном поощрении со стороны Джунгарии и с ее помощью Кока Абаков вторгся в Кузнецкий уезд и в принудительном порядке стал собирать дань с местных жителей, плативших ясак русскому царю. Кроме того, он посоветовал телескому князцу Айдору не платить ясак русским, что тот и сделал⁵. Набег кочевников вызвали ответные действия русской админи-

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II, М., 1941, стр. 583.

² Там же, стр. 395—397.

³ Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев, М., 1953, стр. 170.

⁴ Radloff W. Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuch eines Reisenden von dr. W. Radloff W. I. Band. Leipzig. 1884, s. 175.

⁵ Там же, стр. 176.

¹ Контайша — титул хана Джунгарии. Здесь и в последующем дается в варианте русских источников. Правильное написание этого монгольского титула «Хунтайджи».

² Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, М., 1937, стр. 317.

³ Тайша — титул джунгарского феодала в варианте русских источников. Правильное написание — «тайджи». Калмыки и так русские называли джунгар, ойратов.

⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, М., 1937, стр. 238—239.

⁵ Чагские «татары», или чагты, жили по р. Оби близ нынешнего г. Новосибирска.

страшнн. В 1653 году кузнецкий воевода послал служилых людей по рекам Бии и Катунн.

В 1655 году у Коки Абакова возник конфликт с джунгарскими гайшами, и он вынужден был откочевать с улусом на правый берег Оби. Русская администрация решила воспользоваться этим, чтобы подчинить беспоконного телеутского князца. Томский воевода предложил Коке военную помощь. Но тот не только отказался от помощи, но организовал ряд набегов на земли Томского и Кузнецкого уездов. Боясь ответных действий, Кока вернулся за Обь². В 1655 году, потерпев поражение в битве с джунгарами, Кока вернулся на правобережье и вместе с телеутским князем Малжаком принял российское подданство³. Через некоторое время, помирившись с джунгарами, телеутская знать снова уведла своих солдатов за Обь.

Все эти перекочевки и частая смена подданства оказывали влияние на рядовых телеутов. Когда в 1656 году Кока вернулся на левый берег Оби, часть телеутов не последовала за ним и переселилась ближе к Кузнецку на реки Усгат и Ино.

В ряде случаев русская администрация проводила насильственное объясаживание алтайских волюстей, но большей частью приходилось предололевать не сопротивленне алтайцев, а стремление джунгарских феодалов сохраничь алтайские племена в качестве своих данников. В одном из документов, относящемся к первой четверти XVIII века, указывается, что в 1662 году томские воеводы собирали ясак с 13 алтайских волюстей: Мергет, Булак, Мандус, Бельтемир, Бельтер, Цюль, Хара-Тумат, Келегей, Кипчак, Толш, Терну, Оргогой, Тайнош. Правительство Джунгарии жаловалось, что местные русские власти пресекали сбор алмана с этих волюстей⁴. В 1655 году джунгарский контайша Сэнгэ потребовал вернуть ему оставшихся в Кузнецком уезде телеутов, но получил отказ⁵.

¹ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 214, Сиби́рский приказ, стр. 446, ч. I, лл. 197—235.

² Radloff W. Aus Sibiren... s. 179.

³ Там же, s. 176.

⁴ ЦГАДА, ф. 130, Сиби́рские дела. Оп. I, д. 4, л. 1.

⁵ Там же, лл. 1—3, а также см. Н. Я. Вичурин. Историческое обозрение ояратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834, стр. 64.

Жившие на левобережье Оби телеуты и в последние десятилетия XVII века оставались под главенством Джунгарии. Их князья продолжали попытки проникновения в Кузнецкий уезд. Однако это встречало сопротивление не только русской администрации, но и местного населения. Так, в 1673 году в ответ на убийство нескольких жителей Кергасальской волюсти кергасальды и подчинившиеся России телеуты догнали совершивший нападение отряд телеутского князца и джунгар на реке Бии, двух человек убили, восьмерых ранили. В походах русских казаков на телеутского князца Табунку Кокина принимал участие телеутский князец Балык Кажанов, бывший в подданстве России¹.

Телеутские кочевья, оставшиеся под властью Джунгарии, были ареной постоянных военных столкновений, от которых страдали рядовые телеуты. Становились ли они объектом нападения или шли со своими князьями в грабительские походы, они терпели урон. Награбленное, собранный алман доставался знати, а не рядовым телеутам. Поэтому последние пользовались каждым случаем, чтобы откочевать от своих князцов к рубежам России. Так случилось, в частности, в 1676 году, когда Табунка Кокин ввязался в войну с казаками. Воспользовавшись отсутствием князя, многие телеуты его улуса перекочевали на правый берег Оби, ближе к Кузнецку².

В течение XVII века сфера русского влияния в верхнем Приобье значительно расширилась. В 1698 году в Кузнецком уезде насчитывалось 37 волюстей и улусов³. В Горном Алтае ясак платили челканцы, кумандинцы, телесы. В состав Кузнецкого уезда входили земли по верхнему Чумышу. Однако вся территория края считалась еще зарубежной. На чертеже С. У. Ремезова межа с Телеутской землей обозначена по реке Бердь. Некоторые телеуты кочевали даже севернее: между Бердью и Иней. Выше Берди, до рек Касмалы и Барнаулки, кочевал Табунка Кокин со своим улусом. По рекам Адею и Чарышу на карте С. У. Ремезова, датированной 1701 годом, показаны белые калмыки князца Шадаа, то есть тоже те-

¹ Тадыев П. Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая. — В кн.: Великая дружба. 200 лет добровольного вхождения алтайцев в состав России. Горно-Алтайск, 1956, стр. 9.

² Дополнения к Актам историческим..., т. 7. СПб., 1859, стр. 340.

³ ЦГАДА, ф. 214, Сиби́рский приказ, кн. 1354, л. 281.

деуты¹. Влияние джунгар в верхнем Приобье было еще преобладающим. Время от времени даже в начале XVIII века ойратские феодалы добивались за алманом до Барабы. Действительное присоединение верхнего Приобья к России произошло лишь в XVIII веке.

Завершение экономического объединения страны, начало мануфактурного производства создали объективные возможности для преодоления относительной отсталости России, обеспечения успеха реформ Петра I. В интересах значительной части дворянства и нарождавшейся торговой-промышленной буржуазии были проведены преобразования для государственного аппарата, поощрялось развитие промышленности и торговли. В интересах дворянства и купечества правительство Петра I проводило активную внешнюю политику, направляемую на расширение земельных владений, завоевание выходов к открытым морям, обеспечение безопасности торговли со странами Востока и Запада. Основным направлением внешней политики царизма того времени была борьба за Прибалтику и берега Черного моря. Однако одновременно, хотя и в значительно меньшей степени, активизируется политика царизма на Востоке. Объектом усиленной колонизации становится Южная Сибирь, в том числе и верхнее Приобье.

Продвижение в этом направлении обеспечивало значительное расширение территориальных владений России, облегчало торговые связи с Китаем и Индией, давало России богатые месторождения металлов, в первую очередь меди и серебра. Обнаружение полиметаллических руд на территории верхнего Приобья вызвало особую заинтересованность царизма в присоединении этого края. Однако благоприятные условия для этого сложились не сразу.

В начале XVIII века царизму было не до Сибири. Война со Швецией началась неудачно. Ее продолжение требовало колоссальных затрат. Поэтому сибирская администрация располагала весьма ограниченными средствами и для внешнеполитических акций, недостаточным количеством войск и вооружения.

В борьбе за верхнее Приобье первостепенное значение имели реальные силы Кузнецкой крепости. В 1693 году

¹ Чортужная книга Стобри, составленная голядьским сыном боярком Ям Семенов Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882, лл. 13—14.

в ней было всего 7 медных и 2 железных пикала. Этим ограничивалась вся артиллерия крепости. Ручного огнестрельного оружия не хватало и на половину ее небольшого гарнизона¹. В 1698 году в кузнецком гарнизоне насчитывалось: детей боярских — 26, конных казаков — 89, пеших казаков — 130, служилых татар — 19, пушкарей — 4 и т. д., всего военных 289 человек². В 1703 году число кузнецких конных казаков было определено в 100 человек³. Такого гарнизона для крепости, постоянно подвергавшейся набегам кочевников, было явно недостаточно.

В 1700 году кыргызы и калмыки напали на Кузнецк, сожгли подгородный Рождественский монастырь, 20 дворов в подгородной слободе, уничтожили много хлеба и скота. Всего погибло русских и ясачных, то есть коренных жителей уезда, 41 человек, 102 человека были захвачены в плен⁴. В 1701 году кузнецкие пашенные крестьяне вынуждены были просить у правительства поддержку и продовольствием и деньгами на приобретение лошадей: не на чем было пахать пашню⁵.

Русские вынуждены были жить в постоянной напряженности: высылать дозоры в окрестности Кузнецкого уезда, следить за каждым продвижением кочевников, укреплять не только Кузнецкий острог, но и тылы. В 1703 году значительно ниже по Томи был укреплен Сосновский острог⁶. Тогда же на Оби был построен Умревинский острог. Отряды русских казаков совершали походы с целью закрепления за Россией обширных территорий и в ответ на набег кочевников. С каждым годом росло влияние русских на местное население. В ответ на это власти Джунгарии собственными силами, а чаще силами вассальных телеутских и кыргызских князев, организовывали один набег за другим на российские владения, проводили карательные экспедиции против населения, все еще платившего им алман. В 1703 году контайша решил вывести кыргызов и их кыштымов (данников) с верховий Томи и Томь-Енисейского междуречья в Джунгарию.

¹ ПГАДА, ф. 214, Сибирский приказ, кн. 1354, л. 278.

² Там же, л. 279.

³ Там же, ст. 1400, л. 115.

⁴ Там же, ф. 169, Портфели Миллера, о. 2, № 481, ч. 4, д. 1, л. 157.

⁵ Там же, ф. 214, Сибирский приказ, ст. 1400, лл. 167—168.

⁶ Там же, л. 249.

Однако поголовный вывод не удался, а позднее вернулись и многие из выведенных¹.

В 1704 году до Кузнецка дошли известия о подготовке нового нападения кочевников². В этой обстановке еще острее, чем прежде, становится необходимостью в опорном пункте на реке Бии. 15 марта 1708 года кузнецкому воеводе Михаилу Овцыну было приказано на реках Бии и Катунн «в пристойном месте для сбора ясашной казны и к селению пашенных крестьян построить острог со всякими крепостями»³.

Задача, поставленная перед кузнецким гарнизонам, была трудной. Джунгарские феодалы хорошо понимали, что новая крепость позволит русским расширить свое влияние на территории верхнего Приобья. Уже в 1708 году несколько ойратских зайсанов (Бойдо, Табаза и др.) поехали к контайше с предложением напасть на Кузнецк, и «контайша вышписанным князям Кузнецкой воевать приказал»⁴. 21 августа 1709 года ойратские зайсаны с отрядом в 1000 человек подошли к Кузнецку, сожгли несколько деревень, хлеб и сено около них, несколько человек убили, захватили пленных. 23 августа 1709 года в трех верстах от Кузнецка произошел бой, окончившийся победой русских. В бою погибли три князя, 40 рядовых, многие погибли в лесу, «а доставленные кадимыки разбежались к реке Оби разными дорогами»⁵.

Кузнецкий воевода доносит, что обороняться пришлось с малым числом людей, так как в том же 1709 году «на усть Бие и Катунн реки острог поставлен и в том остроге оставлено для оберегательства от приходу воинских людей 100 человек»⁶.

Сохранить новую крепость не удалось. В 1710 году джунгары вновь обрушились на Кузнецкий уезд. Самым тяжелым последствием набега кочевников было уничтожение Бикатунской крепости. Она была захвачена и сожжена. В том же 1710 году телеутский князец Байгоров Табунков напал на ясачные волости Кузнецкого уезда. Был разорен также улус одного из местных жителей — Чеоктона. Самого Чеоктона за то, что известил русских о

набеге кочевников, Байгоров «поймав, у живого глаза вынул и ремни из спины резал и повесил его на дереве»¹.

После этого случая набеги кочевников следовали один за другим. Разорялись русские деревни, терроризировались ясачные население Кузнецкого уезда. Многие алтайцы, шорцы, абинцы силой выводились за Обь с семьями и имуществом². Хозяйственная жизнь уезда была парализована. Поступление ясака резко сократилось. Жители многих деревень укрылись в крепости, вынужденны были забросить пашни. В августе 1715 года кузнецкий комендант В. Синявин писал в Томск и Москву, что «служилым людям от набегов черных и белых кадимыков с прошлого 1714 и сего 1715 года пашен пахать и хлеба жать, но с кадимыцкой стороны за рекою Томи опасны, дабы внезапно нападения на полях разорения они не учинили», что «из-за прежних разорений хлебных запас нет»³.

В. Синявин в 1715 году предложил организовать большой поход на ойратов и телеутов, но план этот принят не был. Местные военные силы Сибири были оттянуты на Иртыш. В 1713 году сибирский губернатор М. Гагарин донес Петру I о возможности построить крепости по Иртышу и проникнуть в глубь Центральной Азии до Яркенда — мест добычи золота. В мае 1714 года был получен указ Петра I о направлении по Иртышу крупной военной экспедиции во главе с подполковником И. Д. Бухгольцем⁴. Для участия в экспедиции было набрано 3017 человек. Начавшаяся в июле 1715 года экспедиция И. Д. Бухгольца закончилась неудачно. У Ямышевского озера русские были осаждены в новопостроенной крепости десятилетиями отрядом джунгар во главе с зайсаном Черен-Дондукком. Вырваться удалось только весной 1716 года. Из трех тысяч осталось всего 700 человек. Ямышевская крепость была захвачена джунгарами и сожжена⁵.

Единственным результатом похода явилось основание отрядом И. Д. Бухгольца на обратном пути Омской крепости.

1 ЦГАДА, ф. 214, Сибирский приказ, ст. 1400, лл. 107—109.

2 Там же, ф. 1134, о. 1, д. 1, л. 3.

3 Там же, ф. 214, Сибирский приказ, о. 5, д. 1962, лл. 4—5.

4 Там же, л. 6.

5 Там же.

6 Там же.

1 ЦГАДА, ф. 1134, о. 1, д. 3, л. 54.

2 Там же, лл. 31—55.

3 Там же, лл. 18—20.

4 Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 1, 1713—1724 годы.

СПб., 1885, стр. 35—37.

5 Там же, кн. 2. СПб., 1885, стр. 147 и 171.

Поражение отряда И. Д. Бухгольца на Иртыше немедленно сказалось на обстановке в верхнем Приобье. В 1716 году разведчики из новопостроенного Бердского острога захватили в плен телеута Алмачи Сайтаева, который в этом году вместе с отцом откочевал на правый берег Оби со своего прежнего кочевья у устья реки Барнаулки. Алмачи рассказал о подготовке большого похода на владения России. За Обью, между реками Касмалгой и Барнаулкой, сосредоточились большие силы телеутов и 500 джунгар, готовых идти войной на Кузнецк¹. Нападение состоялось. Сохранились сведения о разорении в 1716 году кочевниками нескольких деревень по Чумышу².

Прямым ответом на это явился приказ сибирского губернатора М. Гатарина кузнецкому коменданту В. Сивявину от 1 апреля 1717 года о строительстве новой Бикатунской крепости или другого укрепленного пункта в более выгодном месте³. Выполнение приказа началось немедленно. В остроги и слободы Кузнецкого уезда был дан указ собирать людей и припасы. 15 июня 1717 года кузнецкий дворянин Иван Максюков получил приказ взять из Кузнецка 150 служилых людей, 10 служилых татар, 20 подгородных белых калмыков (телеутов), 104 мунгатских казаков, оброчных людей, «мерецких деревень жителей, сколько будет принято», 4 больших и 6 малых пушек, пороху и ядер и отправиться с отрядом строить крепость либо у слияния Бии и Катуня, либо в другом месте, богатым хлебопахотными и другими угольями⁴.

Уже через месяц И. Максюков доносил о построенной крепости на большом Белом яру. «На том месте, — писал И. Максюков, — построен рубленую деревянную крепость мерою длину и поперек 20 сажен, по углам четыре башни, а под башнями жилых четыре избы, а посреди крепости казенный анбар, где держать пороховые и всякие казны». Место Бикатунской крепости была построена на Оби Белогорская крепость близ впадения в Обь реки Черемшанки⁵.

Первым приказчиком (комендантом) новой Белогорской крепости стал Степан Серебренников, которому было

приказано беречь новую крепость как опору русского влияния в верхнем Приобье и организовать из нее глубокую разведку в пределы земель телеутов¹.

В 1718 году русским удалось построить новую крепость на реке Бии, не на прежнем месте — у слияния Бии и Катуня, — а несколько выше по Бии, там, где ныне город Бийск².

Одновременно велось строительство русских крепостей по Иртышу. В 1718 году отряд подполковника Ступина заложил Семипалатинскую крепость³. В том же году были сооружены Долонская крепость и Убинский редут⁴.

В 1720 году во время экспедиции майора И. Дихарева в Джунгарию была заложена на Иртыше Усть-Камепогорская крепость⁵. Строительство этой крепости завершило начальный этап сооружения верхиртышской военной линии, защитившей верхнее Приобье от кочевников с запада и юго-запада.

К тому времени położение в верхнем Приобье изменилось. По приказу джунгарского хантайши телеуты откочевали на юг. Произошло это примерно в конце 1717 — начале 1718 года. В 1718 году русские разведчики не встречали телеутов даже у устья Чарыша. В 1719 году русский посол в Джунгарию И. Чередов называл реку Кулунду и Кулундинскую степь бывшим кочевьем телеутов⁶.

Осваиваясь в российском подданстве или позднее вернувшись телеуты оседали главным образом на правобережье или в южной части предгорного левобережья. Большая же часть левобережного Приобья оказалась безлюдной, никому не принадлежавшей территорией. Сюда первоначально только с промысловыми целями начали проникать русские крестьяне. Создались условия для окончательного присоединения этой территории к России. Немалую роль сыграли сведения о месторождениях руд в южной части левобережья.

В 1722 году в Джунгарию был направлен капитан от артиллерии Иван Униковский с заданием добиться твер-

¹ ПГАДА, ф. 1134, о. 1, д. 4, л. 118.

² Там же, ф. 248, о. 1, кн. 156, л. 605.

³ Там же, ф. 1134, о. 1, д. 8, л. 9.

⁴ Там же, д. 9, л. 13, 32—40.

⁵ Там же, д. 42—45.

¹ ПГАДА, ф. 1134, о. 1, д. 8, л. 43—45.

² Там же, ф. 199, о. 1, № 481, ч. 4, д. 1, л. 155.

³ Исторические известия об Омской области. Рукопись в научной библиотеке Томского университета, выпр. 785, л. 29.

⁴ Там же, д. 29—30.

⁵ Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 2, СПб., 1885, с. 205.

⁶ ПГАДА, ф. 248, о. 4, кн. 156, л. 106—108.

дого согласия контайши на поиски и разработку руд в верховьях Иртыша, Чарыша и Агее. Хотя и с большим трудом, но такое согласие было получено¹. Начало горнорудного производства в верховьях Приобье привело к окончательному закреплению за Россией большей части этой территории.

Первооткрывателями рудных месторождений на Алтае были братья Костылевы, уроженцы Коркиной слободы (позже город Ишим). О рудах, найденных Костылевыми по р. Агее, упоминается уже в реестрах 1721 года. В 1725 году Степан Костылев «с товарищи» подали в Екатеринбург донесение о новых находках, в том числе на горе Змеевой².

Этими находками воспользовались известные промышленники Демидовы. 19 января 1726 года А. Демидов обратился в берг-коллегию с прошением разрешить ему строить заводы и рудники по рекам Агее и Чарышу, в местах, приисканных, якобы, его людьми³. 16 февраля 1726 года такое разрешение было получено⁴. В том же 1726 году группой демидовских людей во главе с приказчиком Дм. Семеновым был сооружен на реке Локтевке первый пробный медельный горн. Присланным по просьбе А. Демидова из Екатеринбургга гиттен-фрвальгером⁴ Никифором Клеопиным место на Локтевке было признано неудачным. Завод, получивший название Колывано-Воскресенского, начали сооружать на реке Белой, притоке Локтевки⁵.

Потрясающее положение завода потребовало одновременно сооружения крепости. Первое укрепление было сооружено, очевидно, уже при пробном горне. В феврале 1727 года ойратский зайсан Анбу и другие представители ойратской знати спрашивали посланного к ним сот-

¹ Унковский И. Посольство к Зенгаторскому хун-тайчжи Цэван-Рагтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—24 годы. — Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. X. Вып. 2. СПб., 1887.

² Карпенко З. Г. Горная металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700—1860 годах. Новосибирск, 1963, стр. 39.

³ Там же, стр. 47—48.

⁴ Гиттен-фрвальгер — горный офицерский чин по табелю о рангах Петра I, относился к 12 рангу и был равен армейскому чину лейтенанта. Позднее этот чин был поднят до 10 класса (в армий — капитан-лейтенант).

⁵ Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700—1860 годах. Новосибирск, 1963, стр. 55.

39964

ника А. Хабарова: «...вверх по реке Чарышу под Камнем построена крепость на их Камышковой земле по какому указу и какие люди в ней живут, и ежели те строения.. императорского величества, то на данную крепость ничего действовать не будет, а буде мужичья строения, то де будут воевать»¹.

В июне 1728 года джунгары напали на Колыванский завод, утнали 371 лошадей, ранили двух человек, и «выпешисанного страха ради неприятельского гиттен-фрвальгер Клеопин со обретающимися при тех заводах людьми, оставя тое крепость в малой недостройке и зачатое заводское строение, выехал в жилые Кузнецкого ведомства Белоярской крепости в деревню Усть-Чумышскую»².

В ответ на это тобольский губернатор потребовал от джунгарских властей наказать виновников набега, а куст-непкому коменданту приказал обеспечить завершение строительства Колывано-Воскресенского завода, оказавшие помощь Клеопину³. Характерно, что сибирская администрация с самого начала рассматривала строительство этого завода не как частное дело А. Демидова, а как государственное предприятие. Демидовские заводы на Алтае были объектом пристального внимания правительства, так как их значение вышло за рамки частных интересов А. Демидова.

Нападение на Колывано-Воскресенский завод не привело к обострению отношений между Россией и Джунгарией. Обе страны были заинтересованы в мирном решении вопроса: Джунгария вела войну с Цинской империей (Китаем), граница России в Приобье была незащищенной.

В первой половине 40-х годов XVIII века контайши Галдан-Церен, используя общее укрепление Джунгарии и недавние успехи в войне с Китаем, стал готовить поход на русские владения в Сибири. Уже в 1740—1741 годах в Сибирскую губернскую канцелярию стали поступать сведения о передвижении больших отрядов джунгар в направлении Усть-Каменогорской крепости⁴.

В июле 1744 года в Усть-Каменогорскую крепость

¹ ПГАДА, ф. 248, Правительствующий Сенат, о. 4, д. 725, л. 383.

² Там же, л. 383.

³ Там же, л. 383—384.

⁴ Там же, ф. 214, о. 1, ч. 7, д. 4857, л. 2—5.

прибыли три алтайца с реки Нарыма. Они рассказали, что их зайсан Бобай получил приказ готовиться летом 1744 года к войне с Россией. Объектами нападения в первую очередь должны были стать Усть-Каменогорская, Ямышевская, Семипалатинская крепости и Колывано-Воскресенский завод. Алтайцы говорили о своей готовности и выречь сообщать русским о планах контайши и своей знати в ответ на хорошее отношение к ним русских людей¹.

Обстановка была очень серьезной. Местные сибирские власти имели всего 2818 солдат и казаков при 89 пушках, распределенных на большой территории по прыщским крепостям и укрепленным пунктам верхнего Приобья и Кузнецкого уезда. У Галдан-Церена, даже по сведениям 1734 года, было 80-тысячное войско с «отпеченным ружьем»².

В силу сложившейся обстановки в 1744 году в Сибирь были направлены ретулярные войска во главе с генералом Киндерманом.

Большинх столкновений в 1744 году не произошло. Наиболее значительным событием было нападение на Чагырский рудник и защищавший его острог, принадлежавшие Демидову. В донесении в Петербург сообщалось, что алтайцы «на Чагырском свинцовом руднике в 1744 году построенную крепость сожгли, и шахту засыпали, где Демидов добывал свинцовую и медную руду»³.

В сентябре 1745 года умер контайша Галдан-Церен, главный вдохновитель похода против России. Обстановка в Джунгарии была неспокойной. Ойратская знать вынуждена была отменить нападение на российские владения. Однако это не устранило необходимости укрепления рубежей России в верхнем Приобье. Вскоре для этого сложились более благоприятные условия в связи с переходом алтайских заводов от Демидовых в руки Кабинета («Кабинета его величества» — личной канцелярии царя).

В 1744 году на алтайские заводы была послана специализирующая комиссия во главе с бригадиром А. В. Безром

с большими полномочиями. Комиссия отстранила от управления приказчиков Демидова. Фактически заводы оказались уже тогда отобранными у их хозяина, но юридически переход заводов в собственность нового владельца был оформлен в 1747 году. 1 мая 1747 года А. В. Безром получил перед повторным выездом на Алтай указ императрицы Елизаветы Петровны о взятии демидовских Барнаульского, Шульбинского, Колывано-Воскресенского заводов, рудников и других строений со всеми отведенными Демидову землями и приписанными крестьянами в собственность императора¹. На месте власти была передана Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства. Помимо прочих дел, Канцелярия стала заниматься и вопросами обороны заводского ведомства, координируя эту работу с военными властями в Южной Сибири и с Сибирской губернской канцелярией.

В соответствии с указом от 1 мая 1747 года началось сооружение на Алтае новых крепостей и форпостов. В 1748 году на р. Ануе, в восьми километрах от д. Тырышкиной, была заложена Ануйская крепость, на Катунь — Катунская крепость. В 1749 году на р. Убе заложены Шеманаевский и Красноярский форпосты². В то же время в военный пункт была превращена на Чарыше старожильческая деревня Кабанова, которая после выезда оттуда приписных крестьян стала называться Кабановской заставой³.

В 1751 году военные власти подняли вопрос о поправке крепости при Колывано-Воскресенском заводе. С тем же обратилась в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства и заводская контора. К тому времени старые крепостные сооружения при заводе пришли в ветхость. Заводской поселок разросся и не помещался в старых стенах⁴.

Заводская администрация не протестовала против фортификационных работ, но лес для этих целей и необходимых средств давала неохотно. Только в 1756 году, когда в связи с китайско-джунгарской войной обстановка на границе осложнилась, была утверждена смета фортификационных работ по Колыванской крепости, Змеино-

¹ ГАДА, ф. 24, о. 1, л. 29, лт. 2—4.

² Материалы для истории Сибири. Собр. Г. Н. Потанин. М., 1867, стр. 17; П. Е. Талыев. Поворотный пункт в истории Горного Алтая. — В кн.: Великий дружба. Горно-Алтайск, 1936, стр. 13.

³ Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. 1, о. 1, д. 6, лт. 135—136.

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 1, лт. 61—67.

² Там же, д. 94, лт. 329.

³ Там же, д. 7, лт. 363.

⁴ Там же, д. 94, лт. 242.

горскому руднику и Шульбинскому заводу. На все требовалось деньгами 35 тысяч 54 рубля 78 копеек и 982 чело́век для исполнения необходимых работ¹.

С 1755 по 1758 год к югу от владений России в верхнем Приобье шла китайско-джунгарская война. Цинская империя (Китай) периода владычества в этой стране маньчжурской династии Цин), воспользовавшись возникшей в Джунгарии междоусобицей, напала на эту страну и развернула войну за ее покорение. Война закончилась полным разгромом Джунгарского ханства.

Цинские войска захватили собственную территорию Джунгарии и подвластные ей территории: Малую Бухарию и Бадахшан. «Джунгария, — писал русский исследователь С. Пашков, — была буквально усеяна трупами, ее воды покраснели от пролитой человеческой крови, а воздух был полон дымом от горевших улусов, лесов и трав... Все, что имело ноги и могло двигаться, бросилось в Сибирь»².

Под угрозой порабощения оказались зависимые от джунгарского контайши алтайские племена. Маньчжурский феодалов Центральной Монголии после разгрома Джунгар вошли в земли алтайцев и потребовали перехода алтайцев в китайское подданство. Документы и предания сохранили немало фактов о героическом сопротивлении алтайцев новым поработителям³. Но силы были неравны. Спасаясь от врагов, алтайцы прорывались к границам России и просили принятия в российское подданство. Уже с осени 1755 года просьбы алтайцев о принятии их в подданство России принятии массовый характер. Алтайские зайсаны писали русскому полковнику де-Гарриге: «Дай нам людей на побережье, збо́режи от злого времени, в нашей земле, где поглыается, строите город. Ныне у нас — белый государь. Нашего белого государя полковник, пожалуйста поскорее — со всеми домами хотят увести»⁴. Наряду с алтайцами к русской границе про-

бирались и джунгары, сумевшие спастись от истребления, и тоже просились под укрытие русских крепостей и соглашались на подданство России.

Принятие алтайцев в состав России было сложным делом. Предстояло решить, где будут кочевать новые подданные: у русских деревень или на своих землях. Первое было опасно, так как многие зайсаны раньше принимали участие в набеггах на русскую территорию. Во втором случае нужно было включать в состав России Горный Алтай и обеспечить его защиту.

27 января 1756 года сибирскому губернатору Мятлеву был направлен указ Коллегии иностранных дел, в котором разрешалось принимать алтайских и джунгарских зайсанов в российское подданство с условием поселения у Волги, где жили переселившиеся еще в XVII веке солдаты-мниники джунгар волжские калмыки¹. Большинство алтайских зайсанов отказалось переселиться на Волгу. Не хотели этого и рядовые алтайцы. Тогда в мае 1756 года было разрешено принимать в российское подданство и тех, кто отказывался переселиться, приведя их к присяге².

С июня 1756 года начался массовый прием алтайцев в российское подданство. Он провозводился в крепостях Бийской, Катунской, Ануйской, на заводах Колыванском и Шульбинском, на Змеиногогорском руднике, на форпостах Убинском, Красноярском, Шеманевском, Алейском, в Кабановой заштите³. К ноябрю 1756 года в российское подданство перешло 13 тысяч кибиток⁴. Часть новых подданных, большей частью джунгары, были отправлены на Волгу, около 7 тысяч алтайцев расселили в Красноярсском и Кузнецком уездах⁵. Большинство же осталось на территории верхнего Приобья, и после того как их прежние кочевья были закреплены за Россией, вернулись на них.

Переход в российское подданство явился в то время для алтайцев единственным выходом. Самостоятельное существование в сложившейся обстановке было не-

¹ ГААК. Ф. 1. о. 1. д. 94, лл. 180—235.

² Пашков С. Рабство в Сибири. — В кн.: Дедо. Кн. 3, 1859, стр. 47.

³ Тадыев П. Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая. — В кн.: Великая дружба. 200 лет добровольного вхождения алтайцев в состав России. Горно-Алтайск, 1956, стр. 21—25.

⁴ Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев, М.-Л., 1953, стр. 180—181.

¹ ГААК. Ф. 1. о. 2. д. 1600, л. 50.

² Тадыев П. Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая, стр. 27—28.

³ Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев, 1953, стр. 181.

⁴ Тадыев П. Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая, стр. 28—29. Кибитка — подвижное жилье кочевников, поэтому число кибиток примерно определяло число семей.

⁵ Потапов Л. П. Указ. соч., стр. 181.

возможным. Принятие китайского подданства не несло ничего хорошего. Китай сам был в то время под властью маньчжурских феодалов. Принятие русского подданства означало, конечно, порабощение русским царизмом, но это спасало от физического истребления, обеспечивало личную безопасность, открывало возможность тесных контактов с русским народом.

Алтайцы, перешедшие в российское подданство, были разорены завоевателями. Оставшийся скот обрекался на гибель из-за отсутствия кормов. На помощь алтайцам пришли русские. На каждого человека старше десяти лет выдавалось в месяц по четвертику муки, моложе 10 лет по два пуда по 4 гарнца (по четвертику)! Муку было предписано выдавать всем, «окромя младенцев, которые хлеба не едят». Зайсанам и другим представителям знати, кроме муки, выдавались деньги. Для скота были устроены специальные пригоны, где он обеспечивался кормом².

Добровольный переход алтайцев в российское подданство обеспечил вхождение в состав России территории их обитания — Горного Алтая. Предстояло закрепить эту территорию, обезопасить ее от возможных покушений со стороны Цинской империи.

Колыванская и Кузнецкая военные линии были главной защитой. Цепь крепостей и форпостов была редкой, укрепленные пункты располагались подчас в неудобных местах. В сентябре 1760 года военная коллегия отмечала, что «Усть-Каменогорская и Семипалатинская крепости состоят в неудобных местах и линии Колыванская и Кузнецкая не закрывают надлежащих и нужнейших мест»³.

17 октября 1760 года сибирский генерал-губернатор Соймонов получил указ Сената «О занятии в Сибири мест от Усть-Каменогорской крепости по реке Вухтарме и далее до Телецкого озера и о заселении той страны по рекам Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и по прочим рекам, впадающим в оныя и в Иртыш реку, русскими людьми»⁴.

¹ Четверть, четверник, гарнец — старые меры емкости. Для сыпучих тел. В 1 четверти 8 четвериков, в четверике 8 гарнцев. Четверть равна 2,0991 гектолитра. По весу в четверти примерно 8 пудов ржи.

² Тадышев П. Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая, стр. 30.

³ ГААК, ф. 1, о. 2, д. 1600, л. 52.

⁴ Полное собрание законов Российской империи с 1649, т. XV (с 1758 по 1 июня 1762 г.), 1830, стр. 533—537.

Местные власти начали ознакомление с новой территорией еще до получения указа. Уже в 1759 году на необходимые инструменты и припасами. В 1760 году туда же направляются две экспедиции: секунд-майора Шанского от Усть-Каменогорска и майора Эндена от Бийской крепости. Результаты этих экспедиций были признаны неудовлетворительными, и поэтому в 1761 году в Горный Алтай организовали новые экспедиции, на этот раз лучше оснащенные и объединившие представителей военной власти со специалистами горнорудного дела. Первую экспедицию, из Усть-Каменогорска, возглавили инженер-майор Петруллин и шихтмейстер Иван Денисов, вторую, из Чатырского рудника, — секунд-майор Поливанов и шихтмейстер Дорофей Головин, третью, из Капунской крепости, — майор Энден и геологист Памел Попов. Со второй и третьей экспедициями ходили старейшие алтайские рудознатцы Иван Чупоршнев и Федор Лелесюв¹.

В 1762 году отряд во главе с инженер-поручиком Уксениковым и шихтмейстером Иваном Денисовым пропел изыскания по маршруту от Колывано-Воскресенского завода до Усть-Каменогорской крепости².

Во время этих экспедиций было выбрано 34 места для новых укрепленных пунктов, причём в 11 из них фортификационные работы уже были начаты, а кое-где поставлены казачьи команды³.

Позднее линия, намеченная отрядами 1761—1762 годов, была признана неудобной. Ее нужно было создавать большей частью в труднодоступной горной местности. Основная линия из многих крепостей и форпостов дорого стоила и строилась бы долго. Сообщение между укрепленными пунктами затруднялось бездорожьем. Поэтому было решено вести новую военную линию от Усть-Каменогорска до Чарыша, а от него почти по старой линии до Бийской крепости. В сравнительно короткие сроки этот план был приведен в исполнение. Алтайский горный округ был прикрыт с юга новой Колывано-Кузнецкой военной линией, в которую вошли: Усть-Каменогорская крепость, форпосты Красноярский, Убинский, защита Бобровская.

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 327, лл. 1—180.

² Там же, лл. 261—278.

³ Там же, д. 373, лл. 71—95, 125—130, 158—164, 223—225, 261—273.

редут Секисовский, защита Верхне-Убинская, редут Плоский, форпост Ново-Алейский, маяк Ключевской, защита Белоречка, форпост Тигирецкий, маяк Яровой, защита Тулатинская, маяк Соеновский, форпост Казанской богоматери на реке Маранихе, защита Маралтинская, маяк Слюденской, форпост Ангоновский, защита Терская, маяк Николаевский, крепость Ануйская, крепость Катунская, Бийская крепость, Вехтемирский маяк, маяки Новиковский, Нижне-Ненинский, Лебяжий, Сайлапский, Караканский, Урунский, Верхне-Ненинский, Пуштулимский полумаяк, маяк Сары-Чумышский, Кандагальский подумаяк и Кузедеевский форпост¹.

Колывано-Кузнецкая военная линия не закрывала Горного Алтая. Охрана территории, населенной алтайцами, осуществлялась пикетами русских казаков вплоть до реки Бухтармы, где стояла Усть-Бухтарминская крепость, не имевшая постоянного гарнизона и постепенно пришедшая в негодность.

В конце XVIII века укрепились позиции России на южных отрогах Алтайских гор и по реке Бухтарме. В отличие от других мест Алтая первыми поселенцами в этом районе были так называемые каменщики — беглые солдаты, мастеровые, крестьяне, ушедшие сюда от феодального гнета. Начиная с 60-х годов XVIII века они расселились по рекам Бобровка, Язовой, Тихой и другим притокам Бухтармы. Положение беглецов было опасным. За ними не раз посылались царскими властями военные команды. Приходилось скрываться, оборонять ущелья, через которые могли проникнуть правительственные отряды. С другой стороны, нужно было защищать свои селения от цинских властей и набегов живших по соседству кочевников.

В 80-х годах XVIII века отношение царской администрации к каменщикам меняется. Их начали рассматривать не только как беглых, а следовательно, в глазах властей — преступников, но и как первопоселенцев, обживающих новую территорию и тем облегчающих ее окончательное закрепление за Россией².

В 1790 году каменщики обратились с просьбой легализовать их положение и согласились «платить какою-

либо подать или другим каким образом быть полными ми». Они обещали показать места для прокладки новой военной линии на Бухтарме и выставить до 300 вооруженных людей в распоряжение русского военного командования¹.

15 сентября 1791 года был издан указ о «прощении» каменщиков и разрешении им либо переселиться в глубь России, либо выйти из ущелий, где они в силу своего неблагоприятного положения вынуждены были жить, в долину Бухтармы и там поселиться. Летом 1792 года на Бухтарму были посланы землемер Сергеев для описания и определения мест для земледела и унтер-шхтмейстер Феденев для описания новой территории и переписи каменщиков. Федневым было найдено 20 населенных пунктов и в них 166 душ мужского и 57 женского пола². Позднее установили, что всего у каменщиков было 30 населенных пунктов и в них принятых в подданство 250 душ мужского и 68 женского пола³.

Часть каменщиков ушла в горы, к рекам Катунь и Коксе. Там возникли первые русские деревни Верхний Уймон и Кокса. Каменщики, сошедшие с гор в долину Бухтармы, основали 9 деревень: Осочиху, Быкову, Сенную, Карабишевскую, Верх-Бухтарминскую, Маго-Нарыкскую, Язову, Белую, Фыкальскую⁴.

Вскоре для военной охраны нового района был построен Бухтарминский редут. Присоединение верхнего Приобья к России закончилось.

¹ ГААК, ф. 169, о. 1, д. 196, л. 182.

² Там же, л. 167—174.

³ Принтц Е. Каменщики, ясацные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 году. — В кн.: Записки Русского географического общества по общей географии, т. 1. СПб., 1867, стр. 558.

⁴ Там же.

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, лл. 513—518. Перечень укрепленных пунктов дается в порядке их расположения на линии от Усть-Каменогорской крепости до Кузнецка.

² Там же, о. 2, д. 1600, л. 66.

ГЛАВА II ПЕРВЫЕ РУССКИЕ КРЕСТЬЯНЕ НА АЛТАЕ

Крестьянская колонизация бассейна верхней Оби шла одновременно с закреплением его за Россией, причем иногда обгоняла правительственную колонизацию, перешагивая через официальные рубежи. Редкая цепочка первоначальных крепостей и островов не могла бы обеспечить прочного присоединения новой территории, если бы правительственная колонизация не подкреплялась крестьянской. Крестьяне обживали новые земли, экономически осваивали их, обеспечивали снабжение провинтом крепостей и островов, принимали непосредственное участие в защите новоприсоединенных земель.

Определенную роль в заселении края сыграло казачество. До появления в Южной Сибири полков регулярной армии казаки составляли основную массу вооруженных сил, которые осуществляли правительственную колонизацию верхнего Приобья и Прииртышья. Казаки были первыми поселенцами и земледелцами на Сибирской военной линии, составили первые гарнизоны Вика-тунской и Белоярской крепостей.

Кроме Колывано-Кузнецкой военной линии, на территории верхнего Приобья казаки осели на постоянное жительство только в Белоярской слободе, выросшей около Белоярской крепости. Государева жалованья они не получали, а служили за землю, осебоджденную от податей, и поэтому назывались беломестными¹. Беломестные казаки составляли примерно половину населения Белоярской крепости в 1719 году. Другая половина жителей

слободы — казачьи дети — потомки служилых людей и казаков. После первой ревизии (1724 год), как и в других местах, белоярские казаки были положены в подушный оклад. С них, однако, не снималась обязанность казачьей службы. Они должны были охранять крепость, участвовать в военных походах. С исчезновением непосредственной опасности военного нападения в связи с тем, что Белоярская крепость стала тыловым пунктом, необходимость в такой службе отпала. Белоярские казаки слились с оброчными государственными крестьянами, а позднее вместе с остатками земледельческим населением верхнего Приобья превратились в приписных алтайских горных заводов.

Но основную роль в заселении верхнего Приобья сыграли не казаки, а крестьяне, раскольники, беглые мастеровые и посадские, пришедшие на эту территорию савольно и осевшие на ней либо также савольно, либо с разрешения властей. Те из них, кто раньше всего был учтен кузнецкими властями, оказались на положении оброчных крестьян, то есть обязаны были платить хлебный оброк.

Кроме оброчных крестьян, ревизией 1724 года учтывались «гулящие люди» и «пришлые». Первые были савольными переселенцами, беглыми в основном из европейской части России. Их прежнее местожительство, основная принадлежность и повинности были неизвестны. Местные сибирские власти, стремясь закрепить беглых на новых местах, облагали их оброком в размере одного рубля. Оброчного хлеба гулящие люди не платили, да многие из них и не имели пашни. После петровского указа 1724 года об оброке гулящие люди влились в сословие государственных крестьян.

Все те, кто прибыл на территорию верхнего Приобья после 1719 года, были записаны ревизией как «пришлые». В отличие от гулящих людей о них было известно, откуда они переселились. По мере закрепления на новом месте пришлые, независимо от прошлой социальной категории, сливались с местными государственными крестьянами.

Большинство первопоселенцев верхнего Приобья в результате савольного переселения на некоторое время исчезали из поля зрения властей и избавлялись от подушной подати.

Со старых мест люди бежали от феодальной эксплуата-

¹ Белыми местами назывались населенные пункты, земли, освобожденные от податей.

талии, от заводских работ, от рекрутчины, от нищеты, из-за «хлебной скудности». Пришельцев из пограничных районов Западной Сибири (с Ишима и Тобола) нередко гнали с насиженных мест опасность нападения кочевников.

Значительная часть белозеров была родом из разных мест Севера европейской части России, где главным контингентом населения были государственные крестьяне, положение которых ухудшилось с переходом при Петре I от подворного обложения к подушному.

Через некоторое время берглы и самовольные переселенцы оказывались в поле зрения администрации. От разных лет сохранилось немало протоколов, допросов и других документов, позволяющих определить места, откуда прибывали пришлые, причины переселения и бегства.

Интересны в этом отношении записи допросов трех пришлых, задержанных в 1717 году приказчиком Белогорской крепости.

Один из пришлых — пашенный крестьянин Степан Распопов — был родом из Илимска. В 1715 году его мобилизовали для перевозки грузов из Илимска до Енисейска. Из Енисейска Распопов бежал и пришел в Чаусский острог, а оттуда в 1716 году «сошел» в Кузнецкий уезд в те места, где через год была основана Белогорская крепость¹.

Другой пришлый — Петр Мамаев — происходил из Усть-Суерской слободы Тобольского воеводства, крестьянский сын. В 1714 году он вместе с братом Андреем ушел в Чаусский острог. В 1717 году братья жили в Бердском остроге и в том же году ушли оттуда «в ново-поставленную Белогорскую крепость»².

Третий пришлый — Михаил Санаров — сын жителя Соли Камской Игнатия Санарова, ушедшего в Тобольскую губернию еще в конце XVII века. В Тобольском уезде Михаил Санаров числился в казачьих детях, в 1711 году перешел на реку Ишим в Орлово городище, в 1714 году — в Тару. Оттуда в 1717 году был послан «для кузнецких работ» в Ямышевскую крепость, но по дороге бежал в Чаусский острог, а затем в Белогорскую крепость³.

¹ ЦГАДА, ф. 1134, Кузнецкая комендантская канцелярия, о. 1, д. 10, л. 1.

² Там же, л. 2.

³ Там же, л. 3.

Интересный материал о пришлых содержит допросные листы конца 40-х годов XVIII века. В них мы находим сведения о крестьянине Иване Жервине — белгом приписанном с уральских заводов, бежавшем из Ишимского листрикта в деревню Тальменскую, Луке Пестереве и других.

Многим белгым приходилось начинать жизнь на новом месте с работы по найму у крестьян, поселившихся ранее, и лишь через несколько лет удавалось завести свое хозяйство. Остановки белгых на какое-то время у крестьян-старожитов были закономерными. Трудно себе представить, чтобы белгый без средств к существованию в неизведанном краю, в местах, подвергавшихся набегам кочевников, мог сразу же встать на ноги и завести свое хозяйство. Это было под силу только группе белгых или переселенцев.

Вместе с тем было немало фактов проникновения крестьян в незаселенные места верхнего Приобья, туда, где еще не было старожилов. Не имея возможности основать земледельческое хозяйство, эти первопоселенцы длительное время жили в примитивных избушках и занимались промыслами. В документах не раз упоминается о длительном пребывании пришлых «в пустых местах». Например, до того, как появиться в Завьяловой Чарышской сотни, крестьянин Федор Новиков долго жил на р. Чарыше «в промысленных избушках на пустых местах»¹. На Чарыше «в промысленной избушке» жил сначала Осип Быков, вывезенный в 1724 году отцом из Екатеринбургского воеводства². На р. Поперечной, притоке Алей, жил несколько лет Даврентий Лотов, родившийся в д. Серебрянке на р. Ишиме³.

Промысловая избушка не могла быть прочным длительным местом поселения, если ее хозяин не заводил пашни и не принимал новых переселенцев. В последнем случае одиночное жилье постепенно вырастало в деревню. Хозяйства промысловых избушек часто меняли местожительство в поисках лучших промыслов, забирались глубже в необжитые места, спасаясь от царской администрации, податей. В конце концов эти одиночные жители либо под воздействием властей, а чаще всего по своему

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, л. 17, л. 640.

² Там же.

³ Там же.

почину поселялись в ближайшей деревне и закреплялись за ней.

В начале колонизации верхнего Приобья крестьяне группировались деревнями из хозяйственных соображений (лече было поднимать землю, строиться сообща) и соображений безопасности от нападения кочевников. Как и в других местах Сибири, крестьянские деревни на Алтае жались к крепости или острогу, а особенно многолюдными становились слободы при укрепленных пунктах.

Заселение русским крестьянством верхнего Приобья не сопровождалось притеснениями местного населения. Крестьянской колонизации телеутские кочевья не мешали. На огромных пространствах верхнего Приобья свободно могли сосуществовать и с огромной взаимной пользой развиваться и земледельческое хозяйство русских крестьян и кочевое телеутов. Однако обстановка стала сложиться таким образом, что подавляющая часть верхнего Приобья до предгорий Алтая к началу массовой крестьянской колонизации оказалась почти безлюдной. На юге русские поселения были отгорожены от алтайцев военной линией, переходить которую запрещалось вплоть до XIX века. Только в верховьях Чумыша места жительства незначительной части алтайцев находились на русской стороне от военной линии. Здесь русское крестьянство хорошо уживалось с местными жителями.

Первые русские крестьяне начали проникать на территорию верхнего Приобья, очевидно, лишь в конце XVIII века. Однако никаких достоверных сведений об этом не сохранилось. Вначале границу Телеутской земли перешагали с целью промыслов отдельные крестьяне и беглые. С начала XVIII века сюда стали проникать группы «булгровишников» — искателей кладов в древних курганах. Постепенно переселенцы стали оседать на новых землях.

Самовольный характер первоначального заселения верхнего Приобья сказался на состоянии документальных свидетельств об этом процессе. Если не считать неудачное основание в 1709 году первой Викариусской крепости, то первое достоверное известие о русских поселениях на этой территории относится лишь к 1716 году. Русский посол в Джунгарии Иван Чередов писал в докладной, что в 1716 году кочевники, наряду с телеутскими куртами, сожгли на Чумыше «многие деревни», принад-

лежащие русским крестьянам¹. Таким образом, в 1716 году на р. Чумыше уже были русские деревни. Отсутствие прямых достоверных сведений о времени их основания заставляет обратиться к косвенным данным из более поздних документов.

Так, из одного крестьянского донесения, датированного 1773 годом, следует, что Кыслуха ведомства Белогорской слободы возникла в 1703 году². Однако проверить это сведение невозможно, так как первое достоверное свидетельство о существовании Кыслухи относится лишь к 1745 году. Она названа в росписи расколывников от 29 марта 1745 года³.

Вторая ранняя дата относится к д. Каменской ведомства Малышевской слободы. В документе 1750 года, крестьянском прошении, сообщается, что крестьянин Яков Зырянов, которому в то время было 45 лет, родился в д. Каменской⁴. Существование этой деревни в 1705 году возможно. Всего через 14 лет, в 1719 году, она была одним из самых крупных населенных пунктов верхнего Приобья, и в ней значились крестьяне Зыряновы⁵.

В 1774 году в донесении в Белогорскую земскую избу крестьяне деревень Шипкиной, Усовой, Кашкарагайской писали, что семьи их живут в этих деревнях с давних пор, лет 60, то есть примерно с 1714 года⁶. Сведение это, очевидно, верно. Усова под другим названием была учтена в 1719 году. Шипкина и Кашкарагайская значатся в росписи пришлох за 1721 год⁷. И. Г. Гмелин, побывавший в Кашкарагайской в 1734 году, называет ее основателем крестьянина Колесникова⁸. В материалах второй ревизии удалось найти Игнатия Яковлевича Колесникова, которому в 1745 году было 103 года, он имел четырех сыновей, девять внуков и двух правнуков⁹.

Сохранилось косвенное свидетельство о поселении не

1 ПГАДА, ф. 248, Правительствующий Сенат, о. 4, кн. 156, л. 605.

2 ГААК, ф. 1, о. 1, д. 620, л. 291.

3 Там же, д. 66, л. 8.

4 Там же, д. 59, л. 144.

5 ПГАДА, ф. 214, Сибирский приказ, кн. 1611, лл. 226—228.

6 ГААК, ф. 1, о. 1, д. 620, л. 268.

7 ПГАДА, ф. 214, Сибирский приказ, кн. 1611, л. 269, кн. 1626, лл. 426—434.

8 Gmelin I. G.

9 Erster Theil, Göttingen, 1751, s. 265.

10 ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 212.

позднее 1713 года крестьян Лубягинных в Бобровке на р. Оби¹.

Сооружение в 1716 году Бердского острога, а в 1717 Белоярской крепости позволило администрации контролировать приток крестьян по Оби на территорию верхнего Приобья. В марте 1717 года приказчик Бердского острога Иван Буткеев доносит кузнецкому коменданту В. Синявину: «Едут вверх по Оби мимо Бердского острога многие люди с женами и детьми и в Бердском остроге те не явятся, какие люди и куда едут, и про то мне не ведомо²». В ответ на это В. Синявин приказал людям, проезжавших вверх по Оби, ловить и допрашивать, а результаты доносить в Кузнецк³.

В том же 1717 году первому приказчику Белоярской крепости С. Серебренникову было дано указание около нового укрепленного пункта создать слободу и заселить окрестные деревни. Причем в деревнях разрешалось селиться только после того, как умножится население при крепости, принимать на поселение самовольных переселенцев и даже беглых, кроме жителей Томского уезда, где в то время пополнение населения также было необходимо. Серебренникову предписывалось: «Пришлих гулящих разных городов людей за скудостью в крепости тебе принимать, кроме томских пашенных крестьян, посадских и оборочных и гулящих людей, чтоб томских в городе огнюдь никого не было⁴».

Однако, несмотря на запрещение, продвижение крестьян из Томского уезда на юг продолжалось. В августе 1717 года С. Серебренников доносит о том, что мимо Белоярской крепости из Чаусского острога, то есть из предельов Томского уезда, прошли несколько человек (Михайло Волков с товарищами), просили поселиться в окрестностях крепости, а когда это было запрещено, ушли дальше на юг. Последний за ними отряд казаков не нашел беглецов⁵.

Впервые крестьяне верхнего Приобья были учтены в годы первой ревизии. Начало было положено переписью 1719 года, затем в 1721 году была произведена перепись «прописных», то есть пропущенных в 1719 году, а также

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 620, л. 225.

² ЦГАДА, ф. 1134, Кузнецкая комед. канц., о. 1, д. 7, л. 8.

³ Там же, д. 8, л. 6.

⁴ Там же, д. 45.

⁵ Там же, д. 7, лл. 76—77.

пришлих. Наконец, в 1724 году была проведена ревизия Согнева-Засекина, уточнившая результаты предыдущих переписей и отразившая изменения, происшедшие к 1724 году.

В 1719 году в ведомстве Белоярской крепости было записано 95 дворов, а в них 311 душ мужского пола, в том числе в самой Белоярской крепости — 46 дворов, а в них 143 души мужского пола. Остальные жили в деревнях Филиппа Попова на Повалянке, Усть-Чумышской, Чумышской, Забородной, Дранишниковой, Инюшевой на Чумыше, Красиловой, Залывиной и Переборной. В Белоярской слободе жили беломестные казаки, казачьи дети и пушкари. Жители деревень относились к категории оборочных крестьян.

Из названных деревень почти все позднее сохранились под теми же названиями. Исключением были две деревни. Деревня Филиппа Попова, основанная Филиппом Ильичем Поповым, вскоре стала называться Поваляхой. Забылась и фамилия основателя. Сын Попова Иван носил прозвище «Второй», которое стало фамилией его потомков. Вторая деревня — Чумышская — известна под названием Усовой.

Названия деревень чаще всего происходили от фамилий или имен их основателей. Так, д. Забродина получила название от ее основателя крестьянина Забродина, д. Дранишникова — от фамилии первопоселенцев братьев Дранишниковых, д. Инюшеву основал Василий Инюшев с сыновьями, д. Красилову — Игнатий Красилов с сыновьями и другими крестьянами.

Западная часть правобережья верхнего Приобья, где позднее была основная часть ведомства Малышевской слободы, в 1719 году входила в ведомство Бердского острога. Здесь в 1719 году учтено восемь деревень: Каменская, Чингисская, Четгемова, Аглацкая, Порогнникова, Малышева, Нижнесуэунская и Верхнесуэунская, в них 72 двора, 234 души мужского пола². За исключением жившего в д. Каменской беломестного казака Устюженина, все записанные были оборочными крестьянами.

В 1721 году при переписи прописных и утаенных душ в ведомстве Белоярской слободы было учтено 95 душ мужского пола, из них 79 гулящих, 11 — оборочных кре-

¹ ЦГАДА, ф. 214, Сибирский приказ, кн. 1611, лл. 260—274.

² Там же, лл. 171—259.

стьян, 2 казачьих сына, 1 сын старожилы, 1 бронник, социальная группа одного неразорочива. В Западной части правобережья верхнего Приобья той же переписью учли 96 душ мужского пола².

В том же 1721 году составлялись списки пришлох. В них записывались те, о ком было известно, откуда они прибыли. Часть из них уже была учтена ревизиями на прежних местах жительства, однако местная администрация даже не ставила вопроса о высылке самовольных переселенцев: люди в Приобье были нужны. В списках пришлох в ведомстве Белоярской слободы оказалось 66 душ мужского пола, в западной части правобережья — 19. Из 85 пришлох из Тобольского уезда прибыли 50, из Тарского — 4, из Верхотурского — 11, из Тюменского — 3, из г. Соли Камской — 8, из г. Кунгура — 4, из Архангелогородской губернии — 4, из Кондинского монастыря — 1³.

Во время переписей 1721 года было учтено по сравнению с 1719 годом 10 новых деревень: в ведомстве Белоярской крепости — Кармацкая, Речкуновка, Шинкина, Тальменская, Черемшанская, Кашкарагайская, Казанцева; в западной части правобережья — Каргаполова, Мерцкая, Инская. Некоторые из этих деревень возникли еще до 1719 года. Не названы новыми деревни Кармацкая и Речкуновка. Об остальных шести деревнях в списках прямо сказано, что они возникли после 1719 года. Деревню Тальменскую основали пришлое Ерофей Казанцев, Артемий Гинев, Степан Худяков из Тобольского, Иван Казанцев и Савва Кайгородов из Верхотурского уездов⁴.

Основатель д. Черемшанской (она же Копылова) Степан Тимофеевич Копылов родился в Федьковском станце Тобольского уезда, ушел оттуда с братом Степаном самовольно и, явившись в 1720 году в Белоярскую крепость, попросил у приказчика Алексея Гордеевского разрешения жить в ведомстве слободы на р. Черемшанке⁵. Деревню Казанцеву (позднее — Зайцева) основали переселенцы из Тобольского уезда Гавриила Казанцев,

1 ПГАДА, ф. 214, Сибирский приказ, кн. 1626, лт. 367—381.

2 Там же, лт. 342—356.

3 Там же, лт. 404—445.

4 Там же, т. 429.

5 Там же, т. 431.

Миней Казанцев и Семен Кунгуров. Известны также имена старожилы деревень Каргаполовой, Мерцкой и Инской.

В 1722 году западная часть правобережья верхней Оби была выделена из ведомства Бердского острога в самостоятельное ведомство Малышевской слободы. В него вошли все населенные пункты, расположенные в излучине обского правобережья от Нижней Каменки до р. Ини. Центром нового ведомства стала деревня Малышева, получившая название слободы².

В 1724 году в Кузнецком уезде проводит ревизию Солнцев-Засекин. Сохранилась сводная ведомость этой ревизии. Общие итоги по уезду без учета ясачных волостей были следующими:

учтенных в 1719 и 1721 годах	— 5970 душ муж. пола
записано в 1724 году живших в уезде раньше, но не попавших в переписи	— 1189 » » » »
прибыло между 1721—1724 годами	— 202 » » » »
Всего в уезде	7361 душа муж. пола ³

Все население уезда делилось на 30 групп; из них пашенные и оброчные крестьяне, беломестные и отставные казаки, казачьи дети и гулящие насчитывали вместе 5967 душ мужского пола, или 84,5% всего русского населения уезда. Эти группы земледельческого населения позднее были объединены в единую группу государственных крестьян.

Поскольку от ревизии Солнцева-Засекина сохранилась только сводная ведомость, выделить из всего населения уезда жителей верхнего Приобья невозможно, если не прибегнуть к косвенным данным. По спискам второй ревизии и другим материалам автору удалось с достаточной точностью восстановить списки крестьян верхнего Приобья на 1724 год. Результаты оказались следующими.

1 ПГАДА, ф. 214, кн. 1626, лт. 445.

2 Там же, ф. 199, Портфели Миллера, о. 2, № 481, ч. IV, л. 1, т. 156.

3 Там же, ф. 248, Правительствующий Сенат, о. 13, д. 695, лт. 387—388. В первую ревизию учитывались только ревизские души, то есть мужское население России. Понятие «ревизская душа» возникло в связи с замкнутой подворного обложения подушным и сохранилось до 1887 г. Каждая ревизская душа считалась наличной вплоть до следующей ревизии, даже в случае смерти человека.

Число ревизских душ, учтенных первой ревизией.

В ведомстве Малышевской слободы:

1) Малышевская слобода	— 90 душ.	муж.	пола
2) д. Алдацкая	— 35	»	»
3) д. Берхнесуаунская	— 86	»	»
4) д. Инская	— 37	»	»
5) д. Каменская (Нижняя)	— 54	»	»
6) д. Каргаполова	— 15	»	»
7) д. Мерещкая	— 50	»	»
8) д. Милованова	— 38	»	»
9) д. Нижнесуаунская	— 60	»	»
10) д. Порогичкова	— 40	»	»
11) д. Челтемова	— 9	»	»
12) д. Чингисская	— 27	»	»
Всего в ведомстве 541 душа муж. пола			

В ведомстве Белоярской крепости:

1) Белоярская крепость	— 194 души	муж.	пола
2) д. Верх-Барнаульская	— 3	»	»
3) д. Дранишниковая	— 17	»	»
4) д. Забродина	— 31	»	»
5) д. Заплынина	— 33	»	»
6) д. Иншова	— 12	»	»
7) д. Казанева	— 15	»	»
8) д. Кармацкая	— 18	»	»
9) д. Кашкаратайская	— 35	»	»
10) д. Красилова	— 43	»	»
11) д. Переборная	— 17	»	»
12) д. Повалинская	— 30	»	»
13) д. Речкуновка	— 46	»	»
14) д. Талхменская	— 23	»	»
15) д. Ульбердь	— 1	»	»
16) д. Усова	— 3	»	»
17) д. Усть-Барнаульская	— 9	»	»
18) д. Усть-Чумышская	— 27	»	»
19) д. Черемшанская	— 5	»	»
20) д. Шипкина	— 3	»	»
Всего в ведомстве 565 душ муж. пола			

В ведомстве Бикатунской крепости:

1) Бикатунская крепость	— 42 души	муж.	пола
2) д. Фолинская	— 30	»	»
Всего в ведомстве 72 души муж. пола			

Таким образом, в 1724 году на территории верхнего Приобья, по реставрированным данным, было учтено

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28 и другие материалы.

1178 душ мужского пола. Они жили в 34 населенных пунктах. Почти все крестьянские поселения располагались на правой, защищенной от нападения кочевников, стороне Оби. На левобережье, очевидно, первыми деревнями были Верх-Барнаульская и Усть-Барнаульская.

До сих пор считалось, что первое поселение на месте города Барнаула возникло в начале 30-х годов XVIII века. Это основывалось на неверно понятом сообщении И. Г. Гмелина, побывавшего в 1734 году в деревне Барнаулке¹. На самом деле И. Г. Гмелин был в д. Барнаульской, находившейся в среднем течении реки Барнаулки. Эта деревня позднее стала называться Колыванской, выросла в село и существует до сих пор. Первыми поселениями на месте нынешнего Барнаула были д. Усть-Барнаульская и расположенная неподалеку от нее Верх-Барнаульская. Возникли они, очевидно, между 1721 и 1724 годами (или 1726).

Первая ревизия учла крестьян, поселившихся к тому времени на территории верхнего Приобья, не полностью. В списках первой ревизии не было уже названных нами деревень Кислухи, Бобровской. До 1724 года возникли и некоторые другие населенные пункты. На р. Лосихе в ведомстве Белоярской слободы до ревизии возникла деревня Санникова. Дворы первопоселенцев Ивана Сатарова и Перфилия Карпова были поставлены в 1721 году². В 1763 году крестьянин д. Зудиловой на р. Большой Черемшанке Игнатий Голубов писал, что он и его односельчане Ларин Веснин и Афанасий Дмитриев «жительство имеют в показанной деревне Зудиловой... назад тому сорок лет», то есть с 1723 года³. Есть основание относить к 1721 году возникновение деревни Ерешной. Этим годом датируется поселение здесь крестьянина из Екатеринбургского ведомства Сергея Оверина⁴. В первой четверти XVIII века русские крестьяне, начав заселение верхнего Приобья, создали здесь более трех десятков населенных пунктов, завели пашни. Возникновение крестьянских деревень прочно закрепило правобережье верхней Оби за Россией.

¹ Gmelin J. G. Reise durch Sibiren... s. 261.

² ГААК, ф. 169, о. 1, д. 176, л. 150; ф. 1, о. 1, д. 583, лт. 461—463.

³ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 370, л. 136.

⁴ Там же, д. 17, л. 200.

ГЛАВА III ОТ ПЕРВОЙ РЕВИЗИИ ДО 1747 ГОДА

После первой ревизии приток крестьян на территорию верхнего Приобья продолжался. Условия для заселения края улучшились. Стало возможным освоение обского левобережья. Постепенно заселяется также обширная территория по правому берегу Оби от р. Чумыш до Бийской крепости.

Во время первой ревизии или сразу после нее появились первые русские деревни, в верхнем течении р. Чумыша. В 1722 году или немного позднее пришли на Чумыш крестьяне Титовы, жители д. Грамогеевой, и их родственники Егор и Александр Зарешные из д. Нижний Яр Мунгацкого станица Кузнецкого уезда. В одно время с ними появились на Чумыше крестьянин из Бердского округа Степан Бочкарев по прозвищу Максар. По данным второй ревизии, переселение было самовольным, хотя сами крестьяне утверждали, что имели указ о переселении от кузнецкого воеводы. Указ будто бы сторец во время пожара в 1743 году¹.

Переселенцы основали на Чумыше три деревни, которые в документе 1727 года названы д. Лариона Титова, д. Дмитрия Титова и д. Якова Титова². Первая называлась позднее Старой Титовой, а после пожара 1743 года — Порогелкой Титовой или просто Порогельской. Название второй деревни сохранилось до сих пор, ныне это село Дмитро-Титово в Кытмановском районе. Деревня Якова Титова известна под названием Озерно-Титовой.

Титовы, Зарешные и Бочкарев поселились рядом с агтайцами Тотульской волости. В 1729 году вместе с

крестьянами соседних деревень Переборной и Залдывнойой они заключили договор с тотульцами о земельных угодьях. В документе, утвержденном Кузнецкой воеводской канцелярией, указывалось, что «исачные татары Чебода Избреев, Онон Кучегешев с товарищами уступили кузнецким крестьянам Якову Титову с товарищами, всем жителям деревень Титовой, Переборной и Залдывнойой земли под пашни, сеные покосы, рыбные ловли «безденежно в вечное владение». Агтайцы оговаривали для себя беспрепятственное пользование урочищами для охоты, а русские крестьяне обязывались «зверей не облаивывать и обиды и утешения никакова не чинить». Этот документ хранился у крестьян Титовых и они предъявили его властям в 1759 году как доказательство своих прав на землю¹.

Недостаточная полнота переписи первой ревизии, а также появление новых поселений крестьян вызвали необходимость дополнительного учета населения на территории верхнего Приобья с целью более полного подсчета обложения. Уже в 1727 году Кузнецкая воеводская канцелярия провела дополнительную перепись. Из материалов второй ревизии удалось установить имена и фамилии крестьян, переписанных в 1727 году². Тогда было учтено впервые в ведомстве Белоярской крепости 91 душа муж. пола, в ведомстве Малышевской слободы — 61 душа муж. пола, всего 152 души³.

Все эти крестьяне были записаны в центрах ведомств — в Малышевской слободе и Белоярской крепости, но на самом деле значительная часть их или почти все жили в деревнях. Среди них были и такие деревни, которые не учли во время переписей не только в 1724, но и в 1745 году. Время возникновения таких деревень приходится устанавливать по различным документам.

Среди учтенных в 1727 году новых населенных пунктов была, очевидно, и Гусельнякова. По крайней мере, учтенные в 1727 году крестьяне Кадонниковы или Кадниковы жили именно в этой деревне. Есть сведения о том, что примерно в 1728 году в д. Гусельниковой, уже существовавшей, поселился крестьянин Тимофей Хрустаев⁴.

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 156, л. 282.

² Понименная выборка оказалась необходимой, так как материалы переписи 1727 г. не сохранились.

³ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28.

⁴ Там же, д. 40, л. 19, д. 36, л. 124.

Крестьян, утесненных впервые в 1727 году, находили также в д. Фирсовой на р. Лосихе. Об одном из них — Иване Зотееве — в документе 1757 года сообщается, что он уже 30 лет живет в д. Фирсовой¹. Сначала д. Фирсова носила одновременно название Малой Лосихи, но позднее это забылось. Деревню называли, и это название сохранилось до сих пор, Фирсовой по имени ее основателя крестьянина Фирса Белых. Среди первооселенцев этой деревни значились также крестьяне Огловы.

В 20—40-х годах XVIII века складывается первое русское земледельческое население окрестностей Бийской крепости. После основания в 1718 году крепость не имела постоянного гарнизона. Сюда из Кузнецка присылались приказчики с полсотней казаков на короткое время. Несколько раз в год гарнизон менялся. Для стабилизации положения крепости и окончательного закрепления в этом районе Приобья было необходимо постоянное население и в крепости, и в окрестностях. Первыми поселенцами Бийского воеводства были гулящие люди Фоминские. В 1716 году пришли они на Обь в Бердский острог из «русских поморских городов», были утеснены переписью 1719 года и вскоре двинулись дальше на юг. В 1720 году приказчику Бийской крепости было предписано принять Фоминских на жительство и брать с них «годовые гулящие оброки»². В мае 1720 года бийский приказчик доносил о появлении в крепости еще 10 семей припых. Кузнецкие власти приказали отослать самотовных припыхцев на прежние места жительства, но на самом деле припыхе никуда не выехали³. В 1721 году в Бийское воеводство послыгался отряд казаков для выселения новой группы самовольных переселенцев из Кузнецкого уезда, Бердского и Белоярского воеводств. Завершенно переселенцами займку приказано было ежемеч⁴. Однако указы о выселении выполнялись плохо. Этому сопротивлялись припыхе, да и власти были заинтересованы в заселении нового района. Кузнецкая воеводская канцелярия все чаще давала разрешения на поселение и даже организовала перевод к Бийской крепости желавших переселиться старожилов Бердского воеводства. Итоги первоначального заселения Бийской ок-

руги были подведены в 1727 году переписью Кузнецкого дворянина Трусова. В новом воедстве было учтено 53 души гулящих, 53 припых, 36 бердских переселенцев, 21 явившихся в учетном 1727 году, а всего 163 души мужского пола.

С начала второй четверти XVIII века идет заселение левобережья верхней Оби. В значительной мере этому способствовало возникновение на Алтае горных предприятий Демидова. Потребности в рабочей силе, возможности получения которой на месте были весьма ограниченными, заставили Демидова переселить на Алтай часть своих крепостных крестьян и мастеровых. Общее число переведенных Демидовым душ мужского пола равнялось 416. Из них в 1747 году жили в воедстве Колывано-Воскресенского завода 236, на Шульбинском заводе — 69, на Варнаучальском — 111¹. В это число вошли не только переведенные крестьяне и мастера Демидова, но и те, кого уже в Сибири завербовали его приказчики. Это были беглые и самовольные переселенцы из Тарского уезда, Окуневского, Ишимского, Исцелкого дистриктов, из воеводства Бердского и Чаусского островов, Белоярской слободы, 12 душ мужского пола были переведены к заводам Демидова властями Кузнецкого уезда из Мунгацкого станца.

Привезенные на Колывано-Воскресенский завод мастера и крестьяне все значились мастеравыми и работными людьми, но на самом деле многие из них не знали никакого ремесла, пригодного на заводе, были хлебопашами. Последних Демидов не стал держать непосредственно на заводе, а поселил в деревнях, обязав определенное время в году выполнять заводские работы и снабжать заводы и рудники продовольствием. В одном из документов ГААК указано, что в 1735 году из 105 демидовских мастеровых и крестьян 64 жили при заводе, а остальные 41 в деревнях Чарышской, Порозихинской и Усть-Чарышской².

После перехода алтайских заводов в собственность императора Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства произвела проверку, все ли записанные мастеравыми и работными людьми действительно способны квалицированы «исправлять» заводские рабо-

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 211, л. 126.

² ПГАДА, ф. 1402, о. 1, д. 1, л. 9.

³ Там же, л. 11.

⁴ Там же, л. 273—289.

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 428—429.

² Там же, л. 24, л. 126—141.

ты, и тех, кто не знал никакого ремесла, велено было «числить» крестьянами в деревнях¹.

Параллельно с колониционными мероприятиями Демидова продолжалась, причем в больших масштабах, чем это удавалось Демидову и его прикащикам, мифрация крестьян на территорию верхнего Приобья по их собственной инициативе.

Примерно в 1732 году пришел в д. Алейскую крестьянин Иван Белобородов². Эта одна из старейших деревень по реке Алею позднее стала называться Урюпинной, название сохранилось до сих пор. В начале 30-х годов XVIII века существовала уже на реке Касмаге деревня Касмалинская.

Некоторые крестьяне, поселяясь на территории верхнего Приобья, «испрашивали» разрешение на это у местной администрации. Так было, например, с основателем д. Большой речки (ныне село Чаузово). В начале 30-х годов XVIII века бердские крестьяне Афанасий Банников и Григорий Волков нашли место недалеко от устья Большой Речки, удобное для хлебопашества, с достаточным количеством луговых пастбищ и леса, и обратились в Кузнецкую воеводскую канцелярию с просьбой разрешить там поселиться. Такой указ был дан, и А. Банников с Г. Волковым основали д. Большую Речку. Указ этот сохраняется в фондах ГААК. Он датирован 1732 годом, 23 июня.

1732 год, таким образом, — дата основания д. Большой Речки³.

В большинстве случаев крестьяне селились самовольно. Поэтому даты основания деревень на территории верхнего Приобья и во второй четверти XVIII века приходится чаще всего устанавливать по свидетельствам более поздних документов. Именно так устанавливаются даты основания или наиболее раннего упоминания следующих населенных пунктов: 1726 г. — д. Среднекрасилова на р. Матвехе близ Чумыша; 1734 г. — д. Копылова на р. Чумыше; 1736 г. — д. Чесноковка на р. Чесноковке; д. Камышенка на р. Камышенке близ озера Шибавая; 1737 г. — д. Глушинская (Жилиха) на р. Малой Лосихе, д. Идогова у оз. Кривого на левом берегу

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 360, л. 5.

² Там же, д. 40, л. 12.

³ Там же, д. 134, л. 361. Ныне с. Чаузово.

р. Оби; 1738 г. — д. Пешаная¹ Бийского ведомства, д. Вяткина на р. Оби; 1740 г. — д. Завьялова Бийского ведомства; 1741 г. — д. Макарова на Чумыше, д. Шадринцева близ Чумыша, д. Королева на р. Малый Аглак; 1742 г. — д. Борисова у Чумыша, д. Озерная на Чарыше; 1743 г. — д. Выкова на р. Касмаге, д. Суетинская на р. Суетке, левом притоке р. Оби; 1744 г. — д. Коренева на Чумыше, д. Старо-Перуново на Чумыше, д. Тараданова на протоке р. Оби в Малышевском ведомстве, д. Савинова на р. Иткуль в Бийском ведомстве².

Непрерывный рост населения верхнего Приобья привел к тому, что довольно быстро увеличивалось число неучтенных, а следовательно, не обложенных подушным сбором крестьян. Фискальные соображения, а также приписки к демидовским заводам потребовали от местной администрации проведения дополнительного учета. В 1733 году Кузнецкая воеводская канцелярия провела перепись, в которую были включены 36 душ в Малышевской и 67 душ в Белоярской слободах³. В 1734 году были переписаны крестьяне деревень ведомства Колывановоскресенского завода, главным образом по рекам Чаузы и Алею. Была учтена 131 душа мужского пола, в том числе 41 человек в Колываново-Воскресенском заводе, а остальные в деревнях Алейской, Барнаульской, Выковой, Кабановой, Катманке, Перво-Чарышской, Касмалинской, Киргитовой, Старой Порозинке, Усть-Порозинке, Самсоновой, Усть-Чарышской и Обуховой⁴. Эта перепись была далеко не полной. Многие крестьяне и мастеровые в ней оказались пропущенными, что было выявлено в 1735 году, когда составлялся список всего населения ведомства Колываново-Воскресенского завода перед предполагавшимся взятнем завода и рудников Демидова на Алтае в казну. Список 1735 года не сохранился, однако он полностью восстанавливается по списку 1737 года, который был выслан из Берг-коллегии по требованию Везера. Оказываются, список 1735 года включал 565 душ обоего пола, а в 1737 году за алтайскими предприятными Демидова числилось 600 душ обоего пола, из них непосредственно на

¹ В данном случае сохранено написание названия деревни «Пешаная» по источникам XVIII века (ныне с. Пешаное). Старинные названия сохранились и по другим населенным пунктам.

² Ссылки на источники в приложении.

³ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, лл. 270 и 284.

⁴ Там же, лл. 375—395.

Кольяно-Воскресенском заводе жили 285 человек, остальны́е — в деревнях¹.

В последующем дополнительно учитывались жители Верхнего Приобья в 1739 и 1740 годах.

Межевизские переписи не учитывали, как правильно, всех крестьян, а лишь пропущенных при предыдущих переписях и вновь прибывших. Более полным источником для представления о численности населения были материалы ревизий. В 1744—1745 годах на территории Кузнецкого уезда, куда входило и верхнее Приобье, осуществилась вторая ревизия. Кузнецкая воеводская канцелярия приняла «определение» (указание, инструкцию) о порядке ее проведения в уезде 4 апреля 1744 года.

Переписной материал к ревизии должен был состоять из поданных с мест сказок и ведомостей, составленных на основании этих сказок и материалов предыдущей ревизии. Сказки и ведомости должны были образить прибыль и убыль населения, умерших, бежавших, переселившихся, возраст крестьян, «чьи они и откуда, и давно в тех местах живут, таков в которых селе и в деревнях, городах, и по каким указам или собою без указа, хотя те которые люди и крепостные, отпущены с нашпортом и без нашпорта для прокормления работою, и о тех в сказках писать именном»².

По окончании переписи материал подлежал проверке государственными чиновниками и выделенными специально для этого военными чинами. Эта проверка, собственно, и называлась ревизией, хотя следователи нередко понимают под ревизией весь комплекс работ по переписи и проверке ее результатов.

Составление сказок и ведомостей было делом трудным и громоздким. Исходный материал — генералитетские книги первой ревизии — оказался далеко не совершенным. За время между ревизиями население уезда выросло, главным образом за счет самовольных переселенцев, многие из которых не были учтены дополнительными переписями. Возникли десятки деревень, местоположение некоторых из них даже не было известно властям. Передвигалось население и внутри уезда. Предстоя-

ло не только учесть прибывших, но и установить новое местожительство старожилов.

В августе 1744 года бердский приказчик Мельников доносит, что многие бердские крестьяне разъехались в разные места в ведомства Белоярской и Бийской крепостей и поэтому учесть их трудно. Кузнецкая воеводская канцелярия торопила, а всякие ссылки на трудности переписи были признаны «непотребными». Вынужденные уложиться в сжатые сроки, приказчики не могли добиться точного учета населения. За исходные брались материалы первой ревизии, и многие крестьяне, уже переселившиеся в другие ведомства, были записаны на старых местах. Многие новые деревни оказались неучтенными.

В 1745 году проводилась проверка (ревизия) переписных материалов, но она оказалась недостаточно точной. Сказки, списки и материалы ревизской комиссии были бы, бесспорно, очень интересными документами, особенно если учесть, что в них были сведения о времени поселения крестьян на территории верхнего Приобья, о местах, откуда они прибыли. Однако разыскать эти документы не удалось, да и вряд ли они сохранились. В Государственном архиве Алтайского края имеется только копия со списка второй ревизии, составленная в 1747 году. Сведенные в общую таблицу, списки эти выглядят следующим образом:

Ведомства и населенные пункты	Число душ муж. пола по ревизии					Всего
	государственные крепостные	Копыт-по-Воскресенскому заводу	Приписные Демидова, приписанные к	Барнаулскому заводу	Шульбинскому заводу	
1	2	3	4	5	6	
Ведомство Малышевской слободы:						
1) Малышевская слобода	505	—	—	—	—	505
2) д. Алтайская	99	—	—	—	—	99
3) д. Верхнеуэульская	—	279	—	—	—	279
4) д. Инская	—	98	—	—	—	98
5) д. Каменская (Нижняя)	131	—	—	—	—	131
6) д. Каргаполова	39	—	—	—	—	39

¹ ГАК, ф. 1, о. 1, т. 24, лл. 136—149.
² ЦГАДА, ф. 517, Кузнецкая воеводская канцелярия, о. 1, д. 20, л. 1. Ревизскими сказками назывались именны́е списки населения. Они составлялись на местах и были первичными материалами ревизии.

	1	2	3	4	5	6
7) д. Кучуцкая	2	—	—	—	—	2
8) д. Малетина	4	—	—	—	—	4
9) д. Мерепкая	—	137	—	—	—	137
10) д. Милованова	105	—	—	—	—	105
11) д. Нижнесуздунская	14	49	—	—	—	180
12) д. Обвинцева (Старая)	1	—	—	—	—	1
13) д. Порогнинкова	—	—	124	—	—	124
14) д. Четемова	22	—	—	—	—	22
15) д. Чингискакая	86	—	—	—	—	86
16) д. Шинкина	2	—	—	—	—	2
Всего в ведомстве	1010	563	241	—	—	1814

Ведомство Белоярской слободы:

1) Белоярская слобода	892	—	—	—	—	892
2) д. Беспалова	6	—	—	—	—	6
3) д. Верх-Барнаульская	—	—	—	—	—	—
4) д. Драншниковая	—	—	—	10	—	10
5) д. Дрянная	3	—	—	65	—	65
6) д. Заборина	99	—	—	—	—	99
7) д. Залдынина	—	—	—	91	—	91
8) д. Инюшева (на Чумыше)	36	—	—	—	—	36
9) д. Казанцева	—	50	—	—	—	50
10) д. Кармацкая	—	41	—	7	—	48
11) д. Кашкарагайская	1	122	—	—	—	123
12) д. Красилова	—	—	—	130	—	130
13) д. Переборна	—	—	—	39	—	39
14) д. Повадиха	—	—	84	—	—	84
15) д. Реткунова	160	—	—	—	—	160
16) д. Тальменская	—	79	—	—	—	79
17) д. Ульберды	—	—	—	—	—	—
18) д. Усова	—	11	—	—	—	11
19) д. Усть-Барнаульская	—	—	—	—	—	—
20) д. Усть-Чумышская	—	—	30	—	—	30
21) д. Фирсова	1	94	—	—	—	94
22) д. Черемшанская	—	—	11	—	—	11
23) д. Шинкина	—	—	14	—	—	14
24) д. Язова	3	—	—	—	—	3
Всего в ведомстве	1147	506	377	—	—	2030

	1	2	3	4	5	6
--	---	---	---	---	---	---

Ведомство Бийской крепости:

1) Бийская крепость	107	—	—	—	—	107
2) Фоминская	120	—	—	—	—	120
3) д. Титова	30	—	—	—	—	30
4) д. Усацкая	1	—	—	—	—	1
Всего в ведомстве	258	—	—	—	—	258

Ведомство Кольяново-Воскресенского завода:

1) Кольяново-Воскресенский завод	—	310	—	—	—	310
2) д. Алейская	—	6	—	—	—	6
3) д. Барнаульская	—	4	—	—	—	4
4) д. Быкова	—	29	—	—	—	29
5) д. Вагкина	—	3	—	—	—	3
6) д. Кабакова	—	10	—	—	—	10
7) д. Кабанова	—	31	—	—	—	31
8) д. Каманская	—	6	—	—	—	6
9) д. Касмалинская	—	84	—	—	—	84
10) д. Кириллова	—	13	—	—	—	13
11) д. Красноярская	—	122	—	—	—	122
12) д. Первоярская	—	25	—	—	—	25
13) д. Самсонова	—	7	—	—	—	7
14) д. Старая Порожня	—	9	—	—	—	9
15) д. Усть-Камаринская	—	—	10	—	—	10
16) д. Усть-Порожня	—	11	—	—	—	11
17) Усть-Чарышская	—	35	—	—	—	35
18) Усть-Чумышская	—	14	—	—	—	14
19) д. Язова	—	19	—	—	—	19
Всего в ведомстве	—	748	—	—	—	748

Ведомство Барнаульского завода:

1) Барнаульский завод	—	—	170	—	—	170
2) д. Кармацкая	—	—	12	—	—	12
3) д. Вельмесева	—	—	4	—	—	4
Всего в ведомстве	—	—	186	—	—	186

1	2	3	4	5	6
Шульбинский завод:	—	—	—	89	89
На всей территории верхнего Приобья	2415	1817	804	89	5125

Таким образом, из 5125 душ мужского пола, учтенных второй ревизией, на территории верхнего Приобья было 2415 государственных крестьян и 2710 приписных Демидов¹. Вторая ревизия отразила крупные изменения в населении: согласно ее данным, число душ мужского пола на территории верхнего Приобья выросло почти в 4,5 раза, число населенных пунктов увеличилось с 34 в 1724 году до 64 в 1745 году. Если во время первой ревизии на левобережье было учтено только две деревни, то в 1745 их число возросло до 24, не считая заводов.

Но это далеко не все. Как бы ни были велики изменения, отраженные второй ревизией, действительные результаты колонизации верхнего Приобья русским крестьянством в 1745 году превосходили их. В 1748 году при приеме Демидовских и новоприписных крестьян в заводское ведомство было вывезено большое расхожденное между действительным расселением крестьян и данными второй ревизии. Из учтенных в ведомстве Малышевской слободы 932 души мужского пола государственных крестьян только 278 жиды в тех местах, где были записаны во вторую ревизию, а остальные находились в других населенных пунктах. Подобная же картина выявилась и в ведомстве Бегларской слободы. Кроме того, на территории верхнего Приобья жило немало крестьян, записанных в ведомствах Бердяцкого и Чаусского острогов, в деревнях Кузнецкого уезда. Часть из этих крестьян переселилась между 1745—1748 годами, но большинство значительно раньше, и это не было учтено ревизией. По различным источникам удалось установить время основания или существования деревень, не указанных в материалах ревизии, но в действительности заселенных крестьянами не позднее 1745 года. К 64 деревням, учтенным властями в 1745 году, можно добавить по крайней мере 32 таких де-

ревни, как Титова, Озерна-Титова, Дмитриова-Титова, Бехтемирская и другие.

До начала русской колонизации территория верхнего Приобья в экономическом отношении была освоена крайне слабо. Малочисленное местное население сосредоточивалось главным образом в горной и предгорной частях. С откопечкой телеутов к югу большая часть верхнего Приобья оказалась совершенно безлюдной.

Хозяйство местных алтайских племен носило скотоводческо-охотничье направление. Главным занятием северных алтайцев, в том числе и живших на территории верхнего Приобья кумандинцев, тубаларов, челканцев и тогульцев, была охота на пушного зверя. Южные и западные алтайцы занимались преимущественно скотоводством кочевого характера. Определенную роль играло рыболовство¹.

В древнейший период Алтай был одним из центров раннего сибирского земледелия. Однако позднее в результате урона, нанесенного монгольскими завоевателями, алтайское земледелие пришло в упадок. К XVIII веку оно существовало в небольших размерах в верховьях Катуня, по р. Семе и в долине р. Нарыма. У северных алтайцев земледелие было примитивным, мотыжным и носило лишь подсобный характер². Пришла в упадок задолго до прихода русских и древняя алтайская металлургия.

С приходом русских на территорию верхнего Приобья здесь в короткий срок произошел значительный экономический сдвиг. Исключительно положительную роль сыграло в этом отношении крестьянство. Русские крестьяне приняли непосредственное участие в разведке местных рудных запасов. Крестьянское население стало основной рабочей силой на заводах, возникших на Алтае. В обстановке того времени без приписного крестьянства не было бы алтайской металлургической промышленности. Однако главным результатом колонизации русским крестьянством верхнего Приобья было основание и развитие местного земледелия и оседлого скотоводства.

В первой четверти XVIII века Кузнецкий уезд испытывал большие продовольственные затруднения. Созданная здесь казенная десятинная пашня была крайне не-

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, все.

¹ Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953, стр. 122—124.
² Там же.

значительной. Собственные пашни служилих людей, посадских и крестьян лишь с трудом удовлетворяли их личные потребности.

По мере заселения территории верхнего Приобья здесь возникало земледелие, быстро перенавшее по своей продуктивности и масштабам хлебопашество окрестностей города Кузнецка. Этому способствовало лучшее качество земель, чем в кузнецких пригородах.

Русские крестьяне, переселяясь на территорию Сибири, несли сюда накопленный веками опыт земледельцев, свои приемы и методы сельскохозяйственного производства. Применяя этот опыт к местным сибирским условиям, крестьяне уже в XVII веке сумели найти агротехнические приемы, наиболее подходящие в Сибири. На территорию верхнего Приобья, которое заселялось в XVIII веке, крестьяне принесли не только давние навыки русского земледелия, но и сибирский опыт, так как большинство алтайских первооселенцев прожигло определенное время в Сибири или родилось в ранее заселенных ее районах.

Наличие большого количества свободных земель освобождало первооселенцев верхнего Приобья от необходимости сберегать плодородие почвы. Поэтому издавна распространенное в европейской части России трехполье было здесь крайне редким явлением. Преобладали почти исключительно перелог. Если земля выпаивалась, ее забрасывали, а пашню заводили на новом месте. Уже в 40-х годах XVIII века крестьяне Белоярского и Малышевского ведомств часто писали о выпашке земли, о заведении замков с новой распашкою. Крестьяне начинали жаловаться на то, что «пашни удатели от их деревень», и просили разрешения переселиться на новые места. Пока население верхнего Приобья было малочисленным, необходимость в более интенсивной системе земледелия не было.

Первые крестьяне верхнего Приобья сели озимую рожь, пшеницу, ячмень, овес и некоторые другие культуры, а также овощи. Для собственных нужд крестьянской семьи селился лен.

На территории верхнего Приобья, в отличие от пригородной части Кузнецкого уезда, не было государевой деятинной пашни. Верхнеобские крестьяне жили на значительном расстоянии от Кузнецка, большинство из них селилось самовольно, власти долгое время даже не знали

о действительном количестве населения, поэтому контроль за десятинной пашней был невозможен. Верхнеобские крестьяне вносили в казну оброк, в том числе натурой. Вместо обработки казенного поля — государевой десятинной пашни — они славали четвериковый сбор: по полтора четверика зерна с ревизской души. По мере роста утенного населения четвериковый сбор становился важным источником обеспечения провиантом Кузнецка и военных частей в уезде. Так, в 1739 году крестьяне Бердского острога, Малышевской слободы, Белоярской и Бийской крепостей сдали провианта 3815 четвериков¹.

Однако четверикового сбора было недостаточно для покрытия потребности властей в провианте. Это вызвало необходимость закупки хлеба и других припасов у крестьян. Особое внимание на организацию закупки сибирская администрация обратила в 1745 году в связи с переводом в Сибирь крупных воинских частей. Снабжение их провиантом предлагалось организовать за счет местных ресурсов. Кузнецким властям было приказанокупить для воинских частей, расквартированных в верхнеобских крепостях, до 20 тысяч и более четвертей ржи и муки, до 20 тысяч четвертей овса и значительное количество крупы. Обращалось внимание на возможность затовки хлеба ближе к военной линии, в деревнях близ Белоярской крепости и по Чумышу².

При закупке провианта применялась система подрядов. Представители администрации заключали с крестьянами контракт на поставку провианта. В установленные сроки крестьянин должен был привезти провиант в назначенное место и продать по заранее определенной цене. При заключении контракта крестьянин получал ярлык, на котором обозначались виды поставки, количество провианта и сумма полученного задатка. Окончательный расчет производился при доставке провианта. Нередко крестьяне перепродавали ярлыки, и тогда, кто его покупал, доставлял провиант и получал разницу между полной ценой и задатком.

В Государственном архиве Алтайского края сохранилось много таких ярлыков.

Размеры подрядов были различными. Большинство крестьян брались поставлять от 10 до 30 пудов. Но были

¹ ПГАДА, ф. 517, Кузнецкая военная канц., о. 1, д. 119, л. 3.

² ГААК, ф. 1, о. 1, д. 10, лл. 38—39.

и такие, кто брат подряд на 40—50 пудов, а крестьянин Д. Повагили Ерофей Кайгородов в 1746 году обязался доставить 200 пудов ржаной муки¹.

Начиная с 1747 года некоторые крестьяне, а почас и жители Барнаульского завода, стали брать подряды на оптовую доставку провианта, получали задаток и заготовливали хлеб по деревням. Так, 25 августа 1747 года крестьяне д. Юдиной Семен Юдин и Гаврила Шурыгин брались доставить в Барнаульский завод 1000 пудов ржаной муки, 150 пудов пшеничной, 150 пудов крупы и 200 пудов немоготого овса. Доставку нужно было осуществить в два срока: первую половину — к 29 ноября и вторую — к 30 декабря. Они взяли задаток 100 рублей и к началу 1748 года даже несколько перевыполнили подряд, доставив всего провианта 1595 пудов².

Система подрядов и другие способы заготовки провианта позволяли властям обеспечивать хлебом и другими продуктами гарнизоны крепостей, а также население заводских поселков. Однако в общей сложности хозяйств во вернееобских крестьян на первом этапе колонизации было еще маломощным. Многие крестьяне не могли прозаводить больше того, что потребовала семья и уходило на уплату натуральной оброка в виде четверикового сбора. В этих условиях власти делали ставку не на voluntary закуп, а на принудительную поставку провианта. Только незначительная часть крестьян и подрядчики заключали контракты добровольно. В основном же система подрядов была способом насильственного изъятия хлеба.

После перехода алтайских заводов и приписных крестьян в ведение Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства заводские власти пытались стимулировать товарность крестьянского хозяйства. В 1748 году был дан указ всем заводским крестьянам посетить сверху «домашнего обиходу» по три четверти всякого хлеба, а тем, кто этого не выполнит, прозидли наказанием³.

23 сентября 1748 года Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства запретила приписным крестьянам продавать хлеб и другие продукты кому-либо,

«кроме заводов и заводских обывателей»¹. Поставка провианта стала одной из обязательных повинностей приписных крестьян.

Наряду с земельным на территории верхнего Приобья возникло и развилось крестьянское скотоводство. При этом крестьяне опирались на местные скотоводческие традиции и базу. Скот, прежде всего лошадей, покупали у джунгар и телеутов.

В больших масштабах, чем другие виды скотоводства, было развито коневодство. Это объяснялось тем, что лошадей легче всего было купить у кочевников, а также быстро выросшими собственными потребностями. При полевых работах на Алтае применялись главным образом лошади. Быки как тяловая сила использовались крайне редко. Верхнеобское крестьянство чуть ли не с начала заселения начало выполнять гужевую повинность.

Наряду с коневодством крестьяне верхнего Приобья занимались разведением крупного рогатого скота, овец, коз, свиней. В отличие от коренных жителей верхнего Приобья — кочевников — русские крестьяне занимались оседлым, пастбищно-стойловым скотоводством.

Подсобное значение в жизни крестьян имело рыболовство, а также охота. «Для звериного промысла» крестьяне подчас уходили далеко от своих деревень.

Русские крестьяне были также заточены местного солевого промысла. 28 ноября 1724 года крестьянин Маглышевской слободы Дементий Ковров взял подряд привезти с Кулундинских озер и поставить казне 300 пудов соли по два алтына и четыре денги за пуд. В марте 1725 года Д. Ковров выполнил подряд. До этого местные власти не знали о запасах соли на территории верхнего Приобья².

Таковы коротко экономические результаты раннего этапа крестьянской колонизации Приобья. Как ни трудны были условия освоения нового края, как ни усугублялось это растущей из года в год феодальной эксплуатацией, русские крестьяне в меру своих сил и возможностей уже в первый период заселения верхнего Приобья сумели сделать многое. Именно на раннем этапе колонизации были заложены основы последующего развития местного крестьянского хозяйства.

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 12, лл. 424—427.

² Там же, д. 21, л. 534. Деревня Юдина возникла близ Белогорской крепости и после ее запустения стала называться Белогорской слободой. В 1759 г. еще разграничили старую Белогорскую крепость и д. Юдину. Позднее д. Юдина не упоминается.

³ Там же, д. 32, л. 325.

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 32, л. 335.

² ПРАДА, ф. 517. Кузнецкая воеводская канц., о. 1, д. 4, л. 8.

ГЛАВА IV ПОСЕЛЕНИЕ ПРИШЛЫХ И ДОВОЛЮНЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

С самого начала своей деятельности Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства столкнулась с проблемой рабочей силы для заводов. В условиях феодализма возможности найма рабочих были, особенно в малонаселенной Сибири, крайне ограниченными. Русская промышленность того времени должна была основываться на принудительном труде вотчинных, посессионных и приписных крестьян¹. Из их числа набиралась и постоянные заводские работницы — мастеровые.

По указу от 1 мая 1747 года все демидовские мастеровые и крестьяне перешли в ведение новой заводской администрации. Всего было принято от Демидовых 4286 душ мужского пола². Для широкой постановки горного дела этого было мало. К тому же значительная часть демидовских приписных жила на большом расстоянии от заводов.

Тем же указом к алтайским заводам было приписано дополнительно 4664 души мужского пола, в том числе из ведомств: Бердского острога — 1493, Белоярской слободы — 1147, Малышевской слободы — 1010, Бийской крепости — 258, Чаусского острога — 333, Сосновского острога — 423³.

Новая приписка не решала полностью проблемы ра-

бочей силы. Новоприписанные также располагались далеко от Колывано-Воскресенского, а частью и от Барнаульского заводов. Поэтому заводская администрация и правительство принимают меры по дополнительному заселению горного ведомства и точному учету крестьян, живших на подчиненной заводам территории.

В 1748 году производится прием в заводское ведомство крестьян, приписанных указом от 1 мая 1747 года. Списки второй ревизии были проверены на местах, выявлены все расхождения ревизских данных с действительным населением населения. Учет приписных еще раз показал необходимость дополнительного заселения заводской территории. Особое внимание было уделено расположенным в непосредственной близости от Колывано-Воскресенского завода и рудников. Начальник Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства А. Беэр в одном из рапортов в Сенат в 1748 году писал: «...около Колыванского завода по рекам Адею и прочим за дальностью того завода от слобод к разведению хлебопашества и для близости к работам поселение таковых (крестьян — Ю. Б.) нужно»¹.

Способ заселения был предусмотрен уже указом от 1 мая 1747 года. В нем предписывалось учсть в Сибирь самовольно поселившихся и впервые записанных во вторую ревизию людей и переселить их в окрестности Колывано-Воскресенского завода. Царизм решил собрать пришедших самовольно в Сибирь независимо от того, откуда они прибыли и от кого бежали. В интересах развития горной промышленности императрица не собиралась возвращать помещикам их беглых и даже беглых с приписных казенных заводов².

Для администрации горных заводов было важно, чтобы заселение производилось под строгим контролем, присылали люди, способные к заводской работе и к ведению пашни, чтобы пришлые были поселены в местах, достаточно удобных для жизни и для использования на заводских работах. Поиск таких мест был поручен специальной экспедиции во главе с прапорщиком геодезии Пименом Старцевым. В росписи, составленной П. Старцевым по результатам экспедиции в 1748 году, было на-

¹ Вотчинные, посессионные, приписные крестьяне — категории феодальнозависимых крестьян России. Вотчинные крестьяне — крепостные феодала, посессионные — крепостные крестьяне, закрепленные за промышленными предприятиями, приписные — крестьяне, приписанные к заводам.

² ГААК, ф. 1, о. 2, д. 151, лт. 274—276.

³ Там же.

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 1, л. 85.

² Там же, л. 63.

звано 63 места, из них по р. Агею и его притокам — 36, р. Чарышу и притокам — 18, р. Убе — 9 мест. Здесь предполагалось завести 1358 дворов крестьян-переселенцев. Большинство найденных мест до 1748 года не было заселено. Исключение составляли 8 мест, из них д. Шинпунова, где было три двора, будущая д. Выжова на Агее, которую в 1748 году основал бердский крестьянин Агафон Выжов, и другие.

Едва начал подготовку к приему поселенцев, Канцелярия Кольваново-Воскресенского горного начальства стала форсировать присылку бергых.

Местами сбора пришлых для последующей отправки в ведомство агайских заводов были Тобольск, Тара, Иркутск. Значительное число пришлых было набрано в ведомства Бердякого и Чаусского острогов, Малышевской и Бегоярской слобод.

Вселение пришлых на Агтай не носило никаких элементов добровольности. С их желанием не считались, направляли под конвоем, за попытки к бегству жестоко наказывали. Так, 6 июля 1748 года Канцелярия Кольваново-Воскресенского горного начальства направила в Бердскую судию нзбу указ, в котором предписывалось всех пришлых, живших в этом ведомстве, «выскачать и по сыску всех с женами и детьми и со всеми их пожитки для определения к поселению... с надлежачим конвоем на здешний Барнаульский завод в немедленном времени на Бердского острога направить»².

На назначенных к поселению составлялись и высылались в Барнаул предварительные списки. Однако далеко не все, внесенные в них, действительно поселились на Агтае. Об этом, в частности, свидетельствует хранящаяся в ГААК «Книга настоянная, сочиненная в Канцелярии Кольваново-Воскресенского горного начальства, о пришлых, поселенных при здешних заводах, присланных из Тобольска и других городов», составленная в 1750 году. В ней названо всего 2336 душ мужского пола, из которых были действительно поселены 1670. Остальные 66 человек не были поселены по различным причинам³.

Часть пришлых осталась на прежних местах по решению местной администрации. Так, о приплотом Кононе

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, лл. 7—12. Росписью назывался документ, содержащий список лиц, мест или вещей.

² Там же, д. 40, л. 57.

³ Там же, д. 105, все.

Фролове в «Книге настоянной» записано следующее: «Об одном Фролове в ведомости из Ильинского острогу показано, что его по указу из Селенгинской канцелярии на здешние заводы высылать не велено, понеже он переведен в посады»¹.

В материалах ГААК есть и другие сведения об оставлении пришлых на старых местах, потому что они там закрепились довольно прочно и обзавелись хозяйством. Таких бергых местная администрация высылала неохотно. Оно и понятно: в то время в Сибири еще не было мест, населенных достаточно.

Второй причиной неявики пришлых на поселение была их смерть в период между составленным списком и отправкой. Третьи не вынесли тяжелой дороги и погибли в пути. Четвертой причиной неявики было бегство во время пересылки.

Некоторые пришлые, явившиеся на поселение, были признаны негодными по причине старости, увечья, малолетства и отправлены обратно. Так, 82-летний Михаил Бесырев был «за старостью и дряхлостью» отправлен обратно в Иркутск². Скупные пометки в «Книге настоянной» раскрывают бесчеловечное отношение царской администрации к поселенцам. За тысячи километров гнали людей, зачастую старых и увечных, вместо того чтобы на месте, в том же Иркутске, решить, годны они или нет для поселения. Причем гнали целыми семьями, с малолетними детьми, и дети нередко погибали в пути. Например, у беглого крестьянина Кирилла Чекавского, пристанного из Иркутска, замерз в дороге сын 13 лет, а с младшим его отправили обратно. Почти два года бродил Чекавский, потерял второго сына, пока получил разрешение поселиться при Кольваново-Воскресенском заводе³.

Вселение пришлых продолжалось несколько лет. Основная масса прибыла в 1749—1750 годах, но некоторые поселились лишь в 1752 и даже в 1754 годах.

Приглаемые в ведомство Кольваново-Воскресенского завода бергые были частью оставлены на заводе, а остальние расселены по деревням. На 11 июля 1750 года в деревнях было поселено 1048 душ мужского пола⁴. К 1754 году, после дополнительного подселения, в дерев-

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 105, л. 116.

² Там же, л. 119.

³ Там же, л. 106.

⁴ Там же, л. 43, лл. 760—777.

нах было 1082 души мужского пола из числа припльх¹. Остальные 588 человек из 1670 всех поселенных осели на Колывано-Воскресенском, Варнаулъском заводах и не-многие в деревнях Белоярской слободы².

Параллельно с вселением припльх царская администрация и заводское начальство занимались переселением в заводское ведомство крестьян из других мест Сибири на основе добровольности. Вопрос о добровольных переселенцах первым поставил перед правительством командир военных частей на юге Сибири генерал-майор Киндерман. 18 апреля он послал в Сенат донесение о необходимости заселения окрестностей Усть-Каменогорской крепости желаемыми переселенцев в эти места крестьянами Белоярской слободы и Томского уезда. Киндерман сообщил, что около Усть-Каменогорской крепости уже побывали крестьяне Максим Землянинских и Василий Шибаяев, нашли хорошие места и просили о переводе 29 семей «для поселения и пахоты хлеба»³. Не получив ответа, Киндерман написал в Сенат вторично в марте 1747 года, сославшись на этот раз на челобитную крестьян Ишимского дистрикта, которые тоже желали поселиться близ Усть-Каменогорской крепости⁴. После того как в это дело вмешалась Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства, заинтересованная в том, чтобы за счет добровольных переселенцев пополнить население заводского округа, вопрос был решен положительно. Им занялась Сибирская губернская канцелярия. Ею в соотвествующие ведомства было дано указание на местах разобратся, какие повинности несли пожелавшие переселиться крестьяне, не беглые ли они, а затем составить на них подробные списки, включая всех членов семей. После окончательного решения вопроса о переселении предписывалось выискать с переселенцев все подати и недомогки и с сопроводительным конвоем отправить их к новому местожительству⁵.

Никакой помощи переселенцам не оказывалось. Переселиться они должны были «своим коштом», то есть за свой счет. Официально отпускались они не на постоянное жительство, а на три года. Поэтому от каждой семьи

одного или нескольких человек оставались на старом месте для того, чтобы там сохранить хозяйственную единицу и не допустить большой убыли населения в тех районах Сибири, откуда шло переселение. Однако поименная проверка показывает, что все переселившиеся в конце 40-х годов XVIII века продолжали жить в ведомстве алтайских заводов и в 1763 году.

Положение переселенцев было тяжелым. Не от легкой жизни отправлялись они на новые места. Вымание податей и недомогк перед отъездом усугубляло положение. Кроме того, прежде чем получить разрешение на переселение, крестьянин получал паспорт. Это было связано с трудностями. Надо было заплатить взятку чиновнику, чтобы получить документ, а с ним и право на выезд. О том, что такие случаи были нередки, свидетельствует предупредительное Сибирской губернской канцелярии от 15 января 1748 года, в котором местным чиновникам под угрозой штрафов и лишения всего движимого и недвижимого имущества запрещается волюкитить дело с переселением, «а паче в даче пашпартов огнюдь бы взятков не было и оное запрещено под смертной казни»¹.

Большая часть добровольных переселенцев поселилась на военной линии (о них в 7-й главе), оставшие осели по рекам Чарышу и Адею в ведомстве Колывано-Воскресенского завода. Общее число этой второй группы составило 128 душ мужского пола². Расселены они были сначала в трех местах: крестьянин Юда Романов из д. Онохиной Ишимского дистрикта был поселен с семьей в основанной бердским керстрянином А. Быковым деревне Быковой на р. Агее. Две другие деревни — Поспелиху и Фирсову — основали сами добровольные переселенцы.

Поселенных в ведомстве Колывано-Воскресенского завода припльх и переселенцев заводская администрация стремилась быстрее закрепить на новых местах. Уже в самом начале заселения Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства предписывала местным властям, чтобы «присланные на поселение из разных мест крестьяне и другие люди селились, домами и дворовыми строениями заводились и хлебопашество разводили по-рядочно, без лености и с прилежаньем». Никакой помо-

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 161, лт. 581—596.

² Там же, д. 105, все.

³ Там же, д. 17, л. 25.

⁴ Там же.

⁵ Там же, лт. 32—34.

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 17, л. 34.

² Там же, д. 43, лт. 192—197.

ши им не предусматривалось, а лишь приказывалось администрации «смотреть накрепко и к тому оных побуждать неослабно». Для выполнения этой задачи — «смотреть» и принуждать — на Колывано-Воскресенском заводе была выделена особая группа в составе капитана Шанского и шиктмейстера Звездочетова с помощниками. Эта группа действовала до 1751 года. Прекращение ее деятельности администрация объясняла тем, что к тому времени «все присланные по то время крестьяне в поселение уже разослашны были, к чему им и принуждение тогда чинилось»¹.

После этого контроль за поселенцами на местах был поручен старостам, сотникам и десятникам. Однако заводские власти уже в 1752 году отказались от такого порядка. Объяснялось это тем, что сотникам и другим выборным и без досмотра за закреплением поселенцев на новых местах работы было много, а главное, что старосты, сотники и десятники сами были крестьянами и неохотно выполняли по существу полицейские функции.

10 августа 1752 года заводская контора направила по всем подведомственным деревням комиссию в составе унтер-шиктмейстера Головина и подканцеляриста Шилова². Эта комиссия довольно обстоятельно проверила хозяйство новопоселенцев и представила в колывано-воскресенскую заводскую контору соответствующие документы. В них подводились итоги заселения ведомства Колывано-Воскресенского завода пришлыми и переселенцами.

Оказалось, что заселение не получило того размаха, на который рассчитывала администрация. П. Старцев планировал основанне 1358 крестьянских дворов, а на самом деле к осени 1752 года было внесено только 390 семей и 133 одиноких крестьянина, которыми в общей сложности было создано 379 дворов³. Из 63 мест, определенных для поселения, было в действительности заселено только 15, да в трех местах основаны форпосты. Зато новопоселенцы поселились еще в 22 пунктах, не предусмотренных П. Старцевым.

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, л. 4.

² Там же.

³ Унтер-шиктмейстер — унтер-офицерский чин в горнорудном производстве. Следующий чин — шиктмейстер — был офицерским и соответствовал прапорщику в армии.

⁴ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, лл. 7—14.

Ко времени работы комиссии Головина и Шилова новопоселенцы жили: во-первых, в возникших ранее (старожильческих) деревнях, учтенных второй ревизией и принятых от Деминых; во-вторых, в деревнях, не учтенных ревизией, часть из которых возникла еще до 1745 года и была основана либо старожилками первых местных деревень, либо самовольными переселенцами из других ведомств; в-третьих, в основанных ими деревнях.

К первой группе относились деревни Карлова (Первоарышская), Порозиха, Кабанова, Кабанка, Вяткина, Красноярская на Чарыше и Урюпина (Алейская); ко второй — Нечунаева, Безголосова, Зминина, Буранова, Шарина, Новая на Оби, Усть-Карболиха, Качусова, Краснощекова, Харлова, Колыванская, Панюшева, Озерская, Шипунова на Алее, Кашина и Тугозвонова; к третьей — Чистонька, Фирсова, Большая Курья, Усть-Янцева, Бывкова на Алее, Хлопунова, Поспелиха, Красноярская на Алее, Бобкова (Склюиха), Гилева и поселение без названия между деревнями Калманской и Чистонькой.

В 1752 году, уже после работы комиссии, несколько пришлых были поселены на Савинском станце у истоков реки Чистоньки¹. Станец этот был основан раньше. В донесеннии крестьян д. Алейской от 31 марта 1747 года называется станец Ивана Симонова «Сова»². Он и стал позднее называться Савинским станцем (ныне с. Савинка). Старожильческой деревней была и включенная во вторую группу д. Тугозвонова. Раньше в ней жили раскольники, которые до мая 1746 года большей частью подвергли себя сожжению, а оставшиеся были арестованы и вывезены. Опустевшую деревню несколько месяцев каравулили по приказу начальства крестьяне соседних деревень, а потом сюда поселили пришлых³.

Обследование хозяйства новопоселенцев показало, что многие из них за 2,5—3 года, прошедшие со времени поселения, не смогли еще по-настоящему обзавестись хозяйством. В д. Большой Курье, например, на 11 семей и 3 одиноких крестьян не оказалось ни одного полностью построенного двора. 4 избы были только начаты. Сени имелись только у одной избы. Дворовых построек не было ни у кого. Из-за недостатка средств крестьяне объедин-

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 105, лл. 42 и 47.

² Там же, д. 15, л. 456.

³ Там же, д. 152, лл. 15—16.

нались по нескольку семей и строили одну избу. Из четырех изб в этой деревне у одной было 4 хозяйина, у другой — три, у третьей — два и только у четвертой — один хозяйин¹.

В ряде деревень дело обстояло несколько лучше, но и в них некоторые крестьяне не имели своих изб, другие имели избы без крыши, третьи объединялись по несколько семей для строительства обшей избы. Почти все крестьяне объясняли это недостатком средств («скудостью»), и только те, кто был поселен в 1752 году, ссылались на недостаток времени, прошедшего с момента заселения.

С большими трудностями было сопряжено заведение пашни. Не хватало семян, орудий, талко не все сумели обзавестись лошадьми. Заводская колтора в 1752 году сообщает, что некоторые крестьяне не могли «исправлять» заводские работы, так как «за всеконечную нуждою лошадей купить чем не имеем?»².

Однако, несмотря на трудности, новопоселенцами в 1752 году было засеяно почти 1030 десятин, из них около 98 — рожью, свыше 453 — ярицей, 218 — пшеницей, около 177,5 — ячменем, 73 — овсом³.

Размеры пашни у разных крестьян были неодинаковы. Материалы комиссии Головина и Шилова позволили составить следующую таблицу.

Из 523 семей и одиноких крестьян, учтенных в 1752 году,	не имели посева	80
	имели посев до 1 десятины	151
»	» до 2 »	127
»	» до 3 »	57
»	» до 4 »	44
»	» до 6 »	45
»	» до 10 »	14
»	свыше 10 десятин	5

Наибольшее количество земли засевали крестьяне, прибывшие из ведомств Бердского и Чаусского островов, Белоярской и Малышевской слобод, а также добровольные переселенцы, наименьшее — приставные из Иркутска. В д. Большой Курье, деликом заселенной пришлыми из Иркутска, не было ни одной семьи, у которой имелось

бы под пашней более трех четвертей десятины, а вся посеваемая площадь деревни была менее 7 десятин¹. И протиположный пример: в д. Фирсовой, заселенной переселенцами из Ишимского и Ялтуторовского дистриктов, общая площадь посева оказалась около 88,5 десятин, из 26 хозяев 14 имели посева каждый свыше 3 десятин².

Крестьяне, выселенные из деревень ближайших ведомств, имели возможность прибыть на новое место с некоторым запасом. В одном из приказов, направленных Канцелярией Кольвяно-Воскресенского горного начальства, прямо предлагалось, чтобы выслаемые на поселение крестьяне «взяли для пахоты хлеба сохи и для кошения сена косы и на своих лошадях прибывали и добровольные переселенцы. Ничего подобного нельзя было требовать с пришлых, которых гнали на Алтай из Иркутска или других отдаленных мест. Они являлись на поселение лишь, как говорили тогда, «душой», то есть без всякого имущества.

Поселение пришлых и добровольных переселенцев в короткий срок увеличило земледельческое население в бассейнах рек Чарыша и Аглей. Заводские власти получили возможность использовать на заводских работах труд живших поблизости крестьян. Цель, которая ставилась в 1747 году, была достигнута. Как ни мало поворотлива была царская администрация, она справилась с поставленной задачей, хотя и не в тех масштабах, как намечалось.

1747—1752 годы были временем наиболее активных действий правительства по заселению верхнего Приобья. Ни раньше, ни позднее на протяжении всего XVIII века такой активности властей в заселении края не было. Но даже в эти годы роль администрации в колонизации верхнего Приобья не следует преувеличивать. Переселенцы из Ишимского и Ялтуторовского дистриктов и добровольцы из других мест сами были инициаторами поселения на Алтае.

Даже при насильственном вселении пришлых проявлялась собственная инициатива крестьян. Было немало и таких, кто шел на поселение без сопротивления. На-

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, лл. 15—16.

² Там же.

³ Там же, л. 5.

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, лл. 15—16.

² Там же, лл. 31—32.

³ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, л. 73.

пример, бердский крестьянин Агафон Быков, считавшийся пришлым, воспринял указ о поселении при Колывано-Воскресенском заводе не как насилие, а как разрешение переселиться на юг, куда и ранее проникли крестьяне Бердского ведомства. Он даже обогнал приказ о своем переселении и еще до того, как этот указ был получен колывано-воскресенской заводской конторой, подал прошение о разрешении поселиться у реки Агтае.

В декабре 1747 года крестьяне Екатеринбургского ведомства (Лаврентий Хабаров «с товарищами»), терпящие недостаток в пахотных землях и санных покосах, писали в прошение: «Ныне уведомились мы... что... велено бывших по нынешней генералитетской переписи в Сибирь пришлох для поселения высылать на Колывано-Воскресенский и другие заводы, и ради того мы именования для поселения на оные заводы желанне имеем и пожеланные на нас государственные подати и заводские работы зарабатывать будем без всякого отращения и отговорок. Того ради... просим по желанию нашему для поселения на поминутые Колывано-Воскресенские и другие заводы нас... принять, понеже, как слышно, что тамо места к житию человеческому избытныи, таже пахотных земель и санных покосов довольно...»¹

Перспективы приписки к заводам, бесспорно, не могла не органичивать желания переселения на Агтай. Но в данном случае, как видим, эта перспектива крестьян не пугала. Стремление поселиться на плодородных землях верхнего Приобья оказывалось сильнее.

При расселении на Агтае пришлые подчас вносили коррективы в распоряжения властей. Так, для группы крестьян из Иркутска было определено место поселения у впадения р. Колыванки в р. Доктевку. До 1752 года во всех документах там значилась д. Усть-Колыванская, и только в этом году власти установили, что на самом деле крестьяне поселились ниже по Доктевке и осповали д. Большую Курью².

Таким образом, даже в 1747—1752 годах при заселении верхнего Приобья проявлялась крестьянская инициатива.

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 23, лт. 1—3.

² Там же, д. 43, лт. 770, 773, 774 и д. 152, лт. 16—35.

ГЛАВА V ВНЕШНИЙ ПРИТОК КРЕСТЬЯНСТВА НА АГТАЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Во второй половине XVIII века продолжался приток крестьянства на территорию верхнего Приобья. Следует различать два вида миграции: приток из мест, расположенных за пределами Алтайского горного округа, и переселение крестьянства из других заводских ведомств округа. Для прибывших из-за пределов горного округа поселение на Агтае чаще всего было сопряжено с припиской к заводам. Во втором же случае крестьяне лишь меняли местожительство, а в их социальном положении никаких изменений не происходило.

Приток крестьянства на территорию верхнего Приобья из мест, не входивших в заводское ведомство, после 1752 года до конца XVIII века не носил массового характера. Оно и понятно: резервы для насильственного заселения были исчерпаны, а добровольное переселение, во-первых, ограничивалось перспективной припиской к заводам, во-вторых, и это главное, ограниченными возможностями крестьянского передвижения в условиях феодализма с его неперемным прикреплением крестьян к земле. Даже государственный крестьянин не имел права без разрешения властей и соответствующих документов изменить свое местожительство. Самовольный уход, бегство по мере укрепления царской администрации на местах становилось все сложнее. Однако внешняя миграция на Агтай, хотя и в меньших, чем раньше, масштабах, продолжалась.

Уже в первые годы деятельности Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства было выявлено,

что среди приписных крестьян живет немало людей, са- мовольно переселившихся из разных мест России и не приписанных к заводам. 24 июля 1759 года Сенат издал указ о дополнителной приписке к алтайским заводам в Томском и Кузнецком уездах 12823 душ мужского пола или сколько их при проверке действительно окажется. Сибирская губернская канцелярия произвела проверку нагичия населения в деревнях, подлежащих новой при- писке. Установили, что приписать следует не 12823 души, а 14978 душ мужского пола¹.

Заводская администрация не удовлетворилась этими данными и приказала в августе 1760 года судным и зем- ским избам вновь приписываемых к заводам «разночн- цев и крестьян с их женами и детьми, сколько оных в наличии имеется... описать и сочинить именные списки с летами». Такие списки были составлены и на их основа- нии произведена приписка к заводам².

В 1760 году к алтайским заводам было приписано:

в ведомстве Бердского острога	—	112	душ.	муж.	пола
» Чаусского острога	—	4714	»	»	»
» г. Томска	—	4627	»	»	»
» Сосновского острога	—	4159	»	»	»
» г. Кузнецка	—	3572	»	»	»
» Белоярской слободы	—	—	»	»	»
» Малышевской слободы	—	—	»	»	»
» Бийской крепости	—	508	»	»	»
в Красноярском уезде к Ирбинскому заводу	—	170	»	»	»

Кроме того, к алтайским заводам были приписаны 2463 души мужского пола приливых и добровольных пе- реселенцев, о поселении которых рассказано в предыду- щей главе. В это же число вошло некоторое количество самовольных переселенцев.

Самовольных переселенцев указом от 24 июля 1759 года предписывалось отдавать немедленно в полное ведомство Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальст- ва. Хотя к горному начальству часто поступали требова- ния вернуть их на прежнее местожительство, заинтере-

сованная в заселении края заводская администрация весьма редко шла на выдачу беглецов.

После третьей ревизии (1763 г.) внешний приток на- селения на территорию верхнего Приобья из-за пределов горного округа был незначительным. Горное начальство стремилось учитывать и регулировать этот приток.

Большая часть переселенцев прибывала на Алтай с «покормежными» билетами, то есть с документами, да- вавшими право отправляться на заработки на длитель- ный срок в отдаленные места, задерживалась дольше по- ложенного срока, выбирала места для поселения. Затем такие поселенцы обращались с просьбами о поселении на заводских землях. Отпуск с покормежной был доволь- но распространенным явлением. Делать это приходилось крестьянам, попавшим по той или иной причине в край- нюю нужду.

Из мест, куда направлялись покормежники, террито- рия ведомства алтайских горных заводов особенно при- влекала: плодородие земли, возможность вольного най- ма на заводы и рудники. Однако надежды на заработки, как правило, не оправдывались. Часто не было средств даже на обратную дорогу.

Крестьяне-покормежники хорошо понимали, что поду- чить разрешение поселиться на алтайских землях можно лишь при условии приписки к заводам, и поэтому, как правило, подавая просьбу, сразу же заявляли о своем согласии выполнить все обязанности, установленные для приписных. Так, в 1777 году нарымский крестьянин Сте- пан Костырев, прося о поселении в д. Язовой, писал: «...и желание имюю для платежа подушных и оброчных денег и отправления заводских работ и протчего к деш- ним заводам¹. В 1774 году тарский крестьянин Степан Пешков просится на поселение в ведомство Малышев- ской слободы в д. Каргаполову и брат на себя обяза- тельство «подушный оклад платить или за оный завод- скими и горными работами зарабатывать» наряду с за- водскими крестьянами².

Необходимость приписки к заводам, по мнению кре- стьян, компенсировалась хорошими естественными усло- виями для сельскохозяйственного производства, лучшеми, чем на прежних местах жительства. В 1787 году перм-

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 285, лл. 1—2.

² Там же, л. 74, лл. 254—317, 319—327, 329—333, 338—534, 536—581, 603—656.

сованная в заселении края заводская администрация весьма редко шла на выдачу беглецов.

После третьей ревизии (1763 г.) внешний приток на- селения на территорию верхнего Приобья из-за пределов горного округа был незначительным. Горное начальство стремилось учитывать и регулировать этот приток.

Большая часть переселенцев прибывала на Алтай с «покормежными» билетами, то есть с документами, да- вавшими право отправляться на заработки на длитель- ный срок в отдаленные места, задерживалась дольше по- ложенного срока, выбирала места для поселения. Затем такие поселенцы обращались с просьбами о поселении на заводских землях. Отпуск с покормежной был доволь- но распространенным явлением. Делать это приходилось крестьянам, попавшим по той или иной причине в край- нюю нужду.

Из мест, куда направлялись покормежники, террито- рия ведомства алтайских горных заводов особенно при- влекала: плодородие земли, возможность вольного най- ма на заводы и рудники. Однако надежды на заработки, как правило, не оправдывались. Часто не было средств даже на обратную дорогу.

Крестьяне-покормежники хорошо понимали, что поду- чить разрешение поселиться на алтайских землях можно лишь при условии приписки к заводам, и поэтому, как правило, подавая просьбу, сразу же заявляли о своем согласии выполнить все обязанности, установленные для приписных. Так, в 1777 году нарымский крестьянин Сте- пан Костырев, прося о поселении в д. Язовой, писал: «...и желание имюю для платежа подушных и оброчных денег и отправления заводских работ и протчего к деш- ним заводам¹. В 1774 году тарский крестьянин Степан Пешков просится на поселение в ведомство Малышев- ской слободы в д. Каргаполову и брат на себя обяза- тельство «подушный оклад платить или за оный завод- скими и горными работами зарабатывать» наряду с за- водскими крестьянами².

Необходимость приписки к заводам, по мнению кре- стьян, компенсировалась хорошими естественными усло- виями для сельскохозяйственного производства, лучшеми, чем на прежних местах жительства. В 1787 году перм-

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 614, л. 288.

² Там же, л. 763, л. 10.

ский крестьянин Самойло Златкин, прося о приписке в д. Чистоньке Шадринской слободы, писал: «...усмотрел я в означенной деревне к хлебопашеству и скотоводству пашенных земель и сенных покосов весьма против прежнего моего жительства достигающее, почему и возымел желание поселиться»¹

Поселяя покормежников, заводская администрация стремилась закрепить их на новых местах, применяя для этого систему поручательства. Например, в 1778 году в указе Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства о приеме в заводское ведомство тарского государственного крестьянина Назара Свидерского было записано: «...его Свидерского препоручить тамошним жителям, чтоб никуда не убежал и жил постоянно, а ежели убежит, то за него поручателям подушные деньги платить и за оные работы исправлять безоговорочно»².

Почти все известные по документам ГААК поселенные при заводах покормежники были до этого государственными крестьянами. Люди других категорий встречались крайне редко. Среди них — жители городов: разночинцы, посадские. Они, как правило, поселились на жительство в самом Барнауле.

1 мая 1779 года был издан указ об учреждении Колыванской области; Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства была закрыта. Ее хозяйственные функции перешли к Колыванской горной экспедиции, а судебные и административные — к судебному департаменту и уездным учреждениям: нижним земским судам и расправам³. В связи с этим вопросы крестьянских переселений перешли в ведение местных государственных учреждений. Переселенцев из других губерний России приписывать к заводам было запрещено. Пока шло формирование нового областного управления, продолжавшая функционировать Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства вообще отказывалась решать просьбы о переселениях. Только в 1782 году, во время четвертой ревизии, эти прошения были рассмотрены. Покормежники и другие переселенцы, не приписанные к заводам, были зачислены в категорию государственных крестьян.

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 728, л. 80.

² Там же, д. 614, л. 391.

³ Полное собрание законов Российской империи. 1830, т. 20, № 14868.

Количество их из-за неполноты ревизских данных 1782 года на время четвертой ревизии удаётся восстановить по более поздним материалам. Оказывается, что в 1782 году в Вийском уезде, который занимал тогда большую часть нынешнего Алтайского края, было записано 110 государственных крестьян. Кроме этого, 42 души мужского пола государственных крестьян было учтено в Барнауле. Сначала они числились по Нижнебарнаульской слободе как крестьяне, но позднее почти все перевелись в мещане и купечество¹.

В Вийском уезде числилась также целая Ново-Енисейская слобода (позднее Смоленская волость) неприписного земледельческого населения, но о них будет речь в отдельной главе.

После 4-й ревизии поселение покормежников на территории верхнего Приобья продолжалось, но сопровождая его процедура стала много сложнее.

Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства, объединяя в своих руках руководство заводами и административную власть, раньше решала эти вопросы, сообщаясь часто лишь с нужными кабинетского хозяйства, и не всегда обращалась в те местные государственные организации, из ведомства которых прибывали покормежники. В 80—90-е годы каждая просьба о переселении стала обрастать массой бумаг: запросов, справок, ответов. Решение вопроса часто затягивалось на долгое время. Например, в августе 1791 года с просьбой о поселении в д. Боровиковой Шадринской слободы обратился государственный крестьянин Трофим Ширьев, прибывший с покормежной из Вологодского наместничества. Только в феврале 1796 года колыванские власти решились закрепить Ширьева в своем ведомстве².

Следует иметь в виду, что причиной этого не была какая-то особая неповоротливость колыванской администрации по сравнению с Канцелярией горного начальства. Прибывших на территорию горного округа извне не разрешалось превращать в приписных, и в этом все дело. Местное начальство очень неохотно шло на увеличение числа государственных крестьян среди приписных. Государственные крестьяне подвергались значительно меньшей эксплуатации, и это не могло не побуждать припис-

¹ ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, лл. 56—70.

² Там же, д. 728, лл. 311—317.

ных к борьбе против эксплуатации их заводскими властями.

Не случайно поэтому в период между 4 и 5-й ревизиями (1782—1795 гг.) поселение на территории горного округа крестьян, прибывших извне, было весьма ограниченным. В Бийском уезде за это время поселилось всего 3 государственных крестьянина, да и то из ближайших Крутобереговской и Усть-Каменогорской слобод. На территорию Колыванской слободы прибыло всего 6 переписных: 5 добровольных переселенцев из европейской части России и один ссыльный.

Иная обстановка складывалась в западной части Верхнего Приобья, где были значительные резервы неосвоенной территории. Местная администрация, заинтересованная в заселении земель по рекам Бурге, Карасуку, Чулыму, не препятствовала поселению здесь государственных крестьян. В ведомстве Бурлинской слободы к 1795 году их насчитывалось 111 душ мужского пола¹.

В другие верхнеобские слободы Колыванского уезда с 1782 по 1795 год прибыло государственных крестьян: в Малышевскую слободу — 24 души мужского пола, в Кудлинскую — 55, в Чингисскую — 33, в Орудинскую (сели учивывать только ту часть, которая входила ранее в Малышевскую слободу) — 12².

В целом по всей территории верхнего Приобья внешний приток населения из-за пределов горного округа становился все меньшим. В отличие от этого переселение приписных крестьян на территорию верхнего Приобья из других заводских ведомств длительное время было довольно значительным.

С массовым сдвигом населения на юг Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства столкнулась с самого начала своей деятельности. В июле 1748 года был составлен список бердских крестьян, и при этом оказалось, что значительная часть их фактически жила в то время в различных деревнях Малышевского, Белоярского и Бийского ведомств³. Подобная же картина была и в Чаусском остроге.

Несоответствие между ведомственной принадлежностью крестьянина и фактическим местожительством

оказалось обременительным для крестьян и неудобным для заводских властей. Например, чаусский крестьянин, живший в пределах Малышевской слободы, вынужден был нести мирские повинности по Чаусскому острогу и отсюда же получать назначения на заводские работы. В Чаусском остроге должен был решать этот крестьянин и все другие вопросы, входившие в компетенцию земских и судных изв. С другой стороны, местные власти Чаусского острога испытывали большие затруднения в использовании крестьян на заводских работах, в принуждении их к выполнению мирских повинностей. Переселившиеся в другие ведомства крестьянами управлять было трудно. В то же время в том ведомстве, куда переселился крестьянин, возникала путаница. В одной и той же деревне оказывались крестьяне, подчиненные и не подчиненные местным властям.

На новом месте переселенец был чуждым элементом и жил под постоянной угрозой выселения на прежнее местожительство.

Для феодализма характерно прикрепление крестьянина к земле. В ведомстве Колывано-Воскресенского горного начальства это прикрепление оформлялось записью крестьянина во время ревизии в определенной деревне и в определенном ведомстве слободы или острога. Обилие свободных земель, подвижность пашни при переломе земли целесообразным прикрепление крестьянина к определенному земельному участку. Вполне достаточным было закрепление земледельца за той или иной административно-территориальной единицей и деревней. Самовольные переселения крестьян нарушали этот феодальный порядок, и власти должны были решать, либо выселять крестьянина на прежнее местожительство, либо юридически закрепить его на новом месте. А так как сдвиг населения на юг, ближе к заводам, был выгоден заводской администрации, то решение вопроса о самовольных переселенцах почти всегда осуществлялось вторым способом.

Нередко инициатива в этом исходила от самих крестьян. Так, в мае 1750 года в Канцелярию горного начальства обратились выборные от бердских и чаусских крестьян Антон Соколов и Трофим Казанцев. Пославшие их крестьяне жили по рекам Оби, Ине, Аную и их притокам в деревнях Тырышкиной, Завьяловой, Шипуновой, Соколовой, Большой Речке, Иконниковой, Савиновой и

¹ ГААК, ф. 1, о. 2, д. 58, л. 442.

² Там же, ф. 169, о. 1, д. 827; л. 776; л. 781; л. 838.

³ Там же, ф. 1, о. 1, д. 19, лл. 86—94.

Инской. Крестьяне сообщали, что поселились они на новых местах немало лет тому назад, а по ревизии числятся по-прежнему в Бердском и Чаусском острогах, на большом расстоянии от их новых жилищ. Крестьяне протели причислить их к тем ведомствам, где они действительно жили¹. По заданию Канцелярии, как уже отмечалось, были составлены росписи бердских и чаусских крестьян, переселившихся в южные ведомства, и на основании этих списков крестьяне были зачислены по новым ведомствам. Оформление этого было поручено Пимену Старцеву. Сохранились сведения, что в 1751 году он отчислил из Бердского острога 222 души мужского пола, из Чаусского — 33².

В 50-х годах XVIII века была также произведена приписка к Малышевскому ведомству крестьян, поселившихся на р. Кулунде. Еще в 1748 году при оформлении приписки к заводам новой большой группы крестьян в соответствии с указом от 1 мая 1747 года П. Старцев установил, что часть бердских и чаусских крестьян живет по р. Кулунде двумя деревнями. Одна из них называлась Черемшанской, а другую долгое время обозначали как деревню на р. Кулунде, и только с 1755 года в документах появляется название этой деревни — Андропова.

В 1755 году власти решили разобрататься с этими деревнями. Была сделана попытка установить время и основание переселения. Малышевская судная изба сообщила, что бердские и чаусские крестьяне «в оныя кулундинские деревни переехали и своими домами поселились без письменных видов», хотя некоторые из них ссылались на разрешение демидовского приказачика Г. Сидорова. Из Бердского острога сообщили, что «вышепоказанные бердские крестьяне на Кулунду переехали в давних годах, а по каким указам и в каких годах, того в Бердской судной избе ничего не сыскано»³. Удалось установить, что одним из основателей д. Черемшанской был бердский крестьянин Евдоким Жарков, а д. Андроновой — крестьянин д. Атамановой Бердского острога Андрон Гудев⁴.

Только после того как на Кулунде побывал начальник заводов Христианин, в июне 1756 года крестьянам бы-

ло разрешено жить на р. Кулунде «невозбранно», только других переселенцев к себе не пускать¹.

В 1757 году был произведен учет крестьян, живших не в своих ведомствах. Результаты оказались следующими: в Белоярской слободе оказалось переселившихся из других ведомств 337 душ мужского пола, годных для заводской работы, да 303 души не годных для работы на заводах и выбывших, за которых крестьяне продолжали выполнять повинности. Больше всего переселенцев было из ведомства Бердского острога — 227 годных и 218 негодных и выбывших. В Малышевской слободе оказалось 246 переселенцев мужского пола (годных, не годных для заводской работы и выбывших). В ведомстве Кольвановоскресенского завода — 25; по Вийскому ведомству — 27. В это число не вошли те крестьяне, которых уже приписали на новых местах до 1757 года².

В 1760 году впервые были приписаны к заводам переселенцы из Кузнецкого уезда, поселившиеся на территории верхнего Приобья. Ими были основаны в Вийском ведомстве деревни Магдан и Большая Угренева, Локтевая, Душленская, Тарабинская и Колонкова. Часть неустроенных переселенцев была найдена в приписанных ранее деревнях. Всего в 1760 году в Вийском ведомстве было приписано 508 душ мужского пола³.

В том же 1760 году население ведомства Малышевской слободы увеличилось за счет приписки к этому ведомству деревень Кызынской, Панкрушининской, Бурлинской, Волчьей и Камня.

Окончательное закрепление всех поселившихся на территории верхнего Приобья крестьян за новыми ведомствами произошло во время третьей ревизии — в 1763 году. После этого о крестьянах уже не писали: «бывший бердский», «бывший чаусский».

После 1763 года приток крестьянства на территорию верхнего Приобья из других заводских ведомств не прекратился. Заводские власти стремились держать в своих руках дела, связанные с переселением крестьян. Часто администрации удавалось решать вопрос до действительного переселения. Однако и после 3-й ревизии было немало фактов серьезного отставания документального

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 209, л. 575.

² Там же, д. 97, лл. 373—377, л. 209, лл. 576—577.

³ Там же, д. 209, лл. 577—578.

⁴ Там же, л. 574.

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 209, лл. 175—180.

² Там же, д. 211, л. 254.

³ Там же, д. 283, лл. 99—113; д. 830, лл. 1—33; ф. 169, о. 1, д. 231.

оформления перемещений от процесса крестьянской миграции. Крестьянская инициатива опережала, и Канцелярии, как и в первые годы деятельности, приходилось разбирать дела о переселении после того, как оно произошло.

Так, в 1770 году большая группа крестьян Томского ведомства «по самопроизвольному их желанию для жития и прозведения хлебопашества» переселилась в ведомства Белоярской, Малышевской и Красноярской слобод. Канцелярия горного начальства ничего не оставалось как объявить о причислении самовольных переселенцев к новым местам¹.

В 1779 году томский крестьянин А. Богтовский самовольно переселился в д. Трубачеву Малышевской слободы. В 1781 году он обратился с прошением о переселении, уже имея на новом месте собственный дом, пашню и 30 голов скота. Переселение разрешили².

Причины самовольных переселений и просьбы о переселении оставались теми же, что и в более ранние годы, и носили преимущественно экономический характер. Крестьяне ссылались на удаленность от заводов и трудности в связи с этим в выполнении заводских работ. Переселились в места, где были свободные земли, удобные для хлебопашества и скотоводства, ближе к заводам и рудникам.

Заводское начальство вообще, как уже отмечалось, положительно относилось к таким просьбам. Сдвиг населения на юг был выгоден администрации. Но тем не менее разрешение на переселение оговаривалось определенными условиями. Для получения права на переселение требовалось:

чтобы новое место находилось ближе к заводам и рудникам и располагалось на водном пути или проезжей дороге;

чтобы там действительно были земли, не занятые другими крестьянами;

чтобы у просителя не было долгов и крестьяне той деревни, откуда он уходил, не возражали против переселения;

чтобы крестьяне тех деревень, куда происходило переселение, или соседних деревень, если избрано «порож-

нее» место, также не возражали против поселения новых жителей;

чтобы селились крестьяне деревнями, а не однодворками.

Конкретных примеров, подтверждающих обязательность этих условий, более чем достаточно.

В 1773 году крестьянин Чаусского ведомства Т. Захаров получил разрешение на переселение в Душкинскую замку ведомства Малышевской слободы, поскольку новое место оказалось ближе к заводам, были в наличии и свободные земли¹.

В указе, разрешавшем в 1773 году переселение томскому крестьянину Д. Сатаматову в д. Прижимову (Касмалинскую), прямо указывалось, что разрешается переселение «я рассуужденне близости к рудникам»².

В 1775 году заводское начальство отказало в переселении томским крестьянам Гречанину и Малютину в ведомство Малышевской слободы: первого не приняли крестьяне д. Нижнесуэвской из-за недостатка свободных земель, второй имел долги в прежнем местожительстве³.

В 1773 году было отказано в переселении в д. Каргапову крестьянам Еремичам, потому что крестьяне этой деревни «них Еремичных в общество не принимают, потому что при этой деревне пашенных земель в близости несколько не имеется и сами через 15 и более верст хлебопашество производят, сенных покосов и скотских выпасков за многолюдством живущих тут весьма мало»⁴.

В ряде случаев Канцелярия горного начальства предлагала решившим переселиться крестьянам другое место, если избранное ими оказывалось неприемлемым. Например, в начале 70-х годов заводские власти усиленно настаивали на поселении на новую дорогу к Канцескому форпосту.

Так, в 1773 году чаусским крестьянам Ведерникову, Егину и Устоженину после отказа в поселении у д. Панкрушихи было предложено: «...а не пожелают ли они поселиться на вневь проложенной отсюда к Канцескому форпосту дороге, а именно на речках Карасуке, Олешинке, Озерной, Кучуке, Опачихе, Батане, Сартагайке,

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 620, л. 78.

² Там же, сл. 541—542.

³ Там же, д. 736, сл. 168—172.

⁴ Там же, д. 620, л. 159.

при озерах Булатовых, Гусинных, Горском»¹. Подчас власти прибегали к прямому принуждению. В 1774 году крестьянин Саратулов самовольно поселился в д. Овечкиной Малышевской слободы. Его за это наказали, и после наказания плетями Саратулов «изъявил желание» вместе с отцом переселиться на р. Чулым. Вскоре они основали д. Чулымскую².

Разрешая крестьянам переселяться на новые места, заводские власти переводили вместе с ними души вы бывших, за которых переселенцы выполняли повинности на старых местах. Так, в 1775 году было разрешено поселиться в д. Высокой Гриве чаусским крестьянам Бурмазовым. С ними была перечислена и душа умершего крестьянина Третьякова³.

В 1775 году Чаусская земская изба сообщила, что в ее ведомстве оказалось много выбывших душ, за некоторых из них повинности должны были выполнять крестьяне, выехавшие в другие ведомства. По указу Канцелярии от Чаусского острога были отчислены и присланы к Малышевскому ведомству 37 умерших и взяты в рекруты. Поселившиеся в ведомстве Малышевской слободы бывшие чаусские крестьяне должны были нести за них повинности до новой переписи.

Стремясь закрепить переселенцев на новых местах, власти использовали удобную для них систему поручательства. Новоселы либо сами находили среди старожилов согласных поручиться за них, либо поручатели назначались начальством. В случае бегства или самовольного отъезда новосела поручатели несли за них повинности. Иногда разрешали селиться без поручательства, но для этого переселенец должен был доказать свою надежность. Если он быстро обзаводился двором и пашней, то тем самым снимал с себя подозрение в намерении бежать. В 1772 году в ведомстве Малышевской слободы было выявлено 133 души мужского пола новоселов, поселившихся в 1767—1772 годах и не имевших поручательства. Только после того как проверкой было установлено наличие у крестьян пашен и дворов, Канцелярия разре-

шила Малышевской земской избе с этих новоселов поручателей не требовать¹.

Как правило, Канцелярия охотнее разрешала переселение сравнительно зажиточным крестьянам. Ближе к заводам власти хотели иметь таких крестьян, которые могли выполнять заводские работы на своих лошадях и обеспечивать заводы и рудники провиантом.

Были однако и обратные случаи, когда при организации насильственного переселения отбирались немощные и малолетущие крестьяне. В октябре 1771 года Канцелярия горного начальства дала указание Чаусской земской избе учесть всех «шетающихся и немощных домов и хлебопашества для переселения их в близости от заводов».

В синске, составленном Чаусской земской избой, значилось 145 душ. Среди них Макары Большаков и его дети, о которых сообщалось: «...все они не имеют дому и хлебопашества своего, а шетаются у разных крестьян по сракам»; Наум Достовагов — «хотя ветхий дом имеют, но только беспашотные и хлебопашеству незначительные, а шетаются по сракам», то есть нанимаются на работу на определенные сроки. Из этих крестьян Канцелярия решила годных к заводской работе взять в рекруты вместо сыновей из состоятельных семей, а остальных с семьями поселить у р. Агья между деревнями Ново-Алейской и Склячихинской, назвав эту деревню Алейской. Не все назначенные сюда действительно переселились. Некоторым удалось доказать свою состоятельность, и их оставили на прежних местах жительства. Другие осели по пути в селе Кашино, не имея возможности добраться из-за «изнурения лошадей и крайней скудности». Остатные поселились на назначенном месте в половинном расстойнии между деревнями Ново-Алейской и Склячихинской, основав д. Алейскую, которую, чтобы не путать с другой, сходной по названию, стали вскоре называть Половинной. Ныне это село Половинкино².

Второй важной причиной насильственного переселения приниженных крестьян в верхнее Приобье было строительство Томского железодобывательного завода. 28 февраля 1769 года Кабинет принял решение вместо взятого в казенное ведомство Ирбинского завода, расположенного в

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 620, лт. 219—222.

² Там же, д. 667, лт. 112—120.

³ Там же, д. 736, лт. 206—209. Поскольку ревизская душа считалась наличной до новой ревизии и за нее нужно было платить подати, мервая душа записывалась за переселенцем, «причинамась» на новом месте.

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 620, лт. 65—70.

² Там же, лт. 1—11, 334—336, 263—264; д. 667, л. 165.

бассейне р. Енисей, построить завод на реке Томь-Чу-мыш — около нынешней границы между Алтайским краем и Кемеровской областью. Для обеспечения нового завода рабочей силой было решено перевести рабочих людей и мастеровых с Ирбинского завода, а также приписанных к этому заводу крестьян, которых, согласно данным 3-й ревизии, насчитывалось 198 душ мужского пола. Ирбинской конторе было приказано объявить приписным крестьянам, что «около Томского завода как пащениных земель, так и сениных покосов имеется соудовольствием, и для того не пожелают ли кто перекачать позелиться при том заводе». Вскоре заводское начальство, не считаясь с желанием крестьян, распорядилось всех ирбинских приписных переселить к Томскому заводу на р. Уксунай. Часть крестьян умерла после ревизии, двое взяты в рекруты, поэтому в действительности в д. Уксунайской поселили 161 душу мужского пола с семьями¹.

Насильственное переселение тяжело отразилось на крестьянах. На старых местах у некоторых остались не только дома, но и хозяйство. «А в нынешней деревне, — писали крестьяне в 1782 году, — хотя мы сколько не прилагали старания, но скотоводство развести не можем, ибо почти ежегодно оным бывает падеж, да и хлеба шество производить негде, потому что деревня поселена при чернолесье, и сениные покосы в дальнем расстоянии, да и то единственно по дубравам, почему мы ныне и приходим в крайний недостаток и разорение»². Некоторым просились обратно на Енисей, но в этом было отказано. Ирбинский завод уже продали частному лицу, земли вокруг него не входили больше в кабинетские владения.

В период между 3 и 4-й ревизиями (1763—1782 гг.) на территорию верхнего Приобья из других заводских ведомств переселились 1937 душ мужского пола, в том числе в ведомство Малышевской слободы — 879, Белоярской — 771, Красноярской — 211, Вийской — 76. В Малышевское ведомство больше всего переселилось крестьян из ведомства Чаусского острога (в том числе из деревень Каинского форпоста) — 561 душа мужского пола. В ведомство Белоярской слободы главным образом прибыли крестьяне, подчиненные Кузнецкой земской

конторе (279), Ирбинскому заводу и Сосновскому острогу¹.

В 80—90-е годы XVIII века приток крестьянства на территорию верхнего Приобья резко сократился. Об этом наглядно свидетельствуют материалы пятой ревизии (1795 г.). С 1782 по 1795 год в Вийский уезд, занимавший большую часть верхнего Приобья, переселились из других заводских ведомств всего 38 душ мужского пола, в том числе из Кузнецкого уезда 34. Из этих 34 крестьян 24 осели в Уксунайской слободе, то есть в непосредственной близости к Кузнецкому уезду².

Подобная же картина была в верхнеобских слободах Колыванского уезда. В Малышевскую слободу, например, за эти годы переселилось всего 3 томских крестьянина³. В Кузнецкую слободу переселилось также только 3 крестьянина из того же Томского уезда, в Чингисскую — 14 человек из Кайлинской слободы, но это было переселение в пределах Колыванского уезда. На юге верхнего Приобья, в Колыванской слободе, поселилось всего 3 крестьянина из Кузнецкого уезда⁴.

Миграция крестьянства на территорию верхнего Приобья из других заводских ведомств сыграла огромную роль в заселении этого края. Используя и во многих случаях поощряя эти переселения, заводская администрация получила значительное увеличение населения именно в той части подведомственной территории, заселение которой было особенно нужно для заводского производства.

¹ ГААК, ф. 169, о. 1, дд. 181, 182, 192, 220, 221, 188, 227, 231.

² Там же, д. 822, дл. 56—70.

³ Там же, д. 827, все.

⁴ Там же, дд. 776, 781, 847.

ГЛАВА VI ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА НА АЛТАЕ

Внешний приток населения при освоении новых территорий играет главную роль лишь в начальный период колонизации и приобретает незначительное значение в годы массового дополнительного заселения, подсобного крестьянского переселенческого движения в Сибирь во время столыпинской реакции. Все остальное время основная работа по освоению территории выполняется путем внутренней миграции. Население, увеличиваясь отчасти благодаря внешнему притоку, а главным образом за счет естественного прироста, постепенно растекается по новой территории, проникает во все ее уголки, создает новые деревни, заводит новые пашни. На смену отдельным населенным очагам приходят заселенные территории. Процесс внутренней миграции становится особенно сильным после закрепления новой области в составе России и исчезновения непосредственной опасности внешних вторжений.

Начало внутренней миграции крестьянства на Верхней Оби восходит к раннему этапу колонизации этой территории. Первые поселенцы не оставались длительное время на одном месте, искали лучшие промысловые уголья, более удобные места жительства. Промысловые избытки забрасывались, заводились другие. Первые маленкие деревни подчас исчезали полностью. Так, еще до 1747 года были заброшены на Чарыше деревни Вяткина, Быкова, а несколько позднее — Обухова, Кириллова и Усть-Комариха.

Со временем, особенно после 1747 года, ослабление, а затем и исчезновение опасности нападения кочевников позволило крестьянам изменить принцип выбора мест

для деревень. Раньше деревни жаллись к крепостям и острогам, укрывались за водными рубежами. В новых условиях выявилась возможность широкого освоения территории, выбора мест не из соображений безопасности, а по экономической выгодности. Новые условия позволили ликвидировать относительно переселенность первых очагов земледелия. Резко сократилось население Белоярской слободы, да и сама слобода от крепости была перенесена на другое место. На протяжении XVIII века продолжали в результате внутренней миграции исчезать целые деревни. Так, между 3-й и 4-й ревизиями в ведомстве Белоярской слободы исчезли деревни Черемная на перевозе, Огурцова, Климова, Рындина, Боровлянская.

Причины внутренней миграции сходны с причинами переселения крестьян из других заводских ведомств. Они преимущественно экономического порядка: недостаток, низкое качество или удаленность от деревни пахотных земель, покосов и угодий, удаленность от заводов, дорог, подверженность прежнего местожительства стихийным бедствиям. Среди всех этих причин главными были связанные с хлебопашеством — основным занятием крестьянства. Система земледелия того времени на территории верхнего Приобья была довольно примитивной. Севооборот не применяется, удобрения, как правило, не вносились. Распахав целину, крестьянин несколько лет севал на ней, а с убылью плодородия пашни забрасывал ее и запахивал новую. Со временем приходилось пахать все дальше и дальше от деревни, а это уже было сопряжено с определенными трудностями. Чтобы не терять времени и сил на переезды, не оставлять надолго пашню без присмотра, крестьянин заводил замку и, если место было удачным, окончательно поселялся там. На месте замки вырастала новая деревня.

В районах раннего заселения, где деревень было больше, заведение новых пашен иногда затрапывало интересы крестьян соседних деревень. В таких случаях начинались поиски более отдаленных мест. В результате в хозяйственный оборот вводились новые районы верхнего Приобья, в которые подчас первые поселенцы даже не заглядывали.

¹ ГААК, ф. 169, о. 1, д. 181, лл. 319—320, д. 221, лл. 909, 911, 925, 952—954.

В фондах ГААК сохранилось множество документов, раскрывающих причины крестьянских переселений. Например, в 1764 году крестьяне д. Зудиловой ведомства Белоярской слободы Игнатий Годунов, Ларин Веснин и др. сообщили, что в Зудиловой они живут уже 40 лет, «где пашенные земли олахались и скотские вылушки обросли лесом, к тому же оное место к житию нездоровое, почти каждогодно от ветроносной болезни скот валитца, а паце от множества травя омега объедается и пропадает, отчего уже пришли в крайнее разорение и убожество». Крестьяне просили разрешения переселиться на приисканное место вверх по р. Черемшанке¹. Переселение было разрешено, и на р. Малой Черемшанке возникла новая деревня — Годубцова. Из Зудиловой переселилось в нее 26 душ мужского пола, не считая женщин².

Крестьяне деревни Пешаной Бийского ведомства из-за недостатка сенокосных угодий вынуждены были косить сено за 80 верст по р. Чарышу, в 30 верстах по р. Камышенке, в 40 — у р. Буланихи. В зимнее время из-за бурянов приходилось провозить в рейсах за сеном по нескольку дней. Поэтому крестьяне нашли место для жительства на р. Буланихе около сенокосов и просили разрешения о поселении там. Разрешение было получено, и в новую д. Буланиху переселилась в 1772 году большая группа печанских крестьян³.

В ряде случаев крестьяне ставили вопрос о переселении всей деревней. Так, в 1767 году жители д. Шадриной обратились за разрешением перенести свою деревню, страдавшую из-за весенних разливов Оби (водой заливалось амбары, дворы и другие постройки, выезжать из деревни весной и в большую прибыльную воду приходилось на лодках), на версту от старого места на р. Шадрину. Просьба была удовлетворена. При этом тем крестьянам, которые не вытолняли заводских работ, разрешалось переселиться весной 1768 года после уплаты подушного оклада деньгами⁴. Перенесение деревни несколько задержалось. П. С. Паллас, побывавший в ней в 1770 году, писал: «Деревня Шадрина лежит на рукаве реки Оби на изменности, но сказывают, что она в будущем переве-

дена теперь на высокое место»¹. Вскоре переселение действительно было завершено.

В 1763 году возник вопрос о перенесении на новое место д. Колыванской. После потери Колывано-Вокренским заводом его бывшего центрального значения расположение этой деревни на восточной стороне Колыванского озера утратило всякий смысл. Большая дорога от Барнаульского завода к Эменогорскому руднику проходила по западной стороне озера. Поэтому крестьяне просили разрешения перенести деревню на дорогу к зимовью Саввы Фарафонова, на что и получили согласие от генерал-майора Порошина². П. С. Паллас писал по этому поводу: «Деревня Колыванская была построена на лежащем в двух верстах выше в северную сторону озера того же имени, но при проложении дороги сюда деревня несена³. Долгое время в соответствии с приказом Порошина деревня называлась Колыванской. Однако не забывалось и имя Саввы Фарафонова, к зимовью которого переместилась деревня. На картах XIX века уже обозначалась деревня Савушка или Савушка. Сего Савушка существует и ныне.

Были случаи переселения из-за конфликта с властями военной линии. В 1748 году крестьяне д. Кабановой обратились за разрешением переселиться к реке Адею, «где имеется как хлебопахотных земель, так и сенных покосов довольно». Канцелярия приказала им жить на старом месте. Однако из этого ничего не получилось. В деревне Кабановой была расположена воинская часть, и земли просителей — крестьян Шумилова, Кузьмина, Кабакова, Отанина и Лукьянова — оказались засеянными «казенным хлебом», а покосы выкосили «для драгунских и служивенных лошадей». Поэтому крестьяне самовольно переселились в д. Кособокову на Чарыше. В 1749 году их вернули в Кабанову, но к тому времени дома разорили солдаты, пашни засеяли, покосы выкосили. Только после долгих мятарств кабановские крестьяне получили в октябре 1749 года разрешение жить в д. Кособоковой⁵.

¹ Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 2, кн. 3, СПб., 1786, стр. 334.

² ГААК, ф. 1, о. 1, д. 371, л. 156.

³ Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 2, кн. 3, СПб., 1786, стр. 362.

⁴ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 71, л. 363.

⁵ Там же, лт. 364—366.

Другой факт переселения по этой же причине отпосылся к д. Иконниковой. Эта деревня была обозначена на картах 1745, 1748, 1750 годов. В 1751 году ее жители подали прошение о переселении, так как рядом была построена Кагунская крепость, около нее заводились казенные пашни, и крестьяне оказались стесненными в пахотных и сенокосных угодьях. Получив разрешение, крестьяне переселились в д. Печчануо, полностью забросив старую¹. Только после того как были ликвидированы казенные пашни, д. Иконникова была возрождена на том же месте. Это произошло в 1764 году².

Перемещение крестьян в сторону заводов не увеличивало общего количества жителей на территории, в густом заселении которой заводские владения были особо заинтересованы. Поэтому в документах XVIII века мы не находим значительных фактов поощрения внутренней миграции. Напротив, довольно часто встречаются факты запрещения переселений.

На территории верхнего Приобья местная администрация охотнее разрешала внутриведомственное переселение. Оно и понятно. Переселяясь в другие слободские ведомства, крестьянин менял и ведомственную подчиненность. Администрации приходилось оформлять причисление крестьянина по новой слободе, вносить коррективы в раскладные книги, основанные на ревизских данных. Внутриведомственные переселения не вызывали таких трудностей. Крестьяне по-прежнему оставались под наблюдением и в подчинении тех же земских и судебных изб. Важность этого подчеркивалась, в частности, в донесении Белогорской судной избы от 7 апреля 1755 года. Поддерживая просьбу о переселении нескольких крестьян из деревень Казанцевой и Кашкарагайской, белогорский староста К. Загесов и выборный Ф. Заковьяшин писали: «...они же просятя не в другое какое чужое место, но того же ведомства Белогорской слободы, також и на яму во оной слободе состоять желают»³.

Для разрешения переселений в пределах верхнего Приобья условия были те же, что и при переселении из-за пределов его. Однако нередко точки зрения крестьян и администрации не совпадали. Для крестьян решающими

ми были хозяйственные причины, для властей — удобность эксплуатации приписных. Так, в 1773 году Канцелярия отказала крестьянину д. Бобровской Белогорского ведомства Ивану Лубягину в переселении на реку Боровлянку под тем предлогом, что избранное место дальше от завода, чем д. Бобровская. Когда же позднее Лубягин нашел другое место у озера Козьмина в ведомстве Красноярской слободы, которое было ближе к рудникам, то получил разрешение на переселение и основал д. Лубягину, известную более под названием д. у Козьмина озера¹.

В 1772 году Канцелярия отказала в переселении на р. Бурулу крестьянам д. Крутихинской, потому что «из всего видно стараются они выехать ни для чего иного, как удалиться от Оби реки на пустое место»². Приписные крестьяне обязаны были обеспечивать всю перевозку заводских грузов. К гужевой повинности у тех, кто жил у р. Оби, добавлялась обязанность перевозок водным путем. В стремлении уйти от этой повинности и были обвинены крутихинские крестьяне.

В 1760 году горное начальство обвинило крестьян д. Прослаушенской в том, что они переселились в бассейн Кулунды умышленно и «ту просьбу чинили и переехали в сторону от большой дороги и от реки Оби, чтобы им отбыть от подводной гоньбы и от своду водою судов»³.

Как известно, далеко не всегда, переселяясь на новое место, крестьяне спрашивали согласие властей. Некоторые из них подавали просьбы о переселении, фактически уже состоявшемся, других администрации сама находила на новых местах. Последнее обычно происходило во время ревизий. Так, в 4-ю ревизию в д. Ново-Озерки Белогорской слободы было найдено 11 крестьян, переехавших сямовольно из деревень Кунгуровой, Дранилниковой, Кислухи; в д. Речкуновской — несколько самовольных переселенцев из деревень Шишкиной и Зайцевой⁴. Без разрешения властей были основаны, например, деревни Верх-Камышенка, Чулпина, Ново-Крайникова, Пурьсева и другие⁵.

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 620, л. 522.

² Там же, д. 440, л. 136.

³ Там же, д. 262, л. 413.

⁴ ГААК, ф. 169, о. 1, д. 181.

⁵ Там же, д. 777, л. 227; д. 192, л. 595; д. 188, л. 1519; д. 805, л. 160.

Заводская администрация стремилась пресечь самовольные переселения, особенно если это касалось деревень, расположенных близко от заводов и рудников. В 1764 году генерал-майор Порошин отмечал как крайне неприятельное частое перемещение пришлых, поселенных в 1748—1752 годах. Он писал: «...Усмотрено, что вновь поселяющие крестьяне в своих домовых обязательствах слабого и непостоянного мнения, ибо через два или три года переселяются из места в место, и тем как обязательства домов своих, так и в прочем к земледеланию надобности никогда исправиться и в настоящий крестьянский порядок прийти не могут. К тому же хлебопахотные земли выбирают в отдаленных местах, будто бы в близости годного нет. Сей поступок — только застарелое и никуда годное, чем изыскивают себе случая за иными промыслами упрямжиться, яко то в звериную охоту, винокуренное и прочих заповедных дел, а то не раскуждают, что они за такового иногда долготю отлучкою от своих домов все обязательство тратят»¹.

Выход Порошин видел в безусловном запрещении переездов и в улучшении системы земледелия. Он советовал внедрять удобренней земли, как это делалось в других странах и в европейской части России. На Алтае, где население было редкое, а удобных для пахоты земель в изобилии, практического значения эти советы не имели. Исходя из насущных потребностей, крестьяне все-таки переселялись с разрешением или без такового.

В 1752 году крестьянин д. Кучучкой Петр Куликов с братьями основали в 30 верстах от своей деревни на р. Кулунде заньку, построили избу, овин, два амбара, завезли посевы. Только через пять лет П. Куликов обратился за разрешением о переселении. Канцелярия горного начальства запретила, а Малышевской судной изобило приказано: «Нежели кто самовольно там поселился, у тех доматы их дома и жить тут не давать, и оных людей для учинения с ними за ту их самовольность по указу присылать под караулом в здешнюю Канцелярию»². Только после долгих мятарств Куликов добился переселения на заньку. На Кулунде стала расти новая деревня — Куликова³.

В 1760 году Канцелярия горного начальства приказала наказать крестьянина Е. Остальца за самовольное переселение из д. Кротовой в д. Мерещику, «в той деревне Мерещикой Остальца двор со всеми строениями разломать и изрубя сечь, а потом одного Остальца жену, ево семейство, сколько имеется, со скотом и пожитки перевезть на прежнее ево жилище в деревню Кротову». Малышевская судная изба это приказание вытолкнула!

Во всех подобных случаях заводская администрация приказывала наказывать самовольных переселенцев по-разному, «чтобы им и другим, на то смотри, впредь того чинить было неповально». Однако крестьяне, «на то смотря», все-таки самовольно переезжали. Переселились и те, кто уже был наказан за самовольное переселение. Например, в 1768 году крестьянин д. Грамотиной Игнатий Карпов переехал в деревню Белову и построил там дом. В 1769 году он был выведен обратно и наказан. Вскоре Карпов снова переехал в Белову, вновь построился и завел пашню. Малышевская земская изба, обследовав хозяйство Карпова, пришла к выводу о нецелесообразности его выселения. Только после этого Канцелярия горного начальства решила оставить Карпова в Беловой, «якобы хлебопашество производит довольно, однако к доказательству, что он действительно пахотный крестьянин, а не шатун, велеть ему какдогодно за себя с семейством поставлять разного хлеба»².

Таким образом, внутренние миграции на территории верхнего Приобья проходила почти исключительно по инициативе крестьян. Фактов насильственного переселения мало. Одним из них было заведение Шаховского станца. После основания Павловского завода потребовалось на дороге к нему из Барнаульского завода основать станец. Желающих не нашлось. Тогда администрация в 1771 году приказала перевести из Бердского ведомства нескольких крестьян «за негодностью в заводскую службу и по неимению у них хлебопашества». В 1771, 1774, 1777 годах на Шаховской станец были переведены крестьяне из бийских деревень Малой и Большой Угреневой и Усыцкой. Поводы для насильственного переселения нашлись. Так, крестьянин Алексей Фликов был послан на Шаховской станец за самовольный пере-

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 401, л. 230.

² Там же, д. 211, л. 23.

³ Там же, дд. 19—29.

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 235, лл. 256—263.

² Там же, д. 677, л. 204.

езд из д. Бехтемирской в Усыцкую. В 1782 году на Шаховском станце жило 24 души мужского пола и 17 женского¹.

Колычественная сторона внутренней миграции крестьянства на территории верхнего Приобья устанавливается по сохранившимся ревизским материалам, спискам и ряду других документов. Наибольшую сложность представлял период между 2 и 3-й ревизиями (1745—1763 гг.). Пришлось пойти на составление именных списков населения верхнего Приобья по различным источникам и провести поименную сверку жителей всех деревень. Результаты оказались следующими.

За период с 1745 по 1763 год в ведомстве Красноярской слободы в результате внутренней миграции возникли деревни Усть-Журавлиха, Ручьева, Мажанова, Загайнова, Кабакова. Из 66 населенных пунктов, учтенных в этом ведомстве 3-й ревизией, только в 15 не было переселенцев из других деревень того же ведомства. В остальных 51 пунктах оказалось 676 душ мужского пола, переселившихся внутри ведомства. Это более четверти всего населения Красноярской слободы².

В Бийском ведомстве к 1763 году жило 623 души мужского пола, переселившиеся из деревень того же ведомства³.

В ведомстве Малышевской слободы с 1745 по 1763 год из деревни в деревню переехали 1557 душ мужского пола, с ними детей мужского пола насчитывалось 1081 человек. Почти во всех деревнях Малышевской слободы за эти годы увеличение населения за счет внутренней миграции превышало естественный прирост⁴.

В ведомстве Белоярской слободы из 119 населенных пунктов, учтенных 3-й ревизией, поименную проверку удалось провести по 87 деревням. В них в 1763 году жило 956 душ мужского пола, переехавших из населенных пунктов того же ведомства, и 1068 их детей мужского пола⁵.

¹ ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, лл. 1659—1667, д. 231, лл. 58—88.

² Там же, ф. 1, о. дополнит. к. 1, д. 8, все.

³ Там же, д. 28, лл. 352—361, д. 273, лл. 234, 261; ф. 169, о. 1, д. 231. Число переселенцев включает здесь взрослых, учтенных 2-й ревизией, и их сыновей, родившихся до 1763 г.

⁴ Там же, лл. 280—292, д. 273, лл. 81—155; ф. 169, о. 1, лл. 182, 227, 689.

⁵ Там же, лл. 155—261; д. 273, лл. 156—215; ф. 169, о. 1, лл. 181, 188, 221.

Между 3 и 4-й ревизиями (1763—1782 гг.) внутренняя миграция крестьян на территории верхнего Приобья продолжала оставаться весьма значительной. Только в ведомстве Малышевской слободы в 4-ю ревизию учтено 1130 душ мужского пола, переехавших из других деревень того же ведомства, и 973 человека их детей мужского пола. Однако хотя число крестьян, переезжавших внутри своих ведомств, осталось почти таким же большим, как и в предыдущий межревизионный период, удельный вес внутриведомственной миграции снизился. Естественный прирост стал преобладать над ростом за счет переселений.

Наряду с внутриведомственными переселениями шло перемещение крестьян между ведомствами верхнего Приобья. С 1763 по 1782 год из ведомства Белоярской слободы переселилось в Малышевскую — 17, в Бийскую — 18, в Красноярскую — 8 душ мужского пола. Из Малышевской слободы за те же годы выехали в Белоярскую 75, в Красноярскую — 26 душ мужского пола; из Бийской слободы выехали 80 душ мужского пола в Белоярскую и 131 — в Красноярскую. Из Красноярской слободы в Белоярскую — 118, в Малышевскую — 32, в Бийскую — 11 душ мужского пола. Межведомственная миграция была, как видим, значительно меньше внутриведомственной. Оно и понятно. В поисках новых мест для жилья крестьяне при обилии свободных земель не имели необходимости переселяться далеко от прежних мест жительства. К тому же и разрешение на переселение в пределах своего ведомства можно было получить скорее.

За период между 4 и 5-й ревизиями (1782—1795 гг.) в пределах Бийского уезда, который занимал значительную часть верхнего Приобья, перемещение внутри слободских ведомств составило 1150 душ мужского пола. Абсолютная цифра внутрислободских миграций как будто бы по-прежнему оставалась довольно высокой, но в действительности удельный вес этих переселенцев резко снизился. Население верхнего Приобья, в том числе и по Бийскому уезду, выросло. Число крестьян, переселившихся внутри своих слобод, оказалось в 17 с лишним раз меньше общего числа приписных крестьян Бийского уезда¹.

¹ ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, лл. 56—70; лл. 833, 834, 811, 818, 837, 777, 825, 816, 832.

Еще меньшие размеры имела межслободская миграция населения. С 1782 по 1795 год в Вийском уезде она составила всего 125 душ мужского пола. Подобная же картина была в верхнеобских слободах Колыванского и Семипалатинского уездов.

Сокращение внутренней миграции крестьянства к концу XVIII века несомненно. Население стабилизировалось, и главным в каждой деревне стал естественный прирост. Однако в отличие от внешней миграции внутренние переселения на территории верхнего Приобья еще играли определенную роль. За 1782—1795 годы только в Вийском уезде за счет внутренних переселений возникло 39 новых деревень. За это же время переселенцы из других уездов горного округа не основали ни одного населенного пункта. Это еще раз доказывает, что при изучении истории колонизации той или иной территории нельзя ограничиваться только внешней миграцией и не учитывать внутренние переселения крестьян.

ЗАСЕЛЕНИЕ КОЛЫВАНО-КУЗНЕЦКОЙ ВОЕННОЙ ЛИНИИ

ГЛАВА VII

Колывано-Кузнецкая военная линия возникла в ходе борьбы России за присоединение территорий верхнего Приобья и верхнего Прииртышья. В 1718 году была построена Вийская крепость, в 1720 году — Усть-Камеиторская. Позднее они были соединены цепью крепостей и форпостов. Военная линия продолжалась на северо-восток от Вийской крепости до Кузнецка.

С самого начала сооружения укрепленных пунктов в верхнем Приобье возникла необходимость снабжения гарнизонов крепостей продовольствием и фуражом. Первоначально хлеб и другие припасы доставляли издалека: в иртышские крепости — из окрестностей Тобольска и Тюмени, в Вийскую — через Кузнецк. В 30-е годы XVIII века кузнецкие власти переложили обеспечение Вийской крепости на крестьян и разночинцев Бердского острога, Малышевской слободы и Белоярской крепости. Недостаточные размеры прямудлительной поставки в счет оброка вызвали потребность в организации закупки его у крестьянства. По мере роста земледельческого населения верхнего Приобья возможности заготовки провианта на месте возросли. Однако после перехода атайских заводов в собственность императора доставка провианта на военную линию ухудшилась. Горное начальство не только не помогало военному ведомству в провиантском вопросе, но стало прямо запрещать закуп провианта в заводском ведомстве. И дело было не в какой-то междоумственной вражде, а в возросших внутренних потребностях заводов и рудников в сельскохоззяйственной продукции. Поэтому одним из актуальнейших вопросов ста-

новится проблема заселения земельцами самой военной линии.

Первоначально была сделана попытка завести на линии казенную пашню силами линейного казачества. Приказом генерал-майора Киндермана, данным в 1746 году, казенная пашня заводилась на Иртышской и Колывано-Кузнецкой военных линиях. На первой к хлебопашеству было определено 400 казаков, на второй — 200. Каждый казак должен был распахать по три десятины под первой хлеб и рожь. Для этого казак получал земельные участки орудия и две пары волов¹. Вскоре казенные пашни возникли в окрестностях Усть-Каменогорской крепости, а затем и около других пунктов военной линии. Казенная пашня была, в частности, заведена у Кабановой защиты, и это вынудило кабановских приписных крестьян покинуть свою деревню². В 1749 году небольшие участки казенной пашни существовали у Катунской крепости³.

Казенное хлебопашество оказалось нежизнеспособным. Причины этого заключались в экономической нестойкости самой системы казенной пашни. Назначенные к этому делу казаки не освобождались от военной службы, и времени на хлебопашество у них оставалось крайне мало. В рапорте от 17 июня 1747 года один из командиров военной линии доносит: «Казаки в разных многих трудностях, яко-то: в форпостах и станцах, в караулах и в разъездах, а паче у хлебопашества и в добыче соли, и в крепостной работе⁴. Хлеб, полученный на месте с казенных пашен, обходился дорожке привозного, по-этому в 1770 году казенное хлебопашество было отменено⁵.

Экономическая невыгодность и мизерность казенной пашни вызвали необходимость развития на военной линии крестьянского земледелия. Эта задача выдвигается местными властями одновременно с решением о казенном хлебопашестве, которое не могло рассматриваться иначе, как временная мера. Уже в декабре 1745 года

¹ Алексеевко Н. В. Русская колонизация Рудного Алтая в XVIII—XIX веках. Канд. диссертация. Д., 1961, стр. 61.

² ГАК, ф. 1, о. 1, д. 71, лл. 363—366.

³ Там же, ф. 50, о. 18, с. 190, ед. хр. 6322.

⁴ Потанин Г. Н. Материалы для истории Сибири. М., 1867, стр. 24.

⁵ Алексеевко Н. В. Указ. Кандидатская диссертация, стр. 64—65.

А. Безр предлагал около новых крепостей строившейся Колывано-Кузнецкой военной линии поселить крестьян «при каждой по 1000, итого 8000 душ»¹. Практическое осуществление этого дела встречалось с огромными трудностями. Во-первых, русское правительство просто не располагало в Сибири такими резервами земледельцев, во-вторых, вскоре интересы заводской администрации разошлись с интересами военного ведомства. По указу от 1 мая 1747 года всех найденных в Сибири пришлох велено было сеить на землях Колывано-Воскресенских заводов. Поэтому при заселении военной линии пришлось ограничиться вольной колонизацией.

Именно за счет добровольной крестьянской колонизации формировалось на военной линии первое земледельческое население. Подавая о нем сведения в 1777 году, Усть-Каменогорская комендантская канцелярия писала: «А сибирские крестьяне когда сначала сюда заселяться начали, о том за згорением в бывший в 1766 году в июле месяце здесь в крепости Усть-Каменогорской пожар, в коем и вся крепость згорела, и именных дел не известно². Утрата этих документов, конечно, значительно осложняет изучение раннего этапа крестьянской колонизации по военной линии, однако некоторым материалом мы располагаем.

Инициатива заселения линии исходила от крестьян. Уже в 1743 году крестьянин Василий Шигаев обратился с просьбой о поселении близ Усть-Каменогорской крепости. Наличие добровольцев позволило генерал-майору Киндерману поставить вопрос о разрешении и организации крестьянского переселения. 18 апреля 1746 года, а затем 31 марта 1747 года он посылает в Сенат предложения о заселении окрестностей Усть-Каменогорской крепости пожлавшими переселиться туда крестьянами³. После поддержки этого предложения Канцелярией Колывано-Воскресенского горного начальства, вопрос решается положительным. Было организовано переселение добровольцев как на военную линию, так и в заводское ведомство.

В октябре 1748 года сообщалось, что «...крестьяне начали по усмотрению и избранию ими мест довольных к

¹ ГАК, ф. 1, о. 1, д. 6, лл. 137—138.

² Там же, д. 860, лл. 141—142.

³ Там же, д. 17, лл. 25—28.

хлебопашеству земель и сенных покосов на реке Убе от Убинского форпоста вверх по реке Убе версты с четырьмя от Усть-Каменогорской крепости 82 версты, да на реке Иртыше от Уварова станца к крепости верст с пятью урочище на Прапорщикове от крепости 15 верст. И те места по просьбе их отведены им приказанному инженер-капитану Пялутину кондуктором Ешковым, и велено оным селиться по наказанию оног кондуктора линейно, а на первый случай для укрепления приказано обкинуть плотными наделгами и рогатками, которые и строятся». Так возникли на юго-западе военной линии первые деревни — Убинская и Прапорщикова. К октябрю 1748 года в Убинской было 6 готовых из6 и 2 строились; в Прапорщиковой — готовых 7 из6, начало строительства 5².

Вскоре после этого возникли в ведомстве Усть-Каменогорской крепости также деревни добровольных переселенцев: Глубокая на р. Иртыше, Выдринская на р. Убе и Зевакина на Иртыше выше устья Убы. Ко времени 3-й ревизии (1763 г.) в этих пяти деревнях насчитывалось 927 душ обоего пола³.

После третьей ревизии приток добровольных переселенцев продолжался. В 1782 году в Бобровской слободе (бывшем ведомстве Усть-Каменогорской крепости) государственные крестьяне (добровольные переселенцы) жили уже в 11 деревнях. Их насчитывалось 1403 души мужского пола и 1362 женского — всего 2765 душ⁴. За межревизское время значительная часть первых добровольных переселенцев переехала в пределах слободы в другие деревни. Около 500, а если считать с детьми, более 800 душ мужского пола среди государственных крестьян были добровольными переселенцами, прибывшими между 1763—1782 годами. Больше всего прибыло из Ишимского (238), Ялтуторовского дистриктов (62) и Тарского уезда (47).

Второй группой населения Бобровской слободы были так называемые великорусские поселышки. Эта группа сформировалась за счет насильственного поселения крестьян и представителей других сословий, сосланных в Сибирь. Начало этому делу было положено указом от

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 17, лл. 25—28, стр. 130.

² Там же, лл. 130—134.

³ Там же, ф. 169, о. 1, д. 819, лл. 1—55, 145—191, 194—228, 238—294.

⁴ Там же, д. 819, полностью.

13 декабря 1760 года о предоставлении помещикам права селить крестьян в Сибирь в счет рекрутов. Вместе с сызлыными отправлялись в Сибирь их жены и дети. Подобный же порядок ссылки предусматривался для дворянских, монастырских, государственных крестьян и посадских¹. Этот указ подписывал селить сызлыных в пределах Сибирской губернии, Иркутской провинции и в Нерчинском округе. Изданный 6 августа 1762 года сенатский указ относится непосредственно к заселению сызлыными Сибирской военной линии. В нем предписывалось селить сызлыных в местах по направлению к р. Бухтарме, «начиная от оной вниз по Иртышу внутри границы против Семипалатинской, Ямышевской и Омской крепостей». Там же приказывалось: каждой поселяемой семье отводить под посев по 5 десятин и покосов на 50 копен, выдать по 54 пуда семенного хлеба с условием обязательно возврата. Предлагалось также на каждую семью давать по 5 рублей на заведение лошадей, причем давать не деньги, а лошадей, купленных администрацией оптом².

Поселение сызлыных на Колывано-Кузнецкой военной линии было одним из проявлений призыва царизма и помещиков. Большинство сызлыных были участниками классовых, антифеодальных выступлений. Например, поселенный в д. Плоской Матвей Васильев происходил из Тверского уезда д. Киевой, принадлежавшей помещику С. Аксакову. За побег от помещика он был наказан кнутом и послан в зачет рекрут на поселение³. Поселенный в той же деревне Михайла Афанасьев, крепостной крестьянин помещика Тюленева из Арамасского уезда, был «за ослушание помещика своего наказан кнутом и послан в сызлку»⁴.

О сызлнопоселенце Иване Тюленеве в ревизских сказках было записано: «Тобольской губернии, Ялтуторовского дистрикта, Царева городища, деревни Черемуховой крестьянин за бунт в 1760 году об налагаемой в Сибири на крестьян казенной пашни наказан и с сыном Андреем кнутом и послан с семейством в сызлку»⁵.

¹ Полное собрание законов Российской империи. 1830, т. XV, стр. 281—283.

² Там же, т. XVI, стр. 39—42.

³ ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, л. 348.

⁴ Там же, л. 347.

⁵ Там же, л. 389.

Заселение ссыльными Колывано-Кузнецкой военной линии началось в 1762 году, и уже к 1777 году в ведомстве Усть-Каменогорской крепости была 1281 душа мужского пола «великорусских поселщиков», то есть ссыльных¹. Поселялись они большей частью около укрепленных пунктов военной линии. Ссыльнопоселенцы основали деревни Красноярскую, Крутую-Березовскую на р. Иртыше, Красноярскую на р. Убе, Плоскую у устья р. Плоской, притока Агоя, Ново-Алейскую в верховьях р. Агоя и Ульбинскую на р. Ульбе. Кроме того, ссыльные были поселены в старожилычских деревнях Пропоршиковой, Глубокой, Зевакиной и Убинской, а также вместе с «польскими» поселенцами в деревнях Шеманаевской, Екатеринбургской, Старо-Алейской, Верх-Убинской и Семеновской².

Материалы 4-й ревизии (1782 г.) позволяют установить места, откуда были присланы ссыльные, и их социальную принадлежность. Согласно переписи, из 1974 душ мужского пола ссыльных, поселенных в ведомстве слободы, было: государственных крестьян — 189, дворянских — 10, экономических — 121, помещичьих — 1022, заводских и мастеровых — 134, посадских — 224, солдат — 22, ямщиков — 9, колодников — 14, татар и других нерусской национальности — 27, «неизвестных чиннов» — 202.

Как видим, из ссыльных больше всего было помещичьих крестьян (51,8%). Крестьяне других категорий составляли 22,9% от общего числа ссыльных. Таким образом, три четверти ссыльнопоселенцев были из крестьян. Это имело большое значение, поскольку для решения продовольственного вопроса на военной линии нужны были именно земледельцы.

Присланы были ссыльные из разных мест. Среди Ученных 4-й ревизией в Бобровской слободе больше всего было присланных из Московской, Калужской, Симбирской, Ярославской, Казанской, Тульской, Tobольской, Владимирской губерний. Из этих губерний было составлено в Бобровскую слободу более чем по 100 душ мужского пола, причем из Московской губернии больше всего — 203 души. За исключением Tobольской губернии, откуда съезжали государственных и экономических крестьян, из

оставших названных губерний шли помещичьи крестьяне.

Всего в 1782 году в Бобровской слободе было учтено 3097 душ ссыльнопоселенцев, из них 1644 мужского пола и 1452 женского¹. Расхождение с вышеизванным числом 1974 ссыльных мужского пола объясняется убылью их со времени поселения до 1782 года. Из мужчин ссыльных умерло 299, бежало 25, группа ссыльных из д. Ново-Алейской была переведена на реки Чулым, Карасук, Бурду.

Третьей группой населения Бобровской слободы были упоминавшиеся уже «польские» поселенцы, или сибирские «поляки» — потомки тех русских крестьян, которые еще в первой четверти XVIII века и в последующие годы бежали от феодальной эксплуатации и религиозных преследований на территорию Польши. Петр I неоднократно приказывал «по границам на заставах беглецов, кои из России бегут в Польшу, ловить и распрашивать и, бив кнутом, отсылать в те провинции, откогда бежали»².

Русское правительство не раз пыталось вернуть беглецов. Благоприятные условия для этого сложились в 60-х годах XVIII века в связи с усилением влияния русского паризма в Польше. В 1762 году был издан указ, приглашавший беглых добровольно вернуться из Польши и поселиться в России. Среди мест, назначенных для поселения, были земли по рекам Убе, Ульбе, Березовке в ведомстве Усть-Каменогорской крепости³.

Часть беглецов действительно вернулась добровольно, но большинство было насильственно выведено военными командами. Большая группа беглых была отправлена в Сибирь и поселена на военной линии.

Заселение ведомства Усть-Каменогорской крепости «поляками» началось в 1766 году⁴. Они основали деревни Шеманаевскую, Екатеринбургскую, Старо-Алейскую, Верх-Убинскую, Бобровскую и Секисовскую. В 1782 году в Бобровской слободе было учтено 2657 душ, из них мужского пола 1364, женского 1293⁵. Кроме того, часть «польских» поселенцев, по их желанию переведенных к

¹ ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819.

² ПГАДА, ф. 248, Правительствующий Сенат, о. 13, д. 690, л. 619.

³ Полное собрание законов Российской империи. 1830, т. XVI, стр. 129—131.

⁴ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, лт. 141—142.

⁵ Там же, ф. 169, о. 1, д. 819, все.

реке Аную, основала д. Петропавловскую в ведомстве Бийской комендантской канцелярии. Всего переселилось 76 душ мужского пола из д. Старо-Алейской¹.

О заселении восточной части Колывано-Кузнецкой военной линии в ведомстве Бийской комендантской канцелярии сохранилось мало документов. В окрестностях Бийской крепости военные власти и после приписки бийских крестьян к заводам по указу 1 мая 1747 года могли заготовлять провиант у неприписного населения. К заводам были приписаны лишь 258 душ мужского пола, учтенных в этом ведомстве второй ревизией, но кроме них оставались еще кузнецкие крестьяне и разночинцы, переселившиеся к Бийской крепости из Кузнецкого уезда.

Еще в 1748 году Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства по требованию Кузнецкой воеводской канцелярии давала указание о сыске разбегавшихся из Кузнецка плательщиков подушных денег и высылке их в Кузнецк для платежа. Однако в 1751 году Кузнецкая воеводская канцелярия вновь обратилась с просьбой к заводской администрации помочь собрать подати с живших в ее ведомстве кузнецких жителей. Только по ведомству Викатунской крепости их значилось 40 человек (мужского пола)². Кузнецкие разночинцы ухаживали в заводское ведомство савольно или с покормежными бийцами и оседали на новых местах, в том числе и в окрестностях Бийской крепости. В 1760 году полковник де-Таррига писал: «...а между тем находятся и от времени разноможаются кузнецкие крестьяне и разночинцы и живут в той же Бийской крепости своими домами немалое число»³.

После того как все эти переселенцы были в 1760 году приписаны к заводам, командование Колывано-Кузнецкой военной линии поставило вопрос о заселении ведомства Бийской крепости теми же способами, что и окрестностей Усть-Каменогорска. Как проходило это заселение, более или менее основательно установить не удалось из-за отсутствия документов. В ведомстве Бийской крепости достоверно устанавливается существование на время 3-й ревизии неприписного населения только в одном населенном пункте — в деревне Ново-Чемровской, где в

1763 году было учтено 74 души мужского пола¹. Есть основание считать существовавшим в 1763 году также село Ново-Енисейское.

К 1777 году в ведомстве Бийской комендантской канцелярии государственные крестьяне жили в селах Ново-Енисейском и Смоленском, в деревнях Ново-Чемровской, Чемновке, Марушке — всего 423 души мужского пола². Кроме того, в ведомстве той же канцелярии было с. Петропавловское, основанное, как уже сказано, «польскими» поселенцами, в котором в 1777 году жило 117 душ мужского пола³.

Помимо названных населенных пунктов, в том же ведомстве существовали деревни Ненинская, Карабинская и Ерьловская, заселенные в 1770 году «великорусскими поселышниками», то есть сызлыми. К 1782 году их насчитывалось в названных деревнях 647 душ, из них 345 мужских и 302 женских⁴.

Согласно сводной ведомости к рекрутскому набору, составленной в 1786 году, в 1782 году в ведомстве Бийской комендантской канцелярии было государственных крестьян 609 душ мужского пола, поселенцев 451, всего 1060 душ мужского пола⁵.

Особую группу заселения по Колывано-Кузнецкой военной линии составляли оставшие военнослужащие. Решение о поселении оставших по сибирским военным линиям было принято 9 октября 1762 года в форме утвержденного царией специального доклада Сената. Отставным предписывалось отводить на каждую семью от 20 до 30 четвертей под пашню, «а чтоб к тому приходить, давать вознаграждение, как они в те места для поселения придут, ссуды каждой семье от 5 до 10 рублей, и сие только тем, которые прежде селиться будут, а как селение умножится, тогда сами между собой друг другу в строении и прочем互相帮助 могут»⁶.

Цель поселения оставших ясно определяется в про- мемории⁷ генерал-майора Шпрингера в Канцелярию Ко-

¹ ГААК, ф. 169, о. 1, д. 185, лл. 57—75.

² ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, лл. 53, 516—517.

³ Там же, л. 53.

⁴ ГААК, ф. 169, о. 1, д. 185, лл. 79—116.

⁵ Там же, д. 684, л. 411.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. 1830, т. XVIII, стр. 76—77.

⁷ Промемория — официальная записка, письмо, памятная записка.

¹ ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, лл. 439—474.

² Там же, все.

³ Там же, ф. 1, о. 1, д. 315, л. 221.

львано-Воскресенского горного начальства. Он писал: «...Поселение отставных на линиях чинится в силу вышних правительственных указов более для того, чтоб от них по обязанности без дальних убытков и труда на про довольствие воинских команд можно было покупать хлеб, коего за запрещением в продажу от заводской стороны в здешнюю и получить надежды нет»¹.

Единичные случаи поселения отставных на линии были и до 1762 года. Известно, что еще в 1759 году в Смоленском редуте были определены на поселение отставные казаки В. Хворой, Т. Богданов и Ломшаков. В 1760 году в том же редуте поселились отставные солдаты Ф. Колчев и Г. Окулов. Массовая отставка на поселения началась лишь после 1762 года. В том же Смоленском редуте в 1763 году было поселено 12, а в 1764 году — 43 отставных².

Различали «отставных на поселение» и «отставных на свое пропитание». Последние, очевидно, либо уже до отставки имели свое хозяйство, либо приселялись к родственникам.

Большинство отставных имели семьи. Этому придавалось большое значение. Для администрации было выгодно селить именно семейных. Они быстрее обзаводились хозяйством. В 1776 году Бийская комендантская канцелярия в предложениях «судебною об отставных контр-ру» напоминала, что «введено определять из отставных на поселение и с их семействами, ибо ежели без детей поселить, то никакой пользы ожидать не можно. И у тех, которых кроме одного сына других нет, то последнего не брать ни в службу, ни в школу, дабы через то по одиночеству, вместо чаемой от поселения пользы, не давность оставным отягощения. От таких отставных, у которых два или три сына имеется, то из них одного только, буде годен явится на службу, а от семи лет в школу определять, а прочих оставлять впрямь по резолюции при отцах их на поселении для вспоможения в домоостроительстве, обзаводстве и хлебопашестве»³. Сыновей, оставленных с отцами на поселении и освобожденных от военной службы, зачисляли в категорию «малолеток». Со временем они сами обзаводились семьями, но по-прежнему ос-

тавались в той же категории. В документах конца XVIII века и начала XIX века встречаются «малолетки», ившие дети и внуки.

Закрепление отставных на поселении и обзаводство их хозяйством зависело от ряда условий: состава семьи, времени поселения и т. д. В Смоленском редуте на 1776 год было 126 отставных. Из них: безлошадных — 5, имели одну лошадь — 14, 2—17, 3—22, 4—21, 5—12, 6—15, 7—13, 8—1, 9—4, 10 лошадей было только у двух хозяев. Количество лошадей и состав семьи определяли мощность хозяйства. Семьи, в которых имелось всего одна—две души, включая самого отставного, селили мало. Они же были безлошадными или малолошадными. Слабое хозяйство имели и те, кто был поселен недавно. В отличие от этого большие семьи, жившие на поселении уже несколько лет, имели крупное хозяйство. Например, отставной солдат С. Плотников имел семью в 11 душ, у него было 9 лошадей, 20 голов другого скота и самый большой в селе посев — 18 десятин. Плотников жил на поселении с 1766 года, то есть уже 10 лет¹.

В 1777 году на Колывано-Кузнецкой военной линии отставные жили в 43 населенных пунктах, и вместе с детьми их насчитывалось 1543 души мужского пола. Отставные были расселены в селах и деревнях, возникших у укрепленных пунктов, а также в деревнях вместе с государственными крестьянами и даже с приписными. Больше всего отставных жило в селе Смоленском, в Бийской и Катунской крепостях, в деревнях Бобровской, Верх-Ануйской, Секинской, при Новиковском и Бехтемирском маяках².

После 4-й ревизии нового притока крестьян на Колывано-Кузнецкую военную линию не было. Некоторый прирост населения с 1782 по 1795 год (по датую ревизию) произошел исключительно за счет детей, родившихся в межревизионный период. С истечением льготных сроков исчезло всякое отличие между добровольными поселенцами, «польскими» поселыщниками и сыльными. Все они стали государственными крестьянами. В связи с укреплением позиций России в верхнем Приобье исчезла надобность в непосредственном подчинении крестьян комендантским канцеляриям. Территория по военной ли-

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 539, л. 14.

² Там же, ф. 167, о. 1, д. 1, лл. 186—200.

³ Там же, л. 62.

¹ ГААК, ф. 167, о. 1, д. 1, лл. 186—202.

² Там же, ф. 1, о. 1, д. 866, лл. 53 и 141—142.

нии вошла в состав Коглыванской губернии, а ее население подчинено местным слободским ведомствам. В 1795 году население по военной линии было следующим.

Семипалатинский уезд:	
Усть-Каменогорская слобода	— 1602 души муж. пола
Убинская слобода	— 1830 » »
Крутобрезовская слобода	— 1429 » »
Всего	4861 душа муж. пола

Бийский уезд:	
Ново-Енисейская слобода	— 1290 душ муж. пола

Всего государственных крестьян на линии — 6151 душа мужского пола¹. Отставные учитывались отдельно и сюда не включены.

В 1797 году государственные крестьяне трех названных слобод Семипалатинского уезда были приписаны к алтайским заводам². Крестьяне Ново-Енисейской волости (бывшая слобода) остались на положении государственных. Вместе с отставными и казаками они составляли особую часть населения Алтая и не подчинялись заводскому начальству.

В формировании земледельческого населения на Кольванско-Кузнецкой военной линии роль правительственных учреждений проявлялась особенно отчетливо. Но правительство занималось лишь организацией заселения. Освоение территории, развитие на ней земледелия и скотоводства было делом самих крестьян. К концу XVIII века местное крестьянское хозяйство не только удовлетворяло потребности военной линии в продовольствии, но и имело резерв для продажи в заводское ведомство.

¹ ГААК, ф. 1, о. 2, д. 58, лл. 459, 471—473.

² Там же, лл. 44—45.

ГЛАВА VIII ИТОГИ ЗАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ КРЕСТЬЯНАМИ В XVIII ВЕКЕ

На протяжении второй половины XVIII века шел интенсивный процесс заселения территории верхнего Приобья русским крестьянством, сочтавший в себе миграцию из европейской части России, из разных мест Сибири, из северных заводских ведомств, с территории Кузнецкого уезда, массовые передвижения населения в пределах верхнего Приобья. Волыная колонизация перелеталась с правительственной.

За вторую половину XVIII века, по сравнению с предыдущими годами, область расселения крестьян в верхнем Приобье значительно расширилась. К концу века оказалась довольно густо заселенной территория между реками Обью, Бией и Чумышом. Произошло действительное земледельческое освоение бассейнов рек Чарыша и Алей, где до 1747 года население было крайне редким. Особенно значительные изменения произошли в западной части верхнего Приобья. Крестьяне продвинулись в верховья рек Барнаулки и Касмады и дальше почти на всем протяжении Барнаульского и Касмаглинского боров, начали освоение плодородных земель Алейской степи. Продолжилось начатое в 40-х годах освоение Кулундинской степи. К концу века крестьянские деревни продвинулись до низовий р. Кулунды. Была основательно заселена долина р. Бурлы. Русские деревни возникли у рек Карасук, Ваган и Чулым.

Освоение новых районов было обусловлено прежде всего ростом населения. К 1795 году на территории верхнего Приобья насчитывалось свыше 500 населенных пунктов, тогда как в первую ревизию было учтено всего 34 населенных пункта и в них 1178 душ мужского пола.

В 1795 году в 509 населенных пунктах учитывалось 34580 душ мужского пола. Причем сюда не вошло население города Барнаула, за исключением живших в нем крестьян, числившихся по Нижнебарнаульской слободе, а также население заводов и рудников. Не включены в названное число оставшие и казаки. К концу XVIII века в Колыванской губернии насчитывалось 3118 отставных, из которых жили на территории Бийского уезда 1662, Семипалатинского — 823 души мужского пола¹.

Что касается населения Барнаула, Бийска и заводских поселков, то оно было также значительным. З. Г. Карленко приводит следующие данные: на 1771 год в Барнауле насчитывалось 5448 жителей обоого пола; в Змеиногорске — 2449 душ мужского пола; в Сузунской заводской слободе — 2285 жителей обоого пола; при Павловском заводе — 1894 жителей².

По данным пятой ревизии, при кабинетских заводах и рудниках в Колыванской губернии состояло 54 мастера, 209 подмастерьев, 7822 рабочих, 164 мастеровых, уволенных по старости и болезням³. Следовательно, население промышленных поселков было значительным. Его рост обусловлен был развитием горнорудной и металлургической промышленности. Основным резервом для пополнения этого населения было крестьянство.

Прямым результатом колонизации русским крестьянством территории верхнего Приобья явилось усиление русского влияния на местное население. С каждым годом все оживленнее становилась торговля с жителями Горного Алтая. Часть алтайцев переходит к оседлой жизни, заводит пашни. Однако непосредственный контакт русского крестьянства с основной массой алтайцев на протяжении XVIII века был невозможен. Районы, заселенные приписными крестьянами, были отгорожены от Горного Алтая Колывано-Кузнецкой военной линией, переход через которую запрещался. Преступлением считалось не только всякая попытка поселиться за линией, но даже временное проникновение за нее с целью промысла.

В отгичине от южных, северные алтайцы жили в более тесном контакте с русскими еще в XVIII веке. Именно они уже в то время стали переходить к оседлости и заводит пашни. В северо-восточной части верхнего Приобья происходил отход от кочевого хозяйства и постепенное обрусение тогульцев и азыктымцев. К оседлой жизни переходит и некоторая часть кумандинов. В 1782 году среди жителей Нижнекумандинской волости было 313 душ мужского пола кочующих и 69 оседлых. Оседлые кумандинцы жили в селах Солтонском, Смоленском, мажках Нижнененинском, Новиковском, деревнях Ажинской, Усайкой, Чемровской, Воронихе, в Бийской крепости. В 1795 году оседлых кумандинов в этой волости насчитывалось 87 душ мужского пола. К прежним местам их жительства добавились деревни Шубенская, Чесноковская, Буланиха, Савинова, Комарова, Бехтемирская, Карабинская, Марушинская; мажки Сайлапский, Караканский, Лебяжий, Сайдынский и село Ново-Енисейское. Эти кумандинцы жили не только вблизи русских крестьян, но даже в одних населенных пунктах с ними.

Вторая половина XVIII века явилась временем дальнейшего развития на территории верхнего Приобья крестьянского хозяйства и прежде всего земледелия.

До 1747 года русское земледелие имело наименьший объем в непосредственной близости к Колывано-Воскресенскому заводу, по рекам Чарышу и Адею. В короткий срок (1749—1752 гг.) поселенные здесь приплыли освоили под пашню свыше 1000 десятин новых земель. Это значительно увеличило размеры местной пашни. В 1767 году в ведомстве Красноярской судной избы, то есть на той же территории, где оселись приплы, крестьяне засеяли зерновыми 3164 десятины². Кроме того, в той же части верхнего Приобья подчиненные Змеиногорской конторе переселенцы с Шубльбинского завода и крестьяне деревни Ново-Алейской в том же 1767 году засеяли разными культурами 276 десятин³.

Во второй половине XVIII века интенсивно увеличилось население Бийского ведомства. Росла и местная крестьянская пашня. В 1765 году здесь было под зерновыми культурами 3210 десятин, а в 1771 году 6622 деся-

¹ ГААК, ф. 1, о. 2, д. 151, лл. 268—269.

² Карпенко З. Г. Промышленные города и поселки Западной Сибири в XVIII в. — В кн.: Материалы по истории Сибири. Сибирь в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1962, стр. 195.

³ ГААК, ф. 1, о. 2, д. 151, л. 269.

¹ ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, лл. 70—71.

² Там же, ф. 1, о. 1, д. 473, л. 229.

³ Там же, л. 225.

тины. Всего за шесть лет засеянная пашня крестьян Бийского ведомства увеличилась более чем в два раза¹.

Значительных успехов добились крестьяне самого обширного и самого раннего по началу заселения ведомства Белоярской слободы. В 1766 году в этом ведомстве крестьяне засеяли зерновыми 6455 десятин, в том числе рожью 3357². Рожь преобладала здесь, как и в других районах верхнего Приобья.

На конец XVIII века имеются ведомости о количестве собранного хлеба и размерах пашни почти по всей территории верхнего Приобья. Отсутствуют лишь данные по волостям Семипалатинского уезда: Колыванской, Убинской, Усть-Каменогорской и Крутоберезовской. Есть данные по Колыванскому уезду, в том числе и верхнеобским волостям. В 1799 году крестьянами было засеяно: в Бийском уезде (волости Белоярская, Тальменская, Боровлянская, Чумышская, Уксунайская, Енисейская, Барнаульская, Чарышская, Шадринская, Касмалинская) 35254 десятины, в Колыванском уезде (в волостях Матышевской, Кулундинской, Чингисской, Бурлинской, Ордynской) — 16838 десятин³.

Если из сведений о пашне 1799 года по Бийскому уезду исключить данные по Барнаульской и Чарышской волостям, то есть взять территорию существовавших в 60-х годах XVIII века Белоярской и Бийской слобод, и сравнить данные о пашне конца века с запашкой 1766 года, то оказывается, что с 1766 по 1799 год на этой территории размеры пашни выросли почти в три раза.

Территория верхнего Приобья в сравнении с другими районами Сибири особенно благоприятна для земледелия, тем более, что в XVIII веке шел непрерывный процесс освоения новых земель, пашаных, непахотных. Переселялись в пределах верхнего Приобья, крестьяне в значительной степени обновили во второй половине XVIII века активный земельный фонд.

Обширная территория верхнего Приобья в разных местах имела различные условия для сельского хозяйства. В равнинной части преобладают черноземные и каштановые почвы, пригодные для возделывания почти всех сельскохозяйственных культур. В лесистых местностях

почвы подзолистые, песчаные, суглинистые. Земский управитель А. Богданов в 1799 году в отчете по Малышевской, Кулундинской, Чингисской и Бурлинской волостям отмечал: «Занимаемое сими волостями пространство, лежащее ближе к Иртышской линии между заводов, гористое, ровное, возвышенное и низкое, черноземное, песчаное и глинистое, но к произрастаниям удобное, и потому всегда почти родится довольно всякого хлеба, как-то: пшеницы, ржи, ярицы, гороху, ячменя, проса, овса, да и огородных культур непосредственно лучший же урожай имеется в волостях Кулундинской и Бурлинской»¹. В лесистой части верхнего Приобья, ближе к Алтайским горам, условия для земледельцев были худшими. Земский управитель Бийской, Уксунайской и Енисейской волостей в том же 1799 году отмечал, что земли там «к произрастанию не так-то удобные, и хлеба родятся посредственно, как-то: пшеница, рожь, горох, просо, ячмень и овес, и огородные овощи имеют урожай самый niskий»².

Наибольшей обстоительностью отличается отчет В. Шаболдина, управителя Белоярской, Тальменской, Боровлянской и Чумышской волостей за 1799 год. Он писал: «Пахотные земли большей частью между дубов и колючих березовых, с коих земля снимают по 4, по 5 на ровных местах, а на возвышенных гривах и долах по 5 и 6. Которые земли по прошествии означенных лет ослабевав прорастают травами и подавляют растение посевного хлеба, делаются весьма непригодными и к сению земледельцам трудными и неспособными, а потому оные земли пахотого совсем оставляют, называя те места по сибирскому обыкновению пустошами, и лежа в пусте не менее как через 20 лет удабриваются и бываю годными к земледелию, но не в таком уже изобильном урожае, каковой был при первом земледелии. Где же лесистые, сухоменистые, сорлистые и песковатые, к земледелию и плодородию совсем неспособные. Урожай в хлебе большей частью: рожь — сама 15-я, ярица — сама 9-я, пшеница — сама 5-я и 6-я, овес и ячмень — 10-й, горох — 5-й и 6-й, конопляное семя — 4-я и 5-я, о дьянном же семени неизвестно потому больше, что жители, вырывая лен, постигают на землю с семенами голожаками для согнания во оном дудки, оставляя по своей на-

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 475, л. 143; д. 539, л. 684.

² Там же, л. 233.

³ Там же, о. 2, д. 151, лл. 313—318, 330—374.

¹ ГААК, ф. 1, о. 2, д. 151, л. 318.

² Там же, л. 356.

добности в снопах, из конк выколачивая хранят до посева»¹.

Описанная здесь система земледелия была возможна лишь в местных условиях при обилии резервных земель. Развитию земледелия в верхнем Приобье способствовало также совершенствование земледельческих орудий. Происходит переход от сибирской сохи-коосухи (роголихи) к более совершенной сохе-колесухе.

Вместе с тем земледелие верхнеобских крестьян испытывало немало трудностей как природного, так и социального характера. Сказывались различия почвенных условий, значительные погодные колебания. Посевы то вымокали от обилия осадков, то выгорали при отсутствии дождей в начале лета. Крестьянин не имел возможности правильно поставить семеноводство. Мало приспособленные к местным условиям сорта злаков вымерзали, гибли. У многих крестьян не было достаточного количества лошадей, чтобы в нужные сроки выполнить все сельскохозяйственные работы. Заводские повинности отрывали крестьян от пашен в самое горячее время. Все это приводило к тому, что сельское хозяйство развивалось медленно, часты были неурожаи. Например, в Вийском ведомстве в 1764 году, посеяв на десятину 15 пудов пшеницы, получили 35 пудов, ржи 8 пудов — получили 45, ячменя сеяли на десятину 15 пудов — получили 54. В отчете Вийской земской избы отмечалось: «Оный хлеб, когда посевом окончен, тогда были стужки немалые, а потом же сильные ветры, а после того наступили жары, от которых сход весьма был неспешен, и меж тем поля окинулись травой, и оному хлебу поспешного роста не дало, а когда же оный начал в цвету быть, а прочей уже и отцветал, тогда божим посещением пустились великие дожди с градом и ненастныя погоды, отчего оный хлеб не весьма добр родился и немалое число по некоторым деревням как от оною неуроду, так и от поедания червями несколько десятин покинуто нежато»².

Нередко по разным причинам, а прежде всего из-за неурожая в предыдущем году или из-за падежа лошадей, крестьяне вынуждены были значительно сокращать посевные площади. Так было, в частности, в Вийской слободе в 1784 году.

¹ ГААК, ф. 1, о. 2, д. 151, л. 339. Урожай рассчитывается в сравнении с количеством посеянного. Например, посеяли 100 пудов, получили 500 — сам пять.

² Там же, о. 1, д. 391, л. 463.

боде в 1784 году. Предыдущий год был неурожайным: «Хотя урожай соломого и весьма хорош был, точно (только) в летнее время инеями хлеб позяб, и затем в урожае примолоту было мало, а другие десятины по немению в колосьях ядра нежатые бросили. А семена конопляные, льняные и горох вовсе вымерзли». В результате если в 1783 году было засеяно 4588 десятин, то в 1784 году 3729. Урожай в 1784 году оказался низким, плюс сокращение пашни, в итоге собрали 19269 четвертей против 22654 четвертей в 1783 году¹.

Тем не менее валовые сборы зерновых на территории верхнего Приобья росли. Крестьянское хозяйство стало обеспечивать местные потребности в провiantе. В 1799 году по волостям Вийского уезда крестьянами с 35254 десятин было получено 266633 четверти зерна; по верхнеобским волостям Колыванского уезда (Мальшевской, Кудинской, Чингисской, Бурилинской и Ордьинской) с 16848 десятин было получено зерновых 108221 четверть².

Если сопоставить сбор зерна в конце XVIII века в Вийском уезде с урожаем 1766 года по ведомствам Бельярской и Вийской слобод, то оказывается, что сбор зерновых за 33 года вырос в 4,6 раза. За это же время размеры пашни увеличились в 3 раза. Следовательно, сбор хлеба рос быстрее, чем расширялась пашня.

К концу XVIII века крестьянское хозяйство в верхнем Приобье давало значительный избыток зерна. В 1799 году, по подсчетам М. М. Громько, из 16 волостей Вийского и Колыванского уездов (только верхнеобские волости) в 4 имелся дефицит хлеба в среднем по волости. Остальные 12 волостей давали значительный избыток хлеба. Он шел на удовлетворение потребностей неземледельческого населения Барнаула и заводских поселков, на военную линию и частично оставался в запасе у крестьян³.

Земледелие было главным, но не единственным занятием верхнеобских крестьян. Наряду с земледелием важную роль в их хозяйстве играло животноводство, в первую очередь коневодство. Помимо заводских конных рабов, крестьяне, имевшие достаточное количество лошадей, занима-

¹ ГААК, ф. 167, о. 1, д. 3, лл. 236—237.

² Там же, ф. 1, о. 2, д. 151, лл. 313—318, 330—374.

³ Громько М. М. Некоторые результаты земледельческого освоения Западной Сибири в XVIII в. — «История СССР», 1965, № 2, стр. 59.

лись перевозкой руд и других грузов по вольному найму. Это занятие называется как одно из постоянных в отчетах управителей. Увеличения количества лошадей потребовал также переход к сохе-когесухе, надобность в тягловой силе на сельскохозяйственных работах возросла. Обильные выпасы и покосов позволяло держать значительное количество и другого скота: коров, овец, свиней. Овцеводство было развито главным образом в предгорной части верхнего Приобья.

Заводская администрация, заинтересованная в исполнении крестьянами гужевой повинности, поощряла крестьянское животноводство и особенно коневодство. При решении вопросов о переселении крестьян обеспечение их выпасами и сенокосными угодьями непременно учитывалось наряду с наличием земли под пашню. Именно необходимость в конном крестьянстве заставила заводскую администрацию организовывать борьбу с надежком скота, принимать меры по ликвидации эпизоотий.

Эпизоотии сибирской язвы и другие болезни скота были бычком местного скотоводства. Так, в 1784 году только в юге в 28 деревнях в бассейне Чумыша паги от язвы 521 лошадь и 29 коров. В 1773 году в алейских деревнях Шипуновой, Хлопуновой, Поселенке, Махановой и Красноярской паги 531 лошадь, 188 коров, 586 овец. У многих крестьян скота вообще не осталось. Например, у крестьянина Д. Красноярской И. Волынск паго в 1773 году 15 лошадей, 2 коровы, 15 овец, у П. Ульянова из той же деревни паго 20 лошадей, 23 овцы, у И. Другова — 15 лошадей, 30 коров, 10 овец².

Почти единственным способом борьбы с эпизоотиями была изоляция очагов заболеланий скота карантинными, быстрейшее захоронение погибших животных. Для этой цели на места высылались специальные представители администрации с солдатами. Во многих случаях вместо помощи крестьянам власти прибегали к карательным мерам. Так, в 1774 году разбиралась просьба крестьян бедрепских деревень Зиминной и Окуловой об освобождении их временно от конных заводских работ, потому что «у них лошади почти все вывалялись, зачем таковых конных работ исправлять не в состоянии». Канцелярия горного начальства обвинила крестьян в отсутствии долж-

ной заботы о заготовлении кормов и приказала: «... при соборании протчих крестьян наказать на страх им и другим плетями, подтвердя при том, чтобы они выпредь лошадей и прочаго скота имели в добром приращении и хранении и на корм сен ставили с довольным достатком»¹. Крестьянское хозяйство в верхнем Приобье было разносторонним. Крестьянская семья изготовляла все необходимое для внутренних потребностей и обеспечения жителей Барнаула и заводских поселков. В 1800 году белоярский земский управитель Василий Шаболгин так описывал занятия крестьян:

«Жители упражняются в свободное время по окончанию земледелия и убрании в полях посейного хлеба, так же и в возложенных на них заводских работ, вольною перевозкою с рудников руд в заводы, перевозкою катей служаших, купеческих и посторонних людей, заготовляваннем против препорции излишнего сена для проежающих, скотоводством, некоторые деланнем телег, колес, саней, разной домашней посуды, как-то: кадей, ведер, чашек, корыт, лышков, горшков; кузнечным мастерством, деланнем овчин, тосиных, сыромяты и дубленых кож для домашней надобности, так и для посторонних людей, собираемем разных ягод, хмелю, копаннем белой глины; и, что у кого бывает за домашним избытком, продают. В зимнее же время промыслом зверей в небольшом количестве: волков, лисиц, зайцев, белок и шаграми тетеря, а в летнее время также в небольшом количестве рыбною ловлею; женщины — тканнем разных сортов холста, так же и сатфетонной брани на крестьянскую руку, ополскок шерстяных, выкрашивая пряденную шерсть разными домашними красками, вязаннем чулков, варег, плетеннем кружев, и что у кого бывает за избытком, между собою продают»².

Агтайская приписная деревня с самого начала приписки к заводам вынуждена была исполнять обширные повинности, не только связанные с горнозаводским производством, но и по снабжению заводского населения продовольствием сельского хозяйства. Приписные крестьяне поставляли на заводы и рудники хлеб, животноводческую продукцию как для питания, так и для производственных целей, пенку, деготь и т. д. В заводское ведом-

¹ ГААК, ф. 32, о. 1, д. 1, лт. 104—106.

² Там же, ф. 1, о. 1, д. 665, лт. 105—106.

¹ ГААК, ф. 1, о. 1, д. 732, л. 31.

² Там же, о. 2, д. 151, л. 340.

ство ввозилось лишь небольшое. Почти все необходимое производилось населением заводских поселков и приписными крестьянами. Заводская администрация стремилась получить как можно большую часть в счет обязательных повинностей крестьян путем феодального внеэкономического принуждения. Однако возможности эксплуатации приписной деревни не могли быть неограниченными.росло заводское население, росли потребности заводов и рудников в сельскохозяйственной продукции. Это заставляло администрацию при обязательных поставках крестьянами провианта, организованном закупе его у них все больше считаться с существовавшими рыночными ценами, а также поощрять волную крестьянскую торговлю с жителями заводских поселков.

Одновременно власти пытались внедрять хлебонашество в самих заводских поселках. В 1788 году Кабинет приказал при Нерчинских заводах «недрить казенное хлебонашество силами заводских работников и сыльных и предложить «сие повеление о заведении хлебонашества распространить и на Колыванские заводы». Казенное хлебонашество должно было осуществляться в счет податей некоторым числом заводских служителей и отставных. Попытка введения этой новой повинности встретила сопротивление со стороны заводских работников. 12 сентября 1788 года Сузунская заводская контора доносила, что из живших там отставных желяющих к разведению хлебонашества не оказалось. 23 октября 1788 года Английская заводская контора сообщила, что из работников завода желяющих заняты хлебонашеством не оказалось, «как они в двух сменах без роздыху обрабатываются»².

В связи с этим начальник заводов Качка поставил вопрос о разрешении и поощрении добровольных запашек заводскими служителями: «...дозволить, чтобы торные служители на тех пустопорожных местах земледельство производили и тем по крайней мере семейства могли свои пропитать»³.

Есть сведения о некоторых результатах хлебонашества заводского населения, в частности за 1796 год по Змеиногорскому, Семеновскому, Николаевскому и Риддерскому рудникам. В Змеиногорском руднике имели в 1796

году пашню 49 семей, они засеяли 51 десятину и получили урожая 6848 пудов; в Риддерском руднике 31 семья имела пашню в 86 десятин и урожай 6946 пудов. В Николаевском руднике пашню имели всего 7 семей, а в Семеновском только 2. Запашки горных служителей были неодинаковыми. Большинство семей село мизерное количество. В Змеиногорском руднике из 49 хозяев в 1797 году избыток хлеба урожая 1796 года оказался только у 15, а в Риддерском руднике из 31 только у 7 хозяев¹.

Пашни горных служителей ником образом не могли заменить того, что давала приписная деревня путем приписанных поставок и волной торговли. Крестьянская торговля была довольно по тому времени оживленной и многопредметной. О многопредметности крестьянской торговли свидетельствует, в частности, «Книга именная» с примерным перечнем продаваемого крестьянами, которая была составлена в земские избы в 1785 году. В ней перечислялось: «...мука ржаная и пшеничная, ячневая, гороховая, крупа ячневая, гречневая, просынная, овес, ячмень, рожь, пшеница, союд, толокно, горох, семя конопляное, льняное, маковое, просо, гречиха, погба, лук, мясо говяжье соленое, свежее, мясо свиное свежее, соленое, вяленое, тушамы, бараны живые, козлоты, конюшня трепанная и нетрепанная, лен трепанный и нетрепанный, потрохи всякие, сало свиное, говяжье, баранье — толгленое и нетолгленое, конопляное масло, рыба: осетры, стерлядь, нельма, сычуг, язв, окунь, карась, налим, чебак, лень, зипуны, сукно серое, коровы, лошади, прочий скот, икра разная, гуся, утки, косачи и другая птица, хмель, сено, орехи кедровые, дрова, кошевки, дровни, завертки, кибитки, дуги, оглобли, хомуты, гужи и другая упряжь, яйца, молоко, творог, перья разной птицы, нитки, холст, рубашки, и так далее писать, что только в продаже есть всякую-всичину без пропуску»².

Таким образом, крестьяне, поселившиеся на протяжени XVIII века на территории верхнего Приобья, сумели в условиях жестокой эксплуатации заводской администрацией, феодального гнета создать довольно развитое многоотраслевое хозяйство. Это было главным результатом крестьянской колонизации.

¹ ГААК, ф. 1, о. 2, д. 96, лл. 35—36.

² ГААК, ф. 167, о. 1, д. 2, л. 30.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Присоединение верхнего Приобья к России и освоение его территории русскими земледельцами — сложный и длительный процесс, который осуществлялся как силами государства, так и путем волевой крестьянской колонизации. В присоединении этого района занятии и закреплении территории правительственными отрядами сочеталось с добровольным переходом алтайцев в русское подданство. Сибирскими военными частями была создана Кольвано-Кузнецкая военная линия, которая обеспечивала безопасность новоприсоединенной территории и, следовательно, возможность ее хозяйственного освоения, гарантированного от нападений соседней кочевников. Государственная администрация приняла непосредственное участие в развитии горного и металлургического производства на Алтае, в заселении края разными способами, вплоть до насильственного сбора для новой территории беглых со всей Сибири и организации ссылки сюда людей из разных мест России.

Параллельно с правительственной колонизацией происходила народная колонизация. Крестьяне по своей инициативе, на свой страх и риск нередко переселялись в еще не закрепленные за Россией районы и тем самым обогатили присоединенные их к Российскому государству. Крестьянами были выведены рудные богатства Алтая, отысканы лучшие места для развития сельского хозяйства, основано местное земледелие, новое осетное скотоводство. Подавляющее большинство населенных пунктов на Алтае возникло в XVIII веке по инициативе крестьян, действовавших либо самостоятельно, либо по разрешению властей.

В истории присоединения и освоения верхнего Приобья, таким образом, наблюдается несомненное переломное, взаимодействие правительственной и народной ко-

лонизаций, они взаимно дополняли друг друга. Вместе с тем, было бы совершенно неправильно отождествлять правительственную и народную колонизацию.

Подчеркивая в целом несомненную прогрессивность присоединения верхнего Приобья к России и благоволительность этого для местного алтайского населения, нельзя забывать экспансионистской сущности царизма, забывая то, что он вместе с защитой от угроз истребления и покорения со стороны Цинской империи принес алтайцам колониально-феодалный гнет помещиков, а позднее и капиталистов. Что касается русского народа, в первую очередь крестьян, то он принес местному населению свою культуру, свои трудовые навыки. И если этот контакт в XVIII веке был недостаточным, то в этом повинно не русское крестьянство, а царизм, его военные власти, заводская администрация, отгородившие русское население верхнего Приобья от коренных жителей Горного Алтая.

Едва ли есть возможность сомневаться в прогрессивности развития властями России алтайской горной промышленности, но это сопровождалось угнетением заселявшего верхнее Приобье крестьянства. Этот гнет в незначительной степени удерживал крестьян от поселения на землях заводского ведомства. Пока заводское начальство имело возможность приписать любого крестьянина, поселившегося на подведомственной территории, оно поощряло приток крестьян. После прекращения приписки население верхнего Приобья назло стало для местных властей нежелательным и ограничивалось. Особенно владельческой принадлежностью Алтайского горного округа стала тормозом для дальнейшей крестьянской колонизации.

Местное заводское начальство в целом поощрительно относилось, особенно в первой половине XVIII века, к вытесненной миграции крестьянства на территории верхнего Приобья, так как основной приток населения шел к югу, ближе к заводам и рудникам. Наряду с этим есть масса фактов прямого запрещения миграции, наказания за переселения, неугодные администрации. Многие из этих запрещенных переселенцев были бы полезными для общего хозяйственного развития края. Именно помещики со стороны властей задержали на некоторое время освоение долины р. Кулунды с ее плодородными землями, обширного пространства на запад от р. Агeya.

Русское крестьянство, заселявшее верхнее Приобье, вложило массу сил и энергии в развитие сельского хозяйства края. Царские власти и заводская администрация относились к этому поощрительно. Вместе с тем органичный вред крестьянскому хозяйству наносила эксплуатация заводским начальством, заводские работы, отрывавшие крестьян от их дела в самое горячее время. Многие крестьяне совершенно отрывались от деревни во время рекрутских наборов на заводскую службу.

Тем не менее и в условиях старой царской России крестьяне сыграли решающую роль в освоении верхнего Приобья, заложили основы экономики края, ставшего одним из главных сельскохозяйственных районов Сибири.

Крестьянское хозяйство на территории верхнего Приобья оказалось более жизнеспособным, чем существовавшее на подневольном труде горнозаводское производств. Вместе с общим кризисом феодальной системы в России наступил кризис и алтайской промышленности. Падение крепостного права привело к упадку и полной ликвидации к концу XIX века этой промышленности. Верхнее Приобье сохранило свое значение лишь как сельскохозяйственный район.

Только в условиях социализма стало возможным действительно всестороннее использование природных богатств края. Алтай — одна из важнейших хлебных житниц страны — стал одновременно и краем развитой промышленности.

ХРОНОЛОГИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ В XVIII ВЕКЕ

П Р И Л О Ж Е Н И Е

(В список включены населенные пункты, существовавшие к концу XVIII века. Они расположены по слободам в соответствии с административным делением на 1795 год. Датировка дается тройкая: там, где это известно, указывается точная дата основания, если точная дата не найдена, дается время наиболее раннего из найденных ковенных свидетельств, а в третьем случае — дата самого раннего бесспорного известия о существовании населенного пункта. В последней графе указаны источники датировки).

Населенные пункты	Дата основания	Косвенное свидетельство	Достоверное предание	Источники
1	2	3	4	5
г. Барнаул		1724	1740	ГААК, ф. 1, о. 1, 2, д. 28, л. 261. В первую ревизию впервые была учтена д. Усть-Барнаульская — первый населенный пункт на месте Барнаула. 1740 г. — начало строительства Барнаульского завода ЦГАДА, ф. 199, о. 2, № 481, ч. 4, д. 1, л. 155. Первая Биркатунская крепость была основана в 1709 г.
Бийская крепость	1718			
Земногорский рудник Павловский завод	1763	1735		Даты основания заводов и Земногорского рудника широко известны, многократно назывались в литературе, и по этому приводятся без ссылки на источники

1	2	3	4	5
Сузунский завод	1764			
Томский завод	1771			
Доктевский завод	1783			

Винский уезд
Чумышская слобода

Аристова	1795	1795	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 892, т. 57	
Беспалова	1750	1750	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, д. 231а	
Борисова	1742		ГААК, ф. 1, о. 2, д. 42, т. 217	
Ветохина	1797		ГААК, ф. 1, о. 2, д. 1233, т. 10	
Ворошица	1757		ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, т. 115	
Воскресенская	1787		ГААК, ф. 169, о. 1, д. 833, т. 214	
Глушицкая	1737	1750	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, т. 314	
			ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, д. 231а	
Голошичина	1761	1761	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 226, т. 285	
Дмигтро-Тилова	1722	1727	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 156, т. 279, ЦГАДА, ф. 517, о. 1, д. 7, т. 7—11	
Евдокимова-Тилова	1798	1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, т. 168	
Жигина	1798		ГААК, ф. 1, о. 2, д. 1233, т. 224	
Залесова	1795	1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, т. 145	
Залдыгина	1719	1719	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, т. 272	
Захарова	1781		ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, т. 1526	
Знаменца	1796		ГААК, ф. 1, о. 2, д. 1233, т. 96	
Зырцова	1750	1750	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, д. 231а	
Инюшева	1795	1753	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 134, т. 256	
Казашева	1779		ГААК, ф. 1, о. 2, д. 42, т. 217	
Калиновка	1779		ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, т. 1525	
Камышенская	1776		ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, т. 159	
Каргалогова	1776	1763	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 151, т. 237	
Каравина	1796		ГААК, ф. 1, о. 2, д. 1233, т. 188 ¹	

¹ Фактически крестьяне поселились в 1795 г. ГААК, ф. 1, о. 2, д. 40, т. 216, 1796 г. — дата указа.

1	2	3	4	5
Койнова				
Копылова		1752	1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, т. 210
Косиха			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 173, т. 456
Кытманова (Тухта)			1757	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, т. 318
Давреньева			1763	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 830, т. 1—34
Дарионова-Титова			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, т. 210
Досиенский стан			1763	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 188, т. 1414
Максарова	1741		1763	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 151, т. 137
Манюшкина			1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 156, т. 279
Миронова	1781		1782	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, т. 146
Мостовая	1795		1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 176, т. 1—13
Ново-Драченина	1774		1774	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 42, т. 217
Ново-Копылова	1774		1750	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, т. 559
Ново-Кренигово			1782	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 667, т. 278
Ново-Крауш-кина	1786		1782	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 188, т. 231а
Ново-Круги-скай	1795		1782	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, т. 1683
Ново-Кытманова	1771		1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 833, т. 211
Ново-Тарабин-скай	1777		1782	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 42, т. 216
Ново-Товалыца	1783		1782	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, т. 558
Ново-Тарабин-скай	1722		1782	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 188, т. 1649—1658
Озерна-Тилова	1722		1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, т. 1486
Олеухина	1751		1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 833, т. 178
Персборная	1719		1727	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 156, т. 279
Петрушица	1777		1719	ЦГАДА, ф. 517, о. 1, д. 7, т. 7—11
			1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, т. 146
			1719	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, т. 273
			1763	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, т. 161

1	2	3	4	5
Пешерская	1793			
Плюгинкова	1795			
Породелка-Тя- това		1722	1727	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 42, д. 218 ГААК, ф. 1, о. 2, д. 42, д. 217 ГААК, ф. 1, о. 1, д. 156, д. 279. ЦГАДА, ф. 517, о. 1, д. 7, д. 7—11
Порожнинская	1797			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 1233, д. 194
Протопопова	1796			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 1233, д. 95
Салаирская	1788			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 833, д. 215
Семенова-Кра- снюва		1777	1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, д. 1492—7
Сорокина		1748	1754	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, д. 442
Среднекраси- лова		1726		ГААК, ф. 1, о. 1, д. 779, д. 621
Среднекраюш- кина	1796			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, д. 319
Старо-Драче- нина		1759		ГААК, ф. 1, о. 2, д. 1233, д. 175
Тудриха	1788			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 175, д. 696
Уралская	1788			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 833, д. 219
Усть-Каменка	1783			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 833, д. 217
Филиппова		1748		ГААК, ф. 1, о. 1, д. 36а, д. 122
Черкасова		1748		ГААК, ф. 1, о. 2, д. 42, д. 215
Шатунова		1748		ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, д. 439—442
Шмакова		1748		ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, д. 428—439

Тальменская слобода

Барсукова	1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, д. 142
Беспалова	1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, д. 212
Боброва	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 19, д. 88
Выползова	1752	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 42, д. 362
Дрянная	1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, д. 213
Забродина	1719	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, д. 270
Зайцева	1721	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1626, д. 445 ²

¹ 1797 г. — дата указа, фактически крестьяне переселились в
1795 г. ГААК, ф. 1, о. 2, д. 42, д. 215.

² Вначале называлась Казанцева.

1	2	3	4	5
Каратуева	1774			
Кашкаратай- ская		1714	1721	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 232, д. 151 ГААК, ф. 1, о. 1, д. 620, д. 268
Кокуйская				ЦГАДА, ф. 214, кн. 1626, д. 434
Куликова (Не- тужилова)				ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, д. 142
Кунгурова		1755	1750	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, д. 231а
Луговая		1745	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, д. 313
Начува				ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, д. 29
Ново-Егловка	1763			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 36а, д. 124
Ново-Ниская				ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, д. 438
Ново-Перунова				ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, д. 1593
Озерки	1756			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 232, д. 151
Речунова	1757			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 211, д. 368
Старо-Обвин- цова				ГААК, ф. 1, о. 1, д. 211, д. 159.
Старо-Перуно- ва		1744	1748	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 181, д. 250
Тальменская				ЦГАДА, ф. 214, кн. 1626, д. 421
Таскаева				ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, д. 312
Усова		1714	1719	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, д. 312
Усть-Чумыш- ская				ГААК, ф. 1, о. 1, д. 36а, д. 126
Шипицина				ЦГАДА, ф. 214, кн. 1626, д. 429
Шипкинина				ГААК, ф. 1, о. 1, д. 36а, д. 124
Словова		1725	1735	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 620, д. 268
Сркова на р. Еловке	1794			ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, д. 269 ¹
Безголосова		1745	1748	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, д. 267

Барнаульская слобода

Безголосова	1745	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, д. 28.
			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152

¹ В то время д. Усова называлась Чумышской.

1	2	3	4	5
Беспалова	1765			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, д. 312
Белова			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, д. 201
Большая Реч-ка	1732			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 134, д. 361
Буранова			1749	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 105
Булкина			1752	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, д. 13
Вяткина		1738	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, д. 46
Елбанский мыс				ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, д. 625
Зимина	1773		1749	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 105
Калистратка			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 97, д. 235
Каманская			1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 15, д. 458
Кашпакова			1779	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 18, д. 60
Каменный Исток	1778			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, д. 621
Камышенка		1736	1750	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, д. 311.
Кашина			1747	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 36а, д. 123
Клепикова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 15, д. 456
Красноярская на Аее	1776			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 19, д. 86
Красноярская на Чарыше			1734	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 24, д. 389
Дегостаева		1748	1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 583, д. 442
Мезеншева			1782	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, д. 148
Нижнеозерная				ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, д. 1517.
Нижнесоколова	1775		1750	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, д. 304
Новая на Оби		1747	1752	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 97, д. 374
Огнева	1788			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, д. 14
Осколкова	1783			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 811, д. 191
Панюшева			1748	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 811, д. 191
Савинский стан		1747	1747	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, д. 13
				ГААК, ф. 1, о. 1, д. 15, д. 456

1 С 1740 г. сюда получили разрешение поселиться И. Пономарев и И. Соколов. В 1744 и 1745 гг. деревня называется Коншиной. Позднее — Нижнесоколовой.

1	2	3	4	5
Солдатова		1743	1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 583, д. 440.
Усть-Алейская			1745	ГААК, ф. 50, о. 12, д. 2556
Усть-Журавлиха			1763	ГААК, ф. 50, о. 12, д. 2556
Усть-Камласская			1745	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 220, д. 602
Усть-Чарышская		1724	1734	ГААК, ф. 50, о. 12, д. 2556
Усть-Чарышская пристань	1773			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 30, д. 199
Урюпина		1731	1734	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28
				ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, д. 315
Фунтикова замка	1798			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, д. 12; д. 28. Под названием Урюпина встречается с 1747 г., до этого Алейская
Хабазина	1774			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 1218, д. 59
Чеканиха	1791			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 740, д. 20
Чесноковка	1774			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 811, д. 23
				ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, д. 300
Чистонька			1749	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 105
Щелетина			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, д. 204
Щилова	1774			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, д. 561
Шипунова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 19, д. 86

Боровлянская слобода

Аншимова		1734	1748	И. Г. Гуселин, стр. 265. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, д. 428
Барсукова	1770			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 232, д. 36
Безбожная			1747	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 15, д. 269
Безменова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, д. 428
Боржода (Пус-тодльская)	1789			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 818, д. 153
Боровляная	1791			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 818, д. 152
Бочкарева	1776			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 232, д. 144
Буранова	1794			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 42, д. 219

1	2	3	4	5
Ганюшкино 3и-МОВС			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 232, л. 133
Гусельникова		1728	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, т. 19
Дранишников		1717	1719	ЦГАДА, ф. 134, о. 1, д. 7, л. 39. ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, т. 270
Думчева			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 61, л. 7
Елбанская	1786			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 818, л. 149
Елгунина (Улыбердь)			1724	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, т. 258
Загайнова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, т. 456
Инюшева			1719	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, т. 271
Катгайская			1750	ГААК, ф. 50, о. 12, д. 231а
Камышенка			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 36а, т. 123
Коренева		1744	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, л. 42.
Кошелева			1750	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 36а, т. 123
Крайчкова		1746		ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, л. 231а
Красилова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, т. 30.
Краскова			1719	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 36а, т. 31
Лисвенка	1764		1751	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, т. 271
Лушикова			1761	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45 т. 130
Мамонова			1721	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 232, т. 85
Маслянская			1748	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1626, т. 364
Никонова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, т. 442
Ново-Крайчкова			1770	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, т. 428
Ново-Пяткова	1770			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, л. 1519—1524
Ново-Шмакова	1778			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 232, л. 129
Ногина			1759	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 232, т. 291
Огнена замка	1770			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, т. 173
Окжолова			1759	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 232, т. 147
Пайвина			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, т. 175
Пенкова	1766			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, т. 462
Пурысева	1767			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 232, т. 17
Суентинская	1787			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 856, т. 558
				ГААК, ф. 169, о. 1, д. 818, л. 145

1	2	3	4	5
Талицкая (Кадникова)	1776			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, т. 558
Татарка	1798			
Черемушкина		1745	1757	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 1270, т. 82
Щадринова		1741	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, т. 315
Шмакова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, т. 28.
				ГААК, ф. 1, о. 1, д. 36а, т. 123
				ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, т. 428

Касмадинская слобода

Белова	1775	1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, т. 629
Болвашкина			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, л. 1624
Боровая	1765		ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, т. 139
Бутырская	1780		ГААК, ф. 169, о. 1, д. 227, л. 146
Верхняя Пайва	1796		ГААК, ф. 1, о. 2, д. 1216, т. 84
Водичиха	1784	1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 837, т. 278.
			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 401, л. 380 ¹
Ворониха		1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, л. 1576
Вылкова		1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 602
Жаркова	1770		ГААК, ф. 1, о. 1, д. 779, т. 538
Завьялова	1782		ГААК, ф. 169, о. 1, д. 97, т. 331
Казанцева	1781		ГААК, ф. 169, о. 1, д. 227, т. 138
Козымина	1773		ГААК, ф. 1, о. 1, д. 620, т. 504
Коробейникова	1785		ГААК, ф. 169, о. 1, д. 176, т. 45
Куликова	1752		ГААК, ф. 1, о. 1, д. 211, л. 19—29
Нижняя Пайва	1798		ГААК, ф. 1, о. 1, д. 178, т. 26—34 ²
Островная на Касмаде	1776		ГААК, ф. 1, о. 1, д. 822, т. 617
Островная		1757	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 211, л. 181—253

¹ К 1782 г. относятся прошение о переселении.

² Переселившись в 1798 г. крестьяне подали прошение о переселении только в 1802 г.

1	2	3	4	5
Панова Парфеновский станец Пещаная	1763		1763 1750	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 227, д. 190 ГААК, ф. 1, о. 1, д. 95, д. 5
Подстепная Ребриха Рожнев Дюр	1784 1779 1781			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 370, д. 134— 138. Возникла в результате пе- речесения в 1763 г. д. Урывной, существовавшей на месте ны- нешнего Павловска. ГААК, ф. 169, о. 1, д. 837, д. 254 ГААК, ф. 169, о. 1, д. 11, д. 113 ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, д. 1662
Серобренникова Суслова	1770 1770			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, д. 135 ГААК, ф. 160, о. 1, д. 227, д. 142
Усть-Мосиха			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 852, д. 90— 100
Харитонова	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 227, д. 110
Шарчина Шестаболин- ская заимка (Калникова) Шипунова	1779 1770 1765			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 227, д. 93 ГААК, ф. 169, о. 1, д. 227, д. 186 ГААК, ф. 169, о. 1, д. 227, д. 162

Чарышская слобода

1	2	3	4	5
Качусона Кособокова Кособоко-Бело- глазова Мегелена	1770		1748 1749	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 66, д. 31 ГААК, ф. 1, о. 1, д. 29, д. 192 ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, д. 516. Ныне с Белоглазово ГААК, ф. 1, о. 1, д. 8, д. 258
Нечунаева Новая Шипу- нова	1785		1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, д. 13 ГААК, ф. 169, о. 1, д. 777, д. 223
Озерная Пономарева	1766	1742	1749	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 127, д. 73 ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, д. 595
Порозинка Пустынская	1776		1734	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, д. 345 ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, д. 492
Самсонова Тугозвонова			1734 1746	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, д. 382 ГААК, ф. 1, о. 1, д. 29, д. 500
Уржумова Усть-Ермишкина Усть-Камышен- ская	1787 1778		1748	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 777, д. 223 ГААК, ф. 1, о. 1, д. 36а, д. 307 ГААК, ф. 1, о. 1, д. 583, д. 102
Усть-Козлушин- ская	1781		1748	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, д. 440
Усть-Порозинка Усть-Тудатин- ская	1795		1734	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, д. 382 ГААК, ф. 1, о. 2, д. 42, д. 310
Усть-Чайреккая Харлова		1743	1782 1747	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 777, д. 155 ГААК, ф. 1, о. 1, д. 8, д. 75
Хлопунова Чупина	1749		1749	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 105
Шипунова		1747	1748	ГААК, ф. 1, о. д. 105, д. 8, и д. 12
			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, д. 7

Бийская слобода

Белова Бехтемирская	1785		1785 1727	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 176, д. 4 ГААК, ф. 1, о. 1, д. 134, д. 1, ЦГАДА, ф. 517, о. 1, д. 19, д. 102
Большая Угре- нева		1724	1742	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 523, д. 319, ЦГАДА, ф. 1402, о. 1, д. 6, д. 68

1	2	3	4	5
Буданника	1778			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 206
Быстрый Исток			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 256
Верхнеозерная	1778			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 271
Верхнесоколова		1730	1745	ГААК, ф. 167, о. 1, д. 3, д. 482, ЦГАДА, ф. 517, о. 1, д. 25, л. 57—58
Загайнова	1785			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 176, л. 40
Замытлина			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 251
Иконникова	1764	1726	1745	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 55, ГААК, ф. 1, о. 1, д. 114, л. 194, ГААК, ф. 167, о. 1, д. 3, л. 483, Старая д. Иконникова нечезла в 1751 г. и вновь заселена на том же месте в 1764 г.
Кочарова			1727	ЦГАДА, ф. 517, о. 1, д. 7, л. 116
Луговая	1771			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 189
Малая Урленова			1760	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 297, л. 4
Паутова			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 65
Педаная (Песчаная)	1738	1735	1742	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 3, л. 482, ГААК, ф. 1, о. 1, д. 176, л. 582, ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 26
Пешкова			1777	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 212
Савинова			1744	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 17, л. 193
Соголовская		1796		ГААК, ф. 1, о. 2, д. 523, л. 259
Старая Чепровка			1759	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 193
Тыршикина			1744	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 110, л. 111—112
Усть-Ануйская		1743	1749	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 86, л. 274, ГААК, ф. 50, о. 18, л. 6392
Усть-Степной Исток	1784			ГААК, ф. 167, о. 1, д. 3, л. 508

1 1730 г. — прошение о поселении И. Соколова. Вероятная дата основания.
 2 Косвенная дата 1735 г., очевидно, неточна, поскольку два документа указывают датой основания 1738 г.

1	2	3	4	5
Усыпкая		1744	1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 26, ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 361
Фонинская		1720	1724	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 360, ЦГАДА, ф. 1402, о. 1, д. 1, л. 91
Хайрюзовка	1788			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 825, л. 158
Шуфенская		1750	1758	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 174
Уксуняйская слобода				
Большая Речка	1775			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 159
Буранова			1795	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 828, л. 110
Верх-Бехтемирская	1779			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 94
Верхнегогульская			1770	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 185, л. 127
Гордеева заватка		1773	1778	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 614, л. 555
Горновой камень			1785	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 176, л. 79
Дулгенская (Братина)			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 144
Егландинская			1785	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 176, л. 79
Каменская	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 185, л. 150
Колонкова			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 163
Красноярская	1785			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 828, л. 125
Локтевская			1759	ГААК, ф. 167, о. 1, д. 3, л. 483
Мартьянова		1759	1763	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 535, л. 177, ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 149
Напштахинская (Аныштанха)			1792	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 8, л. 68
Ново-Дулгенская			1775	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 638, л. 198
Поповичева			1792	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 8, л. 68
Семелова-Тюнова		1766	1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, л. 1509—16
Среднегогульская	1770			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 185, л. 127
Старо-Тюгульская			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 175

1 1720 г. — время поселения Фоминских в ведомстве Бийской крепости.

1	2	3	4	5
Степной Чу-мыши			1760	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 297, л. 24
Тарабинская		1733	1760	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 336, л. 2. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 297, л. 11 ГААК, ф. 169, о. 1, д. 97, л. 362 ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 128
Ужовицкая	1771		1763	
Черемшанская				ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 188
Яминская	1778			

Белоярская слобода

Арафонова			1795	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 882, л. 68
Бажева		1737	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 211, л. 116
Бачонова			1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, л. 138
Белогорская слобода	1717			ЦГАДА, ф. 1134, о. 1, д. 8, л. 43—45
Бобровская		1713	1745	ГААК, ф. 1, о. 1 д. 620, л. 226. ГААК, ф. 50, о. 12, д. 2536
Глушицкий проезд			1745	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 68
Гочубилова			1771	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 537, л. 74
Еремينا			1795	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 68
Жигина			1752	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 42, л. 362
Зудилова		1723	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 370, л. 136. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 36а, л. 116
Кармацкая		1696	1721	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 679, л. 2481. ЦГАДА, ф. 214, кн. 1626, л. 373
Кислуха		1703	1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 620, л. 291. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 66, л. 8
Клюева			1750	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, л. 231а
Ключевая			1795	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 68
Коптайшина		1754	1757	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 319
Копылова	1720			ЦГАДА, ф. 214, кн. 1626, л. 431
Малахова			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 202
Мыльникова			1750	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 97, л. 375
Ново-Бешен-цева	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, л. 1677

1 Заявление крестьян в 1776 г., что они живут в Кармацкой 80 лет, то есть с 1696 г., сомнительно. И. Кармацкий, по имени которого могла быть названа деревня, пришел в Приобье только в 1715 году.

1	2	3	4	5
Ново-Копылова			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 68
Овчинникова			1756	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 319
Петровка			1795	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 68
Пешанская			1795	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 68
Пованиха			1719	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 267
Полковникова			1795	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 68
Пустьинская			1753	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 134, л. 252
Роланова			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, л. 1298
Санникова	1721			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 176, л. 150
Сорочий тор			1795	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 68
Токарева			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 161
Фирсова		1727	1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 211, л. 126. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 313
Чесноковка		1736	1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, л. 37. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 15, л. 458
Шляпова (Никонова)			1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, л. 138

Шадринская слобода

Бельмесева			1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 416
Боровникова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 21, л. 50
Быкова		1743	1746	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 311. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 12, л. 462
Взасихина замка	1799			ГААК, ф. 1, о. 2, л. 492, л. 77
Гоньбина		1745	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 736, л. 237. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 29, л. 108
Грамотина		1748	1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 667, л. 50
Давыдов лог			1776	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, л. 141
Егунина-Подгорна			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 560 ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 198
Ерестая	1722		1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 17, л. 200
Зимина			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 207
Касмалинская	1732		1734	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, л. 23. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 388
Качкова			1753	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 134, л. 305
Копыванская (Барнаульская)			1734	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 387

1	2	3	4	5
Лебяжья заим-ка	1796			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 492, л. 79
Ново-Обвинцо-ва			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 133
Ново-Панфило-ва			1771	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 479, л. 264
Пещанская		1745	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, д. 51. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 21, д. 50
Рагозинха			1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, л. 141
Расказанха		1755	1759	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 97, л. 678. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 200
Телеутская			1747	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 15, л. 269
Хорькова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 428
Черемно-Под-горна			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 199
Чернополова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 21, л. 50
Шадрина			1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 6, л. 2
Шаховский ста-нец				ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, л. 1659
Шегаболкихи-ская		1736	1747	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 90, л. 1

Ново-Енисейская слобода

Деревни, названные в других слободах, не повторяются

Анучьякая кре-пость	1748			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 94, л. 329
Воеводская			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 66
Ельцовская			1770	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 185, л. 105
Карабинская			1770	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 185, л. 99
Лошкина			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 105
Марушкина			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 516
Ненинская			1770	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 185, л. 89
Ново-Енисей-ское			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 516
Ново-Чемров-ская			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 185, л. 57
Петропавлов-ское			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 53

1	2	3	4	5
Сверчковая Смоленское			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 66
Сухая Чемров-ка			1759	ГААК, ф. 167, о. 1, д. 1, л. 186—200
Терекая защи-та			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 516
			1770	П. С. Паллас, ч. 2, кн. 2, ст. 300

Нижнекумандинская волость

Населенные пункты, названные по другим ведомствам, не по-вторяются

Ажниская			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 517
Ворониха			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 70
Каражанский маяк			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 53
Лебяжий маяк			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 517
Новиковский маяк			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 134, л. 1 ¹
Нижненни-ский маяк			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 517
Согонская			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 70
Сайдылский маяк			1795	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 70
Сайтапский маяк			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 517

Колыванский уезд

Малышевская слобода

Алгацкая			1719	ЦИАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 230
Белоглухова			1766	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 689, л. 170
Вобровская			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 97, л. 628
Верх-Суэун-ская			1719	ЦИАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 235
Городищенская			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 462
Зорина			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 689, л. 74

¹ На этом месте до маяка существовала д. Новикова, обозначенная на карте 1745 г. Около 1752 г. крестьяне выселились.

1	2	3	4	5
Инская	1721	ПРАДА, ф. 214, кн. 1626, л. 353		
Картаполова	1721	ПРАДА, ф. 214, кн. 1626, л. 344		
Кротова	1753	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 134, л. 310		
Мальшевская слобода	1719	ПРАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 232		
Матлышева	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 74, л. 462		
Мерещкая	1721	ПРАДА, ф. 214, кн. 1626, л. 352		
Нижнесуэунская	1719	ПРАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 234		
Нижнесуэунский завод	1770	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 455 ¹		
Порогнкова	1770	ПРАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 231		
Столбова	1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 269		
Тараданова	1744	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 181		
		ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 462—476		
Черепенина	1765	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 689, л. 114		

Кулундинская слобода

Андропова	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 134, л. 305 ²		
Ватурова	1777	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 323		
Баева	1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 487		
Белкова	1750	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 97, л. 377		
Верхнечуманская	1781	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 479		
Вылкова	1758	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 211, л. 100—106, ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 602		
Гонохова	1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 195		
Идолова	1737	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 211, л. 103		
		ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 305		
Камень	1748	1748 г. Выдывается сверхкой списков		
	1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, л. 135		

¹ Завод основан в 1764 г., а 1770 — дата поселения при нем писных крестьян.

² Название Андропова найдено в документах только с 1755 г. Раньше встречается под названием д. Кулундинская.

1	2	3	4	5
Киприна	1781		1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 313 ¹
Ключевая				ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 220
Корнилова			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 507
Кучуцкая		1734	1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 211, л. 19.
Макарова	1781			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 313
				ГААК, ф. 169, о. 1, д. 227, л. 1019
Мезишева	1776			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 581
Могокова			1753	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 134, л. 311
Нижнечуманская	1778			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 475
Ново-Тюменская	1787			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 776, л. 436
Овечкина			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 475
				ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 282
Омутская	1765			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 582
Пактина	1776			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 582
Плотникова	1775			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 211, л. 103
Простаушинская	1757			ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, л. 231 ^a
Сегезнева (Коростелева)		1745	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 31
Соплякова				ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 462—476
Телеутская	1776			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 527
Трезвопова	1778			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 536
Трубачева	1770			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 610
Тюленцева			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 573
Черемшанская			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 134, л. 309

¹ Сначала называлась Шишкиной и Кишкинской по оз. Кипкинскому.

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

Чингисская слобода

Артамонова	1743	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 59, л. 142. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 428—439
Бедрина	1765	1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 463
Биткова	1775	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 638, л. 198	
Болгольская	1784	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 781, л. 314	
Верхнекаракаганская	1781	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 97, л. 257	
Дресвянская	1746	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 32	
Ерещная	1750	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, л. 231а	
Ершова	1785	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 781, л. 320	
Заковряшина	1726	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 55, л. 5	
Карасева	1764	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 179, л. 418	
Ключевая	1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, л. 135	
Костылева	1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 31	
Лушикова	1770	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 462	
Магетина	1708	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 467	
Марюва	1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, л. 48.	
Мыштанова	1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 312	
Мягланова	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, л. 128	
Мягланова	1724	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 435—439	
Нижнекаменская	1705	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 294; ЦГАДА, ф. 199, о. 2, № 481, ч. IV, д. 1, л. 160	
Соколова	1717	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 59, л. 144.	
Татчихина	1748	ЦГАДА, ф. 1134, о. 1, л. 7, л. 39	
Урюпина	1782	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 428—439	
Чингисская	1750	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 179, л. 551	
Шагаева	1719	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, л. 231а	
Шагаева	1759	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 228	
		ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 59	

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

Ордынская слобода

Шандурова	1750	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, л. 231а
Шарчихина	1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, л. 129
Шипунова	1748	ГААК, ф. 1, д. 73, л. 449
Шурыгина	1775	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 179, л. 428
Черепанова	1779	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 232, л. 156
Алексеевская	1784	ГААК, ф. 169, д. 838, л. 387
Антонова	1774	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 689, л. 342
Ватайцева	1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 179, л. 649
Верх-Ирменская	1775	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 638, л. 197
Верх-Чиковская	1782	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 151, л. 254
Верх-Алеуская	1772	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 689, л. 362
Еремнина (Магга Ирменская)	1721	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 308, л. 492
Елбанская	1750	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, л. 231а
Ирменское	1721	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 308, л. 486
Красноярская	1721	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 308, л. 494
Козинская	1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 179, л. 680
Кызынская	1739	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 30, л. 199.
Дуговая	1750	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 209, л. 52
Ново-Поваренская	1795	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, л. 231а
Ново-Федосова	1795	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 58, л. 443—444
Ново-Федосова	1795	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 58, л. 443—444

1 В то время называлась д. Ярская.

1	2	3	4	5
Ордынская	1721	Месершмидт Г. Д., ч. 1, стр. 78 и ГААК, ф. 1, о. 1, д. 308, л. 499		
Половинная	1795	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 58, л. 443		
Понькина	1750	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, д. 231а		
Плотникова	1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 179, л. 692		
Поперешная	1775	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 638, л. 197		
Пичогова	1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 404, л. 365		
Пушкарева	1774	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 689, л. 346		
Роголева	1781	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 689, л. 318		
Спирина	1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 689, л. 332		
Среднеагурская	1772	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 689, л. 354		
Тихонова	1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 66		
Усть-Алеусская	1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 404, л. 355		
Усть-Дуковская	1772	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 689, л. 69		
Федосенха	1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 179, л. 693		
Филиппова	1782	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 151, л. 247		
Шарабская	1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 404, л. 351		
Шипцова (Финляндина)	1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 63		
Шагадова	1763	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 404, л. 138—157		

Буринская слобода

Береговая	1779	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 108		
Верх-Суетинская	1764	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 1		
Волчно-Буринская	1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 107, л. 203		
Высокая Грива	1765	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 73		
Вилежанская	1781	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 122		

1	2	3	4	5
Горнастаева	1773			
Жуланская	1778		1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 97, л. 304
Закавришина	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 174
Зыкова	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 116
Индер	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 68
Карасукская	1773			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 127
Кобылина	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 27
Конева	1764			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 80
Крутищенская	1744		1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, л. 46
Купцанская	1781			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 459
Кочки	1780			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 538, л. 141
Лешаковы озера	1771			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 60
Маслянская	1772		1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 107, л. 203
Ново-Буринская	1771			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 34
Нижнекарасутская	1792			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 135
Нижнечеремшная	1770			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 8, л. 124
Панкрушина	1778		1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 107, л. 203
Подойникова	1769			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 84
Полонская	1783			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 147
Прыганская	1743			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 37
Решетова	1788			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 538, л. 141
Суетинская при р. Сумах	1748			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, л. 12
	1788			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 538, л. 143

1	2	3	4	5
Таскаева	1773			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, д. 162
Чулымская	1773			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, д. 156
Хабарова			1771	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 559, д. 173
Ярковская	1780			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 97, д. 371

Семипалатинский уезд
Колыванская слобода

Алейская (Половинкина)	1764			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, д. 63
Бобкова (Склянка)	1749			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 105
Гилева	1748			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 29, д. 166
Каменская	1770			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, д. 131
Каплино зномове	1771			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, д. 138
Карболинская	1748			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, д. 32
Колыванский завод	1727			ПГАДА, ф. 248, о. 1, д. 725, д. 382
Колыванская (Савлушка)		1747		ГААК, ф. 1, о. 1, д. 105. После 1763 г. перенесена на место з. Саввы Фарафонова
Красноярская на Алее	1749			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 29, д. 173
Краснощекова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, д. 10
Корогелова	1784			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 847, д. 198
Курдынская Маханова	1749			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 105
Ново-Алейская			1763	ГААК, ф. 1, о. доп. к 1, д. 8, д. 174
Поспелиха Ручьева	1748			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 29, д. 168—175
			1764	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 17, д. 142
				ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, д. 129

1	2	3	4	5
Трусова	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, д. 470
Усть-Белая (Медведева)			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 97, д. 350
Усть-Склянка	1777			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, д. 45
Усть-Янцевая Фирсова	1749			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 105
Чингинская (Ларионова)	1748			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 29, д. 241
			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 97, д. 346

Усть-Каменогорская слобода

Бобровская	1763			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 831, д. 123. По другим данным в 1765 г.
Глубокая			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, д. 26—55
Красноярская на Иртыше	1761			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 831, д. 169
Праворыжкова	1748			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 17, д. 130
Ульбинская	1761			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, д. 600
Усть-Каменогорская крепость	1720			Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 2, СП6, 1885, стр. 205—209

Убинская слобода

Вавионская	1783			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 813, д. 104
Вылринская			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, д. 238
Екатеринская	1766			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, д. 326. Возникла у Екатеринбургского форпоста, существовавшего до 1766 г.
Кабанова			1779	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, д. 635
Красноярская на Убе	1749			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 94, д. 329. В 1749 г. началось строительство форпоста, деревня около него заселена в 60-х годах XVIII в.

1 1780 г. — разрешение на переселение.

1	2	3	4	5
Ново-Алгейская	1765			Исторические известия об Омской области... Руконись в ГГУ, л. 59. Сооружение форпоста
Плюсская	1767			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, л. 348
Старо-Алгейская	1766		1749	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, л. 439. 1766 г. — заселение деревни. 1749 г. — был здесь Алгейский станец.
Стеглинская	1786			ГААК, ф. 1, о. доп. к 1, № 45, л. 148
Убинская	1748			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 17, л. 130—134
Шеманьевская	1749			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, л. 310. Создана в 1766 г. околоту Шеманьевского форпоста, сооружение которого было начато еще в 1749 г.

Крутоберезовская слобода

Бодышеченская	1765			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, л. 387. Возможно, это дата основания
Верх-Убинская	1766			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, л. 478
Зевакина		1763		ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, л. 145
Крутоберезовская	1761			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, л. 116
Магда Убинская	1794			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 824, л. 141
Секисовская	1766			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, л. 505

1

1	2	3	4	5
Тугатинская защита Чарышевский форпост Соосовский маяк Маралихинская защита	1765			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 516. Место выбрано в 1761 г. Исторические известия об Омской области, стр. 59
Форпост Казанской ботоматери Слюдянский маяк Антоньевский форпост Николаевский маяк	1754			П. С. Паллас, ч. 2, кн. 2, стр. 300
Катунская крепость Урунский маяк Верх-Ненинский маяк Пуштулимский подулмак Сары-Чумышский маяк Кандагапский подулмак Кузедельский форпост	1748			П. С. Паллас, ч. 2, кн. 2, стр. 300
			1777	Д. П. Потанов. Очерки по истории алтайцев, 1953, стр. 181. Ныне с. Николаевка
			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 94, л. 329. Ныне с. Катунское
			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 517
			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 517
			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 517. Ныне с. Пуштулим
			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 517. Ныне п. Кандагап Кемеровской области
			1760	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 74, л. 426. Ныне с. Кузедеево Кемеровской области

Пункты Колывано-Кузнецкой военной линии, не входившие в 1795 году в состав показанных выше слобод

Тигирейский форпост Яровой маяк	1765		1777	Исторические известия об Омской области, стр. 59 ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 516. Место выбрано еще в 1762 г.
---------------------------------	------	--	------	--

Библиография
Имя
59964

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Присоединение верхнего Приобья к России	5
Глава II. Первые русские крестьяне на Алтае	26
Глава III. От первой ревизии до 1747 года	38
Глава IV. Поселение пришлых и добровольных переселенцев	54
Глава V. Внешний приток крестьянства на Алтай во второй половине XVIII века	65
Глава VI. Внутренняя миграция крестьянства на Алтай	80
Глава VII. Заселение Колывано-Кузнецкой военной линии	91
Глава VIII. Итоги заселения Алтая крестьянами в XVIII веке	103
Заключение	114
Приложение. Хронология возникновения населенных пунктов на территории верхнего Приобья в XVIII веке	117

Б у л д г и н Ю р и й Сергеевич ПЕРВЫЕ КРЕСТЬЯНЕ НА АЛТАЕ

Редактор Т. Гончарова
Художник Н. Викова
Художественный редактор Б. Дулачев
Технический редактор М. Сафонова
Корректоры А. Дмитриев, П. Тырышкина

АГ 00026. Стано в набор 13. I. 1974 г. Подписано к печати 22. II. 1974 г.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 3. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л.
8,09. Тираж 7000 экз. Заказ № 197. Цена 36 коп. Алтайское книжное
издательство Государственного Комитета Совета Министров РСФСР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Барнаул,
Ленина, 76. П. о. «Издательство» Управления издательства, полиграфии
и книжной торговли крайисполкома — Барнаул, ул. Гоголева, 29.